

«Р**ү**ССКАЯ МЫСЛЬ ЖИВСТ...»

«РУССКАЯ МЫСЛЬ ЖИВЕТ...»

«Русская мысль живет ...»

Сборник философской прозы и поэзии памяти Дарьи Дугиной (Платоновой). – Симферополь: ИТ«АРИАЛ», 2023. – 164 с.

ISBN 978-5-907742-25-3

Книга – литературно-философский сборник произведений различных жанров: интервью, статьи, эссе, рассказы, стихи. Авторы настоящего издания представляют широкую географию России. Идея, вокруг которой строятся тексты, – защита и созидание Русского мира. Подсвечивание граней русского логоса на сломе эпох и стыках цивилизаций. Посвящая сборник трагически погибшему за Русский мир философу и журналисту Дарье Дугиной, мы подчеркиваем важность именно литературно-философского слова в созидании Русского идеала. Русской мечты и в конечном счете нашего Русского будущего.

Автор идеи и руководитель проекта: Шевченко О. К.

Главный редактор и продюсер: Габриелян О. А.

Редакционный совет:

Аксенова Елена Александровна – председатель Наблюдательного совета МОО «Русское Единство», член Бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора:

Епископ Нестор (Доненко) – архиерей Русской православной церкви, епископ Ялтинский, викарий Симферопольской и Крымской епархии:

Гемпель Ю. К. – председатель Комитета Государственного Совета Республики Крым по народной дипломатии и межнациональным отношениям;

Лазарев Ф. В. – доктор философских наук, профессор; Форманчук А. А. – председатель общественной Палаты Республики Крым;

Умрихина Татьяна Викторовна – генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

Редколлегия:

Литературный редактор: Романов Д. Д. Корректор: Никитина И. В. Дизайн и верстка: Семенюк Л. В.

Верстка с использованием программы GoART.

Использованы картины художников: Андрея Рублева, Франца Рубо, Ивана Шишкина, Валентина Серова, Екатерины Красновой, Павла Корина, Петра Кривоногова, Сергея Ефошкина, Андрея Шишкина. Ответственный секретарь: Зыщик Е. Б.

Секретарь: Головкина Г. М.

Проект поддержали:

- Государственный Совет Республики Крым;
- Общественная палата Республики Крым;
- Министерство культуры Республики Крым;
- Межрегиональная общественная организация «Русское Единство»;
- Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского;
- Крымская Академия Наук;
- Крымский Индустриально-педагогический университет им. Февзи Якубова;
- Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации;
- Крымское отделение Российского философского общества;
- Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник;
- Издательство типография «Ариал»;
- Российская газета. Крымский филиал;
- Общественная организация «Региональная армянская национально-культурная автономия Республики Крым «Крымское армянское общество»;
- Благотворительный культурно-просветительский фонд «Луйс»;
- Фонд содействия развитию науки, культуры и кино «Одиссей».

Спонсоры проекта:

Аксенова Елена Александровна, Лайс Кирилл Альбертович, Нордгеймер Сергей Рудольфович, Пипия Одиссей Мамиевич, Якубов Чингиз Февзиевич.

СОДЕРЖАНИЕ

предисловие			
Аксенов С. В. Константинов В. А.	Слово к читателю5		
Коробов-Латынцев А. Ю.	Даша - Душа10		
І. ИНТЄРВЬЮ			
Шевченко О. К. Габриелян О. А. Зыщик Е. Б.	ЖЕРТВА И КРОВЬ, ЛЮБОВЬ И МИЛОСЕРДИЕ Интервью с Епископом Нестором (Николаем Николаевичем Доненко)		
II. ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ И ЭССЕ			
Лазарев Ф. В.	Восстание русского духа: новая глава Всемирной истории20		
Муза Д. Е.	Русская цивилизация в поисках формулы нового мироустройства		
Макушин А. В. Океанский В. П., Океанская Ж. Л.	Как русский мир стал Русским миром 40 Метафизика русской идеи47		
Трифонова М. К.	Потерянный материк: мифология древних славян		
Гарбузов Д.В. Мищенко Т.А. Габриелян О.А. Дударева М.А. Романов Д.Д. Коробкина Е.Н.	Эссе о России: мысли россыпью		
Царегородцева C. C.	Демонтаж советской литературы: причины и последствия101		
Пипия О. М.	Причины и последствия		

III. ПР**03**А

TOMOHOB IO. B.	я русский	100
Шевченко О. К.	Свет во тьме	
	Почем нынче Хоккайдо?	116
Гуревич И. Д.	Верблюд и дружба народов	120
	Анонимная надпись	
Попов В. В.	Не бойся, я с тобой!	130
Пономарёв А. А.	Родинка	
Романов Д. Д.	Слишком человеческое	
V. П 0ЭЗ ИЯ		
Мишучков А. А.	Молитва о России	150
Фролов-Крымский К. Ю.	Гимн Севастополя	151
	Мы русские	152
	За нашу Дарью!	153
Габриелян О. А.	Я не знаю, что будет	
Гуревич И. Д.	К Европе	155
	Тиха украинская ночь	
Орехов А. М.	Киевский вокзал	157
	Девяносто первый год	158
Синицын Т. Б.	Новороссия	158
Майкова В. П.	Время мое	
	«Трудное счастье России»	
Коробкина Е. Н.	Русские поэты	
Шеховцова Е. П.	Евразия-Россия	
Шевечнко О. К.	Post scriptum	162
Габриелян О. А.		

слово к читателю

Россия и Русский мир сегодня переживают один из самых сложных периодов своей истории. Нам объявлена война на уничтожение. Она ведется на всех направлениях — от прямой агрессии и террористических атак на российские территории до информационного и культурного фронта. Но прежде всего это война идей и смыслов. Победа в ней — важнейшее условие Победы на поле боя, выполнения задач специальной военной операции.

Главный ресурс наших врагов — это ненависть. Западный мир, рабом которого стала Украина, ослеплен сознанием собственной исключительности. Он отказывает в праве на самостоятельное существование другим народам и цивилизациям, видит в этом угрозу себе. И всеми силами и средствами стремится эту угрозу уничтожить.

Мы же видим в разнообразии и многополярности благо как для нашей страны, так и для всего человечества. Русский мир — мир сотрудничества и взаимопомощи, а не вражды и ненависти. В этом коренное различие между Россией и Западом. И в этом наше преимущество, потому что сотрудничество для любого нормального человека лучше вражды.

Огромным преимуществом является и наша приверженность традиционным семейным и религиозным ценностям. Эту позицию разделяет большая часть человечества.

Попытки навязать миру самые дикие извращения человеческой природы в качестве нормы стали одним из ключевых пунктов западной повестки. Что вызывает возмущение и отторжение в том числе в самих западных странах.

И конечно, миллиарды людей связывают с победой России свою надежду на избавление от диктата Запада, на рождение нового многополярного мира, основанного на уважении суверенитета и национальных интересов народов и государств, свободного от неоколониализма.

Важно четко и последовательно формулировать наши идеи, смыслы, нашу позицию и последовательно доносить их до потенциальных союзников и единомышленников во всем мире.

Скажем прямо, с этим пока есть проблемы. И конечно, одной из главных задач отечественной интеллектуальной элиты является формирование образа будущего. Не раз говорил: России жизненно необходима мощная, четко сформулированная концепция

Русского мира как мировоззренческая модель, понятная для всех. Она нужна, прежде всего, нам самим. И прежде всего для того, чтобы Россия больше никогда не стала «домом, разделившимся в самом себе».

Сегодня мы видим, что многие идеи и смыслы нам подсказывает сама жизнь. Они рождаются на полях СВО, проявляются в консолидации общества вокруг нашего национального Лидера, вокруг общих целей и ценностей. Они в сердцах миллионов наших сограждан, для которых стал жизненным девизом легендарный лозунг «Все для фронта, все для Победы!».

Не сомневаюсь, что эти идеи и смыслы станут важной основой идеологии Русского мира.

Глава Республики Крым Сергей Валерьевич Аксенов. рымчане ещё в 2014 году поняли, что у киевских преступников нет никаких моральных ограничений. Трагедия на Каховской ГЭС в очередной раз это показала. Попытки диверсий на границах России, терактов в Крыму, удара по Кремлю, — это всё понятная логика действий киевской хунты. Эти шоумены не особо скрывают свои планы и являются в этом смысле прогнозируемыми. Но крайне опасно, если у них сформируется иллюзия безнаказанности. Тогда они могут далеко зайти.

Им нужно любыми способами привлечь к себе внимание, сделать из своих действий мировое политическое шоу, чтобы интерес к их персонам, к теме Украины в целом, не остывал. Им нужна западная помощь, нужно продолжать её разворовывать, без этого никак. За спиной их — пепел и разгромленная Украина.

Что дальше? Они какое-то время на этих выпадах протянуть смогут. Территория страны — покойник, государственности нет, нет народа, есть население: разбалансированное, оболваненное. Они не знают и не хотят знать, что с этим всем делать, если война вдруг закончится.

Но что НАМ с этим делать? У России нет другого исторического выбора, кроме как управление этими территориями. Некоторым кажется, что они не нужны нам, что нам не надо этим заниматься. Но иначе не получится. Оставлять этот кровоточащий, стремительно разлагающийся геополитический труп у своих границ — недопустимо для обеспечения нашей национальной безопасности, для наших будущих поколений. Но это не всё.

Украина — не единственная из бывших советских республик, которые могут использоваться против России. «Наши западные партнёры» будут кидать в эту топку людей, проживающих в этих республиках, легко управляя их неполноценными и несамостоятельными государствами. Успешное завершение СВО во многом предопределит дальнейшие взаимоотношения, которые сложатся на постсоветском пространстве. И то, КАК она закончится, с какими итогами — во многом определит будущее всего этого пространства.

Ни при каком раскладе невозможно допустить нахождение Одессы, Херсонской, Николаевской областей

вне контроля Российской Федерации. Это просто не укладывается в голове.

Отмечая 240-летие вхождения Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской Империи, мы обсуждали события тех лет, проводили исторические параллели. И сошлись на том, что тогда Россия вышла к своей естественной границе — северному побережью Чёрного моря. Любое её нарушение таит в себе угрозу для нашего государства, в чём мы убеждаемся прямо сейчас. А потому — она должна быть восстановлена во всей своей полноте.

Безусловно, Украина стала инструментом в противостоянии России и Запада. Но инструмент инструментом, а что в их головах? Не в одурманенных наркотическими парами головах представителей клики Зеленского, а в головах миллионов подконтрольных им украинских граждан. А там — бредовая идея евроинтеграции, которую крымчане однозначно отвергли много лет назад. У нас на каком-то природном уровне есть понимание ее враждебности и нереалистичности для нашего народа. Тогда еще не было русофобии, но мы уже тогда понимали, что эта идея не приживется.

Сегодня природная русофобия есть. Она не зависит от того, хочешь ты быть частью европейской цивили-

зации или нет. На Западе нас все равно ненавидят – по этническому принципу. Из украинских граждан, не без успеха, лепят отмороженных русофобов, подменяя русофобией евроинтеграцию.

Нашей цивилизации в очередной раз брошен вызов: быть или не быть.

Как сегодня выглядит русский человек, который более 30 лет прожил в рыночной экономике, фактически – под давлением Запада, который пытается все эти годы сохранить свою идентичность? Ведь Запад проникает в нашу жизнь, в нашу культуру, в образ мыслей, в названия – он везде. И одномоментно отречься от этого простой человек не представляет возможным. А надо ли? Или стоит продолжать стремиться к Западу, идти туда? Ведь ходили же последние 300 лет и даже больше. Эти бесконечные хождения Русского мира на Запад навевают очень грустные мысли.

Сегодня идет СВО, гибнут наши ребята. Общаясь с ними, мы понимаем, что там — природная сила нашего народа, его природное чувство своей особой роли на планете Земля, преданности своей земле, своему выбору, своим цивилизационным ценностям.

Сейчас наша задача, всего нашего общества, заключается в том, чтобы более адекватно всем этим природным устремлениям заново организовать Русский мир. Это будет логическим выводом из СВО и нашей безусловной победой как цивилизации, как особого мира. В этом нет ничего враждебного ни к китайскому, ни к японскому, ни к латиноамериканскому, ни к какому другому миру. Мы у себя порядок наводим. Нам нужно выкорчевать все сорняки, как это делает заботливый хозяин на своей земле, выбросить все, что нам мешало, что-то запретить, с чем-то бороться, а чему-то дать новый импульс для развития. Примерно в таких аллегориях мне видится развитие нашего Русского мира, я убежден, что эта идея — не миф и не блеф.

Кто-то считает, что после CBO мы снова можем вернуться к Западу. Я категорически против этого. Это будет историческим, цивилизационным проигрышем для России.

Вовремя начатая СВО не дала нам скатиться к идеологии потребления. Но если бы Запад умел стратегически мыслить в отношении Русского мира или хотя бы его понимал, он бы не вводил санкции против нас, а развращал бы нас и дальше — до полной потери государственности. Как это произошло с Польшей, Германией, Францией. Чтобы мы разбились на какие-то осколки, региональные секции потребителей.

И тогда они бы достигли своих целей, а мы из государства стали бы территорией потребления, которая бы утратила субъектность.

СВО дала нам шанс, которым нужно воспользоваться. У нас появился исторический шанс, но он будет существовать не вечно. Если им не воспользоваться, больше его может и не быть. Нам крайне важно не упустить это время.

Конечно, для построения своего Русского мира нужно широкое представительство народа: партийное, депутатское, общественное — все должны быть вовлечены в реализацию этой идеи. Все это должно быть вовлечено в процесс, который можно назвать Русским собором.

Он нужен для того, чтобы мы не просто выработали какую-то дорожную карту, о которой будет знать ограниченный круг лиц (это все не будет работать), а сформировать нашу идею и в её реализацию вовлечь всех людей, таким образом, активно приобщив их к нашей цивилизации. А вот если человек не принимает эту идею, он не может быть частью нашей страны, Русского мира. Не хочешь быть с нами? Живи вне нашей территории. Скажем, не хочу я жить в Европе, я там и не живу.

Наш мир должен опираться на глубинные, коренные основы, которые сделают наш мир цельным. Формы сотрудничества с разными общественными институтами будут выстроены. И мы будем понимать, что люди, которые поддержат наш Собор, будут частью нашего мира.

Его монолитность необходимо укреплять. Иначе: сегодня Украина, а завтра какая страна? Недавно пытались расшатать ситуацию в Белоруссии. Могут и с другого края попробовать поджечь.

Русский мир будет объединением по духовному, цивилизационному, идеологическому принципу. Это первый фактор.

Конечно, нужно иметь в виду, что и индейцы, которых уничтожали англосаксы, существуют и сегодня, сохраняя свою идентичность. Они не соревнуются с англо-саксонской моделью, но они смогли сохраниться. Коренное население ЮАР боролось не за экономику или развитие страны, а за себя, за сохранение своей идентичности. Да, возможно, после падения апартеида в каких-то вопросах ЮАР отстает, но свой мир. свою идентичность местные жители отстояли.

Но Русская цивилизация, в отличие от коренных народов Америки и Южной Африки, имеет особое ме-

сто на планете Земля. У нас особая история, которая многое предопределяет, и особая глобальная миссия. И она вовсе не в том, чтобы любой ценой противостоять Западу. Не мы ему, а он нам регулярно бросает вызов. Мы сегодня против Запада, но мы не хотим стать частью китайской или какой другой цивилизации. Мы не хотим попадать в какую-то зависимость, мы хотим строить свой мир, который по всем параметрам должен быть не только удобным дня нас, но эффективным в конкуренции цивилизаций, которая идёт в современном мире.

Вовсе нет необходимости отказываться от заимствований вообще. Нужно произвести ревизию того, что пришло к нам с Запада и органично встроено в нашу жизнь, а от чего следует решительно отказаться. И здесь должны быть востребованы подходы, которые есть у простых людей в самом низу. Именно там — сила нашего мира, которая много раз не давала нашей стране погибнуть. Именно там мы будем как из родника чистую воду — черпать идеи, в том числе и национальную.

Конечно, нам нужно преодолеть традиционные проблемы Русского мира. Убежден, многие из них стимулировались Западом. Скажем, коррупция, национальная склонность к которой нашего народа сильно преувеличена. Но болезнь эта, конечно, есть. Она не только разъедает общество, но и отрицательно влияет на самостоятельность страны. Пример: режим Зеленского. Чем больше он и его подельники воруют, тем легче ими управлять, дергать их за ниточки, фактически — в заложниках.

Нам нужно избавиться от старых привычек, которые мешали сделать наш мир лучше, совершеннее. Что-то можно сохранить, что-то – вернуть из советского прошлого, но не возвращаться в Советский Союз.

Ни в коем случае нельзя, чтобы меньшинство имело возможность безгранично навязывать большинству идеи, образ жизни, управлять им без учёта устремлений этого большинства.

Политическая система должна быть адаптирована к нашим реалиям, политической культуре, актуальным потребностям развития нашей страны. Пора прекратить копировать политические моды, чаще всего, – всё того же западного происхождения. Многое из таких заимствований у нас попросту не работает или работает

формально. Нужно простому человеку, человеку труда дать полную свободу действий, помочь полностью раскрыть его потенциал.

Одним словом, дел у нас много. Но без какого-то вовлечения всего народа в участие в этих делах у нас не получится построить эффективную цивилизацию.

И ещё необходимое условие: отстаивать свою полноценность на каждом квадратном метре любой сферы.

Мы много говорили о чистоте нашего языка, о противодействии засорению его бездумными иностранными заимствованиями, о том, что наши спортсмены не должны выступать на международных соревнованиях под нейтральными флагами, унижая себя, а фактически, — всех нас. Некоторые из них уже планируют изменить гражданство ради выступлений. Их право. Но нам бы им объяснить, что это — дорога в одну сторону, и обратно к себе мы таких перебежчиков брать не будем.

Такие люди – не наши. Для них страна – не мать, ради которой нужно жить, а как инструмент, который надо использовать. Фактически – это предательство, современная власовщина.

Очевидно, что мы находимся в переломном моменте политического развития всего человечества. И нам нельзя медлить с цивилизационным выбором. Это необходимо и в силу вхождения в состав России новых территорий. Их жителям должно быть понятно: куда мы идем? Украина шла в Европу, пусть и не дошла, но вектор движения был понятен. А мы что мы предлагаем?

Именно стройная, цельная концепция Русского мира даст ответ на вопрос, куда мы движемся. И это должно будет повлиять на подавляющую массу людей. Исторически для этого уникальный шанс. Крымская весна запустила процесс глобальных изменений, на фоне которых произошло пробуждение Русской цивилизации. СВО должна завершить процесс построения Русского мира.

Мы столетиями безуспешно искали благополучия и прогресса на чужбине. Настало время вернуться домой.

Председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Андреевич Константинов.

КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

кандидат философских наук, офицер Народной милиции Донецкой Народной Республики, *Донецк*.

даша-дүша

Иной раз очень трудно сказать про человека, что он был, но приходится.

Даша была пассионарием. Философ, телеведущая, журналистка, организатор, а еще ученый (она писала диссертацию по неоплатоникам). Она умела обаять и найти общий язык с патриотами всех партий: и с правыми, и с левыми, с монархистами и анархистами. Даша интуитивно понимала, что наше тяжелое время требует соработничества всех ради общего дела. Поделюсь своими воспоминаниями о Даше.

Мы познакомились на фестивале «Традиция» в 2018 году. Она была модератором на площадке, где я читал лекцию. Она мне показалась тогда совсем маленькой (верный признак, что внутри человека проделывается философская работа, — это всегда молодит), я с удивлением узнал, что она уже в аспирантуре. Мы немного поговорили о теме ее диссертации, я ей что-то посоветовал (я к тому времени уже года три как был кандидатом наук). А потом она попросила меня в своей лекции сказать что-то о геополитике. Я сказал про геополитику, прочитал лекцию и уехал насовсем в Донецк. Больше мы, кажется, уже не виделись и почти не общались — до момента начала СВО.

Думаю, Даша сразу поняла масштаб СВО, его философский смысл. Она была к этому подготовлена — воспитание отца-философа сказалось. Она поняла, что это событие нуждается в интерпре-

тации, которую надо не только продумать, но на которую надобно прежде всего решиться. Даша сразу же решилась и поддержала идею провести большой философский собор «Великое русское исправление имен», посвященный осмыслению СВО. Можно даже сказать, что сама эта затея принадлежит ей столько же, сколько мне и моему товарищу Николаю Арутюнову, философу-евразийцу, главе культурного пространства «Солнце Севера». Даша активно помогала с организацией собора, сама намеревалась выступить на одном из заседаний. Увы, в день очередного заседания собора (посвященного, кстати, Дашиной теме — экзистенциальной политике), вместо заседания была панихида по ней...

На панихиде Александр Гельевич сказал, что хотел воспитать дочь настоящим русским человеком. Без сомнения, ему, как отцу и как философу, это удалось. Даша не боялась мыслить, не боялась принимать смелые человеческие и вместе с тем философские жизненные решения. Даша жила в открытом русском космосе, плясала под народные песни, улыбалась русской природе, слышала и следовала нашему вечному Зову, который призывает философа в путь до тех мест, где сгущается бытие. И вот уже Даша, следуя этому Зову, едет в освобожденный Мариуполь, чтобы соприкоснуться с этим бытием, сопричаститься ему...

Это был философский поступок, и у Даши – при всей ее жизненной энергии и отцовом философском наследстве – было большое будущее именно как у философа. Возможно, она реализовалась бы как политолог или журналист, как общественный деятель. Философ может состояться во всех этих сферах.

На панихиде Александр Гельевич сказал, что не может судить, насколько глубоким философом была Даша. Да, она не успела написать каких-либо больших программных текстов, по которым мы могли бы оценить глубину ее идей. Но философа мы отличаем не только по тем идеям, которые он прописал в своих текстах, но и по тому, как эти идеи, — избранные или сотворенные им, — воплощались в его собственной жизни. Насколько решительно он следовал им. Решительность и смелость — не менее важные, чем глубина, качества философа. Даша этими характеристиками точно обладала.

У нее была та самая органическая всеотзывчивость, о которой писал Достоевский. Она это про себя знала и призывала всех своих товарищей, соратников и друзей, всех патриотов к соработничеству на благо Отечества.

После трагедии Захар Прилепин написал, что хорошо бы всем патриотам – и левым, и правым, и националистам, и евразийцам, и анархистам, и имперцам – всем-всем нам заключить «Хартию Дугиной», то есть пакт о ненападении друг на друга до поры до времени. Хотя бы до окончания СВО отложить все наши дрязги и выяснения отношений. Вместе с моими товарищами мы решили эту идею реализовать и призвали всех патриотов заключить «Соглашение Дугиной». Считаю важным привести здесь текст этого Соглашения:

20 августа 2022 года террористами была подло убита Дарья Александровна Дугина (Платонова), известная журналистка, философ, дочь русского мыслителя Александра Гельевича Дугина. Трагическая гибель Дарьи вызвала отклик со стороны всех патриотов: левых, правых, центристов.

Даша Дугина обладала той самой всеотзывчивостью, о которой писал Достоевский, способностью воспринимать самые разные, порой противоположные идеи как грани единой Русской идеи. Даша Дугина всем была своя.

Те, кто убил ее, — наш общий враг, с которым необходимо бороться на всех фронтах. Мы взыскуем не мщения, но справедливого возмездия. Поэтому предлагаем всем патриотически настроенным силам заключить «Соглашение Дугиной», суть которого — в установке на соработничество в деле достижения безусловной Победы в глобальном конфликте, развёртывающемся на наших глазах и несущем экзистенциальную угрозу нашей Родине.

Мы, нижеподписавшиеся, призываем на время отложить свои раздоры и претензии друг к другу и сообща соработничать нашему государству, нашей Армии, Родине для скорейшей Победы на всех фронтах.

Подписать «Соглашение Дугиной» может каждый желающий на сайте http://platonova-consensus.ru/.

И в заключение еще пару слов.

Трагическая смерть Даши отразилась на всех нас, тех, кто знал ее, кто с ней работал. Дашина душевность и открытость, всеотзывчивость, о которой помнят многие, на самом деле принадлежала не ей одной, но всем нам, и с гибелью Даши в наших русских душах что-то стряслось, повредилось.

Врагцелитв душу. Но причинить ей какой-либо вред — не в силах. Это еще в древности утверждал Платон. Он же сказал, что философия — искусство умирать.

Но ведь не только умирать. Да, философ держит смерть свою при себе, живет при смерти, чтобы не умереть при жизни. И эта метода, этот философский путь сопряжен с невероятным риском.

Поэтому философия не только искусство умирать, но и искусство рисковать.

Философия — это опасно, всегда говорил мне мой учитель. Философ — тот, кто дерзает осмыслить мир в его пределе. Поскольку ничто в мире не хочет быть осмыслено до предела (а человек так и вовсе не любит о своем пределе думать), постольку в мире философу не рады. И при этом

обойтись без философа мир не может. Потому что он тогда просто перестанет двигаться, ибо все движение — от идей.

Воспоминания о Даше у меня тесно связаны с образом такой вот вечно движущейся девчонки. Даша была очень подвижна. Вот она пляшет под русский неофолк, а через минуту бежит куда-то на фестивале, модерируя несколько площадок одновременно, или спешит на эфир, чтобы взять интервью у кого-то. А вот уже едет в освобожденный Мариуполь по заданию отца. Повторюсь: Даша жила в открытом русском космосе, в мире русских идей, русской Идеи. Она была очень восприимчива к идеям. Не раз слышал, как она транслирует идеи, которые только-только были высказаны кемто публично и еще не успели раскрыться, но Даша умела их воспринять, потому что жила в мире идей и знала их силу. Уверен, о философе следует судить не только по его высказываниям. Даша ушла очень рано и, увы, не успела разработать свои оригинальные идеи. Один из важнейших критериев здесь смелость, дерзость, отвага, готовность ринуться в самую гущу бытия, чтобы сопричаститься ему. Это не менее важно, ведь если философия - это опасно, то, чтобы философствовать, нужно обладать особой добродетелью дерзания духа. Вот у Даши она была точно.

Последние мысли, которые она незадолго до смерти транслировала, – о том, что наши предки, наши павшие и все наше прошедшее – с нами. Это из философии общего дела Николая Федорова. Важнейшая мысль для русской философии. Наши умершие – с нами, они за нас, мы перед ними в ответе, мы перед ними в долгу и чувствуем эту связь, потому что они подлинно живы, тогда как многие из ныне живых – духовно мертвы.

Даша была духовно жива, по-русски, по-философски. Жива и теперь. И ничто, и никто не имеет власти это изменить.

она ратин

жертва и кровь, любовь и милосердие...

Интервью с Епископом Нестором (Николаем Николаевичем Доненко)

Интервью вели:

- д.ф.н., доцент Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Шевченко О. К.
- д.ф.н., профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Габриелян О. А.

Расшифровка аудиозаписи и литературная коррекция: к.ф.н. доцент Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского – Зыщик Е. Б.

- Здравствуйте!
- Добрый день.
- Мы сегодня с вами побеседуем на очень интересную, важную тему. Хочу сразу обозначить, что я, Шевченко Олег Константинович, себя позиционирую как православный исследователь, православный учёный, и поэтому многие ваши ответы мне будут близки, ясны и понятны, но надеюсь, вам тоже в известной степени будет комфортно со мной беседовать. Время от времени к нашей беседе будет подключаться Олег Аршавирович Габриелян.

Первый вопрос, который я хотел задать, следующий: «Прошла череда трех знаковых терактов против Дарьи Дугиной, Владлена Татарского и Захара Прилепина. Вас не удивляет, что эти теракты были направлены против людей, которые в своей деятельности используют только Слово, а не против знаковых политиков и военных или, например, бизнесменов?»

– Давайте проанализируем, что такое терроризм и почему он так плотно вошел в нашу повседневную жизнь, стал частью нашей культуры, точнее, ее оборотной стороны, как он таинственно соприкасается с нашим самосознанием, с нашей духовной и национальной традицией. Как мы отвечали и отвечаем

сейчас на подобное вторжение в нашу традиционную жизнь. Для этого необходимо выяснить, есть ли у нас враги, и если есть, то кто они, где их границы, каковы их цели и задачи и что они на самом деле хотят. По нашему мнению, у всех есть враги. Мы знаем, что только у Бога нет врагов — Он так велик, что всякая попытка вражды против Него — не что иное, как саморазрушение, вплоть до самоуничтожения. Отсутствие образа врага — как для отдельного человека, так и для целого народа — огромный культурный и духовный провал в самосознании. Опасное недомыслие, метафизическая ущербность. Мы привыкли к тому, что человека определяют по его друзьям, но куда точнее и глубже

можно узнать человека по тому, кто его враг. Качество, объём, реальная значимость врага во многом определяют статус, значение и культурно-политический вес того, кто ему противостоит.

Пожалуй, здесь определяется линия излома, разделения, инаковости. Выходит на поверхность некая священная граница, которая, как мы знаем, не только разъединяет, но и соединяет порой взаимоисключающие миры. И только при осознании вышесказанного возможен диалог как политический, так и культурный, и религиозный. Терроризм во всех своих проявлениях навязывает нам нетривиальный диалог, и мы готовы его принять, со всей серьезностью ответить на его вызовы. И наш ответ возможен только на основе Евангелия и святоотеческой традиции, из которых родилась русская история и вообще вся восточно-христианская цивилизация.

Жертвы, перечисленные вами, были не только политическими, но и сакральными. Сакральными в той мере, в которой они свидетельствовали о Христе, о мире Божием, о нашем первородстве и высшем предназначении. Террористы, враги, убивая их, возможно, вопреки своему желанию, признали их особый статус, высокое служение свидетелей правды Божией. И тем самым вписали их имена в нашу историю.

Так было на заре христианской эры, и так это случилось в русском XX веке. Противники Истины, злодеи, названные и еще не названные террористы, сами того не подозревая, вписывали имена свидетелей воплощенной Истины в небесную историю, а себя помещали во мрак исторического позора.

Возвращаясь к Дарье Дугиной, Владлену Татарскому, Захару Прилепину, следует отметить, что их служение слову было в известной степени осенено Духом, устремлялось к высшему осмыслению Русского мира, стремилось соприкоснуться с Божественным замыслом о нашей истории.

На слова всегда можно ответить словами. Но если пролита кровь, отдана сама жизнь, какие слова можно противопоставить? Это и есть диалог, последняя и решительная полемика, во время которой срываются маски, обнажается истина, и мы отчетливо видим, кто есть кто.

- То есть вы считаете, что боль от терактов это признак жизни того, кто испытывает боль?
- Мы чувствуем боль, стало быть, мы ещё живы.
   Боль это признак жизни. Если мы ощущаем боль от разрушения границы нашего оседлого исторического

бытия, значит мы живы. Если мы ощущаем боль за поношение национальных святынь, которые были несомненными в течение тысячи лет для наших предков, значит мы ещё живы. И, стало быть, мы можем вырасти за пределы ослепляющей очевидности, точнее, псевдоочевидности, в которой находимся сегодня, до прозрения божественных замыслов о своём народе и о самих себе.

- Организаторы терактов, наши противники... у них много недостатков, но уж дураками их точно назвать не получится. Ведь очевидно, что они просчитали и понимали реакцию на свои действия. Вот вы говорите, что эта боль приводит к результату ощущения жизни. Очевидно, что наш умный враг тоже понимал, к чему она приведет. Так что же, неужели они работают на нашу мельницу? Или чего-то враги не понимали в этой ситуации, раз за разом провоцируя народ на ощущение трепетности жизни, ее важности?
- Грех помрачает, злоба ослепляет это общее место христианской аскетики и просто здравого смысла. У зла и злодеев есть свой логический центр, из которого они исходят. И он чрезвычайно далек от того, из чего исходим мы. Наше мирочувствие кроется в тайне богообщения, рождается из Христовой любви. В известном смысле мы сошли с ума с ума греховного, страстного, богоборческого и устремились к божественной мудрости, соборному осознанию себя в свете евангельской правды.

Самосознание начинается, когда человек готов умереть за свою веру и свои убеждения. Но когда государство или группа людей готовы убивать за идеи, веру, мировоззрение (вне зависимости от их истинности), как говорили раньше «осуществлять высшую меру социальной защиты», рождается политический диалог, оплачиваемый людскими страданиями и кровью.

Новые обстоятельства рождают новые смыслы. И как только решимость умирать за свою веру и убеждение перерастает в решимость убивать за свои идеи, появляется новая грань реальности, с которой мы знакомимся не понаслышке.

- Осознают ли наши враги, что своими поступками они приводят нас не на путь смерти, а приводят, как общество, народ нацию, на путь жизни, ибо, ощущая боль, ты живешь?
- «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно;

а если умрёт, то принесёт много плода», — говорит Христос (Евангелие от Иоанна. 12:24). Мы владеем искусством красиво умирать, мы научились господствовать над собой, даже в рабстве и крайнем унижении. И даже в самой смерти видим нечто, что находится за ее пределами. Из гроба, вместо тления, как мы знаем, воссияла вечная жизнь.

Мне трудно сказать, что и как осознают враги, но мы должны действовать в ответ на их вызовы. К сожалению, мы не в полной мере осуществляем свое предназначение, призвание, не в полной мере отвечаем на их дерзость. А ведь только действие не нуждается в алиби. Мы должны действовать творчески и осмысленно, как православные христиане.

Любая власть до тех пор власть, пока отдаёт приказы. Как только она перестаёт повелевать, приказывать, она перестает быть властью. Достаточно вспомнить Николая II, М.Горбачёва или В.Януковича. Как только они перестали отдавать приказы, они утратили власть и политическое лицо, стали разменной монетой для вечно ускользающей истории. Мы уже родились, мы уже состоялись, чтобы быть заметными, ненавидимыми и даже убиваемыми. Мы уже не можем перестать быть, уйти в межпредметную пустоту, в тень собственно отсутствия, совершить самоликвидацию.

- Во вражеских сообщениях, в её среде активно действующих интеллектуалов, в интернете развивается важная для них мысль. Я вам расскажу в двух словах её логику, а потом мне бы хотелось узнать ваше мнение относительно этого. Логика заключается в следующих позициях: идёт война, на войне убивать нормально. Даша Дугина, Захар Прилепин, Владлен Татарский являются врагами, которые убивают словом. Поэтому нормально их убивать физически. Вот как вы относитесь к такой логике?
- Ни Дугина, ни Татарский, ни Прилепин никого не убивали словом. Напротив, словом они созидали, воскрешали унылых, маловерных и дезориентированных. Их слово было созидательным и жизнеутверждающим. Словами они очерчивали ту истину, которая перестала быть очевидной по вине некоторых людей, лжеинформационных потоков. С позволения сказать, они боролись за души своих соотечественников, за их умы и сердца. Своей деятельностью они противостояли внешним сумеркам. Тот же Прилепин в своих телепереда-

чах сообщал факты, в которых привычные суеверия рассеивались, как тень во время солнцестояния.

- Давайте тогда обратимся к истории. Посмотрите на себя как на цельность и подумайте для вас ваша исконная, родная, неумолимая Россия это: Русь домонгольского периода, Московское Царство, Петровская Россия или Советский союз?
- В известном смысле времени нет. Время дано нам как некий модератор и помогает не запутаться в истории. Как правило, мы живем в прошлом. И даже там умираем. Порой живем в будущем, в своих фантазиях. Но реально только настоящее - здесь и сейчас. И если я научился жить в реальности, то здесь и сейчас в своей памяти я содержу и прошлое, и будущее как надежду. Горизонталь времени рассекает вертикаль вечности, образуя крест, в центре которого мы и должны находиться. И тогда, соприкоснувшись с вечностью, мы удерживаем прошлое и будущее в настоящем и можем предъявить его Богу и людям. Для меня каждое столетие, год и день в истории бесценны и ни при каких обстоятельствах не могут быть отменены. Это особая, Богом дарованная ткань жизни, опыт истории, вне которого меня нет.
- То есть одна из важнейших мыслей Евангелия: «У Бога мертвых нет. Для него все живые, это Бог живых». Вы проецируете на историю? Мертвой истории нет? Она живая.
- Всякая история есть история жизни, и она сохраняется не только на территории моей памяти, и насколько в ней есть бессмертные души людей, она жива. И то великое, подлинное, что есть в нашей истории, нельзя ни победить, ни отменить. Но можно высмеять. Предав иронии, исказить и умалить, сделать ничтожным. Но можно пойти и дальше другим путем стереть память об истории в умах школьников и студентов. История останется непобежденной в силу своей неотменяемости, но люди нашей страны будут жить так, как будто не было никакой истории, ничего великого с их предками не случалось, и мы видим, все это уже происходит.
- Ныне ведется интеллектуальная дискуссия, это очень красиво сказано, но на самом деле интеллектуальная драка, относительно учебника Истории России. Каждый преподаватель в школе, да и в университете, сейчас может если и не выбирать, о чем он будет говорить на уроках, лекциях, то, по крайней мере, сильно варьировать свою тематику и акценты относительно истории России. Сей-

час сверху идёт предложение — составить единый учебник, от Калининграда до Камчатки, с едиными жесткими тематиками для школ и университетов, по Истории России. Правда, историки не знают, по какому принципу создавать, — по принципу социально-экономических формаций или по Карамзинскому принципу как историю великих князей и царей-императоров — генсеков. Как вы считаете, это правильно — создать единый, унифицированный учебник истории для всех уровней образования?

- Конечно, вменяемый учебник для нашей школы необходим. Без воссоздания целостного образа России ее священная история просядет и распадется на части, которые потом будут преданы забвению, как нечто маловажное, не стоящее внимания. Знания о великих людях прошлого важны и интересны, как и социально-экономические формации. Но важно сохранить целостный образ неразрывного исторического развития России, его высший смысл и Божественное предназначение. Факт - ничто, интерпретация - всё. И наша интерпретация должна быть святоотеческой. Факты из своего прошлого мы должны видеть в свете Евангельской правды. В конце концов наша интерпретация должна быть нашей. Очевидно, история Великой Отечественной войны в русских учебниках может и должна отличаться от немецких и т.д. И более того: мало одержать победу такую, как в 1945 году, ее надо еще удержать. По крайней мере, в своей национальной памяти, но лучше вообще в политическом отношении. А здесь уже сбои и провалы. Достаточно посмотреть на Прибалтику, Украину и многое другое.
- Учебник это результат бюрократии, преподавание результат бюрократии. Как сделать бюрократический продукт под названием учебник, иным продуктом духоносным?
- Другими словами, как стать из объекта субъектом. Как сделать так, чтобы в человеке победило человеческое, а не скотское. А человеческое стало ангельским, преображённым, небесным? Если такое устремление, усилие ума и сердца ослабевает, человек, как творение Божье, начинает умирать, в первую очередь, для неба, а потом для земли. В конце концов он переживает высшую форму отчуждения для самого себя.

Но если борьба за свою душу продолжается, то она неизменно перетекает и за свое духовно-культурное пространство, за свою идентичность. За право и возможность быть и осуществлять свое бытие.

В конечном итоге — чем бы мы ни занимались, мы занимаемся собой, что бы мы ни изучали, мы изучаем самих себя. А тем более, когда пишем и изучаем свою историю.

Классические войны ставят своей целью поразить тело, но та война, которая ведется против нас сейчас, имеет цель поразить нашу душу, разрушить наше мировоззрение, нашу веру. Чтобы воссоздать великую Россию, надо выстроить ее образ в головах французов, немцев, поляков, но главное, она должна быть выстроена в наших головах. В современном мире есть грозные силы, которые хотят пересмотреть стандарты добра и зла. Мы же решительным образом хотим сохранить свой способ жизни как Богом данный и, стало быть, неотменяемый. Исходя из этого необходимо создавать учебники по русской истории. Тогда они будут оружием и оградой, а также почвой для роста национального самосознания.

- Божьей помощью только?

- Да, именно, но и человек должен соработать Богу. Мало родиться от плоти и крови, надо еще родиться от воды и Духа. Необходимо быть дважды рожденным. Более того, рождаться в течение всей своей жизни для жизни небесной. В противном случае чем занимается человек?.. Умирает?
- Давайте вернёмся к проблеме человека. Вот в разных странах есть личности, которые немыслимо убрать из истории страны. Так сказать, телесность применительно к стране. Например, если убрать фигуру Стендаля, то Франция умалится, но как Франция не перестанет быть. Но вот если убрать такие фигуры как Де Голль, Наполеон, Коко Шанель, то Франции как Франции уже не будет. Можете назвать такие фигуры применительно к России, которые немыслимо вычеркнуть, и которые сами собой формируют ее телесность?
- Можно и, безусловно, нужно знать и перечислять тех великих людей, без которых русская культура немыслима,
   от князя Владимира до святителя Луки. Но также немыслимо вычеркнуть простого русского христианина как такового уникального представителя молчаливого большинства, хранителя сути и формы нашей цивилизации. Наш мир Христоцентричен; что бы ни происходило, мы исходим из Христа и возвращаемся к Нему. Многое, очень многое в нашей культуре может быть заменено, но есть нечто, без чего мы не можем быть самими собой. В течение уже более тысячи лет лучшие из народа подтверждали выбор кня-

зя Владимира и следовали за Христом, подтверждали всей своей жизнью и даже смертью его истинность, соединяя небесное и земное, преходящее с непреходящим. Они ткали ковер нашей истории.

- Из людей авангард кто? Кто-то всегда идёт впереди. Кто именно?
- Впереди всегда Христос. Совершенный Бог и совершенный Человек. Милующий, Спасающий и призывающий к Себе способных отозваться и следовать за Ним. Стало быть, идущие за Ним и есть главные и важнейшие люди нашей истории. А не те, кто идет за политическими партиями и «прогрессивными» идеями. Именно те, кто следует за Христом, образуют уникальную ткань нашей истории, делают ее не только неповторимой, но и спасительной. Нельзя оторвать политику от Православия. Нельзя оторвать экономику, тем более культуру. В центре нашей истории Православная Церковь, осознаем мы это или нет. И всем лучшим, что есть в нас и у нас, мы обязаны Церкви.
  - Что есть герои?
- Герой человек, способный переступать грань, запрещенную черту. Герой человек в своем неистовом порыве разрушающий оседлый мир и сложившиеся границы. Ему противостоит христианский подвижник, совершающий действия, не разрушающие границы, а преображающие. Ведь границы могут не только разъединять, но они же указывают на соседство, к которому можно не только присмотреться, но с которым можно вести диалог и творчески взаимодействовать.
- Кто такой русский герой? А, например, чеченец, дагестанец, бурят, армянин может быть русским героем?
- Русским героем становится всякий, кто трудится или совершает нечто значимое на благо России. Кто свою жизнь готов положить на благо Отечества. Империя, по существу, надэтнична, и Россия не исключение. И в этом сокровенном имперском служении, очевидно, раскрываются многие этносы. В служении имперским ценностям герой видит свою перспективу и полезность для своего народа, таких примеров можно привести много.
- Давайте сделаем «шаг в сторону». Определим экватор, где возьмем яркую паузу. Не секрет, что различные цвета выражают различные эстети-

ческие вкусы, а некоторые нации вообще выдерживают за собой определенный цвет. Цвета флага тут далеко не так важны. Когда вы говорите о восприятии России, себе говорите, другим, какой цвет у вас ассоциируется с Россией, с русскими, с русским миром?

- Небесно-золотой.
- А почему не лазурный или красный?
- Золото это образ святости. Россия если не свята, то ее нет. Она должна еще стать Святой, чтобы реализовать Божественный замысел о себе. Если Россия теряет волю к святости, она соответственно теряет вкус к Божественному замыслу о себе. Умоляется, перестает быть такой, какой задумал ее Бог. И пробуждается через скорби и великие потрясения, снова обретает себя.
- Какие духовные скрепы могут соединить Россию? Вы говорите, Православие? Однако многие не являются православными, но являются частью Русского мира?
- Несомненно, Божественные скрепы, а также жертвенное служение тех, кто готов положить свою душу, пролить кровь. Это естественно не только для православных людей, но и для тех, кто способен увидеть свои перспективы за пределами этнического эгоизма, выйти за пределы национального эгоизма. Это всегда способствует росту личному и национальному. В данном случае мы можем говорить о косвенных проявлениях любви к Богу и России.
- Много лет назад меня поразила притча в Евангелии, и до сих пор останавливаюсь на ней больше, чем на других. Это притча об очень провокационном вопросе: а кто такой ближний? Вопрос такой: если говорить о ближних как о народах и нациях, у русских есть ближние? Если это ближние народы и нации, то какие, с вашей точки зрения?
- Ближний это тот, кто находится с тобой рядом здесь и сейчас, по отношению к которому ты можешь сделать что-то доброе. В известном смысле это относится к народам, с которыми Россия взаимодействовала, и о результатах этого соприкосновения можно поговорить отдельно. Вспомним хотя бы тех, кому Россия помогла обрести суверенитет, как и многое другое.

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ И ЭССЕ

ЛАЗАРЕВ ФЕЛИКС ВАСИЛЬЕВИЧ

доктор философских наук, профессор кафедры философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

ВОССТАНИЕ РУССКОГО ДУХА: НОВАЯ ГЛАВА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

1. НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В 2022 г. ход событий на нашей планете заметно ускорился и подвел человечество к своеобразной «точке кипения». Однополярное мироустройство цивилизации уходит в прошлое, что приводит к глубокому переформатированию глобального геополитического пространства. Перед нами — характерные признаки новой исторической реальности. Факт появления тектонических сдвигов в жизни мирового сообщества обнаруживается не только в новой «системе фраз», но прежде всего в логике тех действий, к которой, как полагают западные стратеги, их обязывает новая реальность.

Лидеры противостоящего нам лагеря убедили себя в том. что конфликт Россия - Запад должен завершиться либо их полной победой, либо взаимовыгодным соглашением сторон. Для достижения этой цели брошены значительные экономические и военные ресурсы. Некоторые европейские аналитики высказывают тезис, согласно которому человечество втянуто в гибридную мировую войну. Действительно ли имеет место факт такой войны? Со стороны Запада – да, с нашей стороны – нет. И это - не логический фокус. Перед нами - разные ипостаси одного и того же феномена. Такова реальная диалектика современной геополитической ситуации. Наша страна ведет локальную спецоперацию, а вовсе не какую-то «мировую войну». И это такой же объективный факт, как и то, что Запад по своим установкам и действиям относится к данному конфликту как к мировой войне.

Идущая по планете переплавка мироустроительной конструкции в новое качество, так или иначе, касается всех регионов мира. И Русский мир — не в стороне от этого процесса, а может быть, в одном из его эпицентров. Очевидно, в условиях глобальной турбулентности каждая отдельная цивилизация проверяется на прочность своих духовных и социокультурных оснований, на жизнеспособность своих традиций.

2. РУССКИЙ МИР КАК САМОБЫТНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сегодня политики, журналисты, деятели культуры часто спорят о том, является ли Россия частью европейской цивилизации. Великий русский ученый и философ Н. Я. Данилевский в своих работах впервые высказал мысль о том, что Россия – и Русский мир в целом – представляет особую локальную цивилизацию со своей историей, многовековым опытом выживания, со своей системой ценностей и культурными традициями. Дальнейший ход событий подтвердил выводы учёного.

Исторически российская цивилизация в своей глубинной тектонической эволюции конструировалась из нескольких культурных плит, которые то сталкивались между собой, то расходились, вызывая судьбоносные социальные изменения и даже геополитические землетрясения. Русский мир постоянно жил в этом глобальном поле напряжения — духовного, экономического и культурно-исторического. Можно указать на четыре истока этого мира:

- язычество (автохтонная плита);
- евразийство (туранская плита);
- православие (византийская плита);
- западничество (западно-европейская плита).

Каждая локальная цивилизация основывается на определенной совокупности архетипов массового сознания и кодах культуры, которые играют роль скреп, обеспечивающих выживание данной общности людей. В этом смысле Россия в качестве одной из скреп своего исторического бытия принимает принцип незыблемости универсальных ценностей (справедливость, честность, добрососедство между народами, уважение к другим культурам и т.п.). Отсюда одной из сущностных черт российской цивилизации является то, что её исходные константы исторически включали в себя духовно-нравственные

установки в качестве социокультурной пресупозиции. Поэтому при анализе отечественной истории зачастую трудно в полной мере понять суть многих ключевых событий, если не рассматривать их сквозь призму *нравственного измерения*.

Важным признаком локальной цивилизации является наличие у неё мироустроительного проекта. Имелись ли в нашей истории такого рода социокультурные метапостроения? Разумеется, имелись, Был проект «Москва – Третий Рим», известны европейские преобразования Петра I, равно как и программа построения социалистического общества. Но вот вопрос: есть ли у нас сегодня новый, соответствующий данному этапу развития. Большой цивилизационный проект? Видимо, следует признать, что полноценного образа будущего у нас нет, хотя идёт интенсивный поиск новых идей в этом направлении. Общество всерьёз задумалось о восстановлении исторической памяти, о возвращении к культурно-историческим корням народной жизни, о возможных оптимальных моделях социально-экономического развития. Бесспорно, что народы нашей страны объединены в одно целое благодаря общности истории, единому языку общения, культурным традициям, памяти о великих подвигах предшествовавших поколений. Вместе с тем очевидно, что, во-первых, новый цивилизационный проект действительно необходим, во-вторых, его нельзя взять с потолка, сочинить - он может быть лишь выражением нашего исторического, социального и культурного опыта. Но ясно и другое: необходима глубокая идейная, интеллектуальная проработка вопроса, некая общественная саморефлексия, ведущая к осознанию ближайшей и отдалённой социально-исторической перспективы. Мы стоим перед новым судьбоносным выбором.

3. ЄВРАЗИЙСКАЯ ПЛАТФОРМА РУССКОГО МИРА: МЄЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

На необъятных евразийских просторах с давних времен раскинулся Русский мир. В нем нашли свой приют, свои новые ростки жизни и дух евразийских племен, и глубинные традиции Европы. В течение веков многие пытались подчинить себе Русский мир. Но из всех драматических испытаний он выходил лишь духовно окрепшим и уверенным в своем историческом будущем. Так было, так будет и сегодня. Наш великий полководец А.В. Суворов в XVIII в. говорил: «Тщетно двигнется на Россию вся Европа: она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб».

Традиционное деление стран на «Восток» и «Запад» идёт с древнейших времен, когда они просто обозначали географическую принадлежность того или иного региона Земли. Но позднее это разграничение приобрело более глубокий смысл, поскольку культура данных регионов («восточная» и «западная») стала развиваться в разных направлениях: как чувственная, эмоциональная в первом случае и более рациональная, апеллирующая к прагматизму и расчёту – во втором. И по мере развития цивилизаций (почти вплоть до XX века) это различие все усиливалось. Западу преимущественно мир обязан развитием техники, социальными инновациями, освоением «неудобных» регионов и пространств. Западные страны, прежде всего, несут человеческой популяции технический прогресс, революционное обновление общественных структур. Но последнее столетие они всё меньше перестают ассоциироваться преимущественно с прогрессивным началом в жизни людей - скорее, с войнами, насильственным захватом чужих территорий и т.п.

Исторический путь развития Русского мира существенно отличается как от Запада, так и от Востока. В его лоне в течение столетий складывается устойчивое многонациональное государство, в котором формируются традиции терпимости и уважения к различным культурам, языкам, религиям. Создаётся духовно ориентированная система ценностей.

Разумеется, возникают особенности и в экономическом укладе российского общества.

В нашем народе издревле живёт неизбывная жажда гармонии и справедливости. Это обострённое чувство справедливости, как родовая травма, проистекает из трагического опыта истории, возможно, из той поры, когда, находясь под иноземным игом, народ мечтал о духовной свободе и политической независимости. Как видим, с Востоком нас роднит способность сохранять в своем самосознании традицию мудрости. Но между Русским миром и Востоком есть и глубокое различие. Восточная мудрость предполагает самоуглубленность, погружённость в свой внутренний мир как в бесконечную вселенную духа, слияние в медитации своего «Я» с миром. Русская мудрость - это, прежде всего, интенция «навстречу к Другому», способность к состраданию. На этом пути возникает особый тип транскультурной коммуникации – от сердца к сердцу, когда моё «Я» открыто и прозрачно для «Другого».

Истоки русской мудрости в той общинной форме существования, когда нет другого способа выжить человеку среди бескрайних степей и лесов, как держаться вместе, объединяться в общину, выстраивать своё ежедневное бытие на базе родового сознания. Для восточнославянского мира характерно было коллективистское сознание, когда индивид живет в лоне Традиции, которая жестко задает систему ценностей, стиль жизни, нормы поведения, предполагающие чувство общности, солидарности, братства.

В отличие от восточно-славянских народов, ментальность европейского человека веками формировалась на базе приоритета индивидуального начала. Здесь философия выживания предполагала прежде всего опору на самого себя, свои силы, способности и жизненные ресурсы. Разумеется, индивид как самобытие, как экзистенция является безусловной ценностью. Установка подобного рода в той или иной версии присутствует в ценностных основаниях практически большинства существующих цивилизаций. Но любая абсолютизация «Я» в духовной

практике того или иного общества ведёт в конечном счёте к деградации и человека, и общества.

Именно эту интенцию мы наблюдаем в эволюции европейского самосознания. Угроза деградации проистекает из специфического отношения европейского духа к проблеме универсальности как к базовой категории культуры. Любопытную картину можно заметить в жизни современного Запада, включая США. Всё чаше мы сталкиваемся с тенденциями культурного нигилизма, с практикой «культуры отмены», когда идет атака на духовные ценности, когда в угоду модным идеологическим течениям происходит переиначивание и варварская обработка классических произведений искусства, когда сносятся оказавшиеся в опале памятники и т.п. Я уже не говорю о нигилизме по отношению к русской культуре. В недрах массового сознания размывается сама идея культурного наследия. Всё это ведёт к сбою в процессах культурной самоидентификации широких слоёв населения, возникают симптомы саморазрушения социума как системного целого. В сущности, мы имеем дело с отказом от важнейших принципов экологии культуры. Последняя в качестве одной из предпосылок имеет следующий постулат: только приобщение к универсальному началу, его всестороннее освоение и распредмечивание сообщает высшую ценность бытию – бытию как индивида, так и отдельной цивилизации. Признание абсолютного характера общечеловеческих смыслов и ценностей делает возможным диалог культур и цивилизаций, взаимопонимание между народами и государствами. Видимо, есть глубокий смысл в том, что философы-экзистенциалисты, подчеркивая важность экзистенциального горизонта человеческой личности, вместе с тем акцентировали внимание на ключевой роли практики трансцендирования (К. Ясперс). Противоположный трансцендированию аспект бытия индивида западные философы чаще всего связывают с проблемой телесности и чувственности. Данная тема становится излюбленной во многих постмодернистских теоретических построениях.

Отклик на эту проблему в контексте духовных установок отечественной аксиосферы мы находим в работах таких выдающихся исследователей рус-

ской цивилизации, как А. С. Панарин и Д. Е. Муза. Так, в своем анализе А.С. Панарин отмечает: «Ренессанс раскрыл буржуазность как *чувственность* и заложил программу раскрепощения чувственности. Реформация взялась эту чувственность обуздать. В результате в западную культуру была заложена антиномия: изначально социальную чувственность надо было подчинить моральному долгу, по природе ей чуждому»¹.

В контексте сказанного, ещё раз возникает вопрос о том, какой ответ мы наблюдаем в рамках культуры Русского мира на данный вызов. Касаясь этой проблемы, Н. Фергюсон пишет: «Русская культура, опирающаяся на православную традицию, задала совсем иную программу социализации чувственности. Во-первых, человеческая чувственность понимается как находящаяся по эту, а не по ту сторону культуры и нравственности.

Следовательно, требуется, выражаясь словами Фрейда, не реактивное подавление чувственности в духе кантианской этики долга, а её сублимация — подключение её энергетики к нашей нравственной воле. Во-вторых, сама эта сублимация — дело не одной только религиозной морали и аскетики, но всей культуры в целом. Культура должна быть изнутри, без цензурного принуждения пронизана нравственностью, подобно тому, как сама наша чув-

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во «Эксмо». С. 315.

ственность не безблагодатна, пронизана духовными энергиями и подвластна им. Поэтому в русской культуре не могла зародиться радикальная программа высвобождения репрессированной чувственности, которая родилась на протестантском Западе. У нас чувственность изначально никто не закабалял: наша чувственность скорее «сентиментальна», чем брутальна...»²

4. ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ КАПИТАЛИЗМ?

В свете сказанного относительно исторических особенностей Русского мира вырисовывается весьма любопытная, можно сказать, историософская проблема: насколько совместимы наша отечественная аксиосфера, российская система экономических отношений и западная модель капитализма? Что можно сказать о перспективах и судьбах капитализма в России как особом цивилизационном пространстве?

Как известно, Маркс, Энгельс, а вслед за ними и Ленин, утверждали, что капиталистический способ производства является необходимой для всех стран фазой исторического развития человечества. Этот тезис следует из того, что история, согласно классической историософской модели, есть единый для всех стран и народов целостный поток, определяемый универсальными историческими законо-

Что касается капиталистического способа производства, то следует подчеркнуть, что речь идёт о специфически западном цивилизационном проекте. Во всей своей полноте и мощи он воплотился в жизнь именно в западных странах и в США. Ни Китай, ни Индия, ни арабский Восток не приняли этот проект в его классических формах. Они лишь рационально адаптировали его относительно специфических условий своих стран. Как говорят в Китае, неважно какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей. В этом смысле Китай успешно сочетает в своей экономической практике как преимущества социалистической системы, так и проверенные технологии капиталистического хозяйствования. В свою очередь, арабский мир также весьма специфически выстраивает у себя систему капиталистических отношений. Любопытно, что даже Маркс относительно восточных стран предложил понятие «азиатского способа производства». Специфика сугубо западного капитализма в том, что он в течение ряда столетий формировался на основе колониальной практики. Базовые элементы собственно материального производства строились на системе выкачивания материальных богатств из

мерностями. Но эта схема уже в XIX веке была поставлена под сомнение в работах ряда мыслителей. Прежде всего, это касается Н. Данилевского. Он предложил свою альтернативную версию хода мировой истории. Из концепции учёного, в частности, вытекало, что Русский мир представляет собой отдельную локальную цивилизацию со своими особыми путями исторического развития. (Это не исключает, разумеется, того, что Россия, как и любая другая страна, подчиняется в своей эволюции некоторым единым законам хода мировой истории).

 $^{^2}$ Фергюсон н. Цивилизация: Чем Запад отличается от остального мира М.: AKT: CORPUS. 2014. С. 315–316

колониальных территорий. Формально колониализм был разрушен во второй половине XX в., но изощренные формы неоколониализма продолжают использоваться западным миром до сих пор. Сегодня у всех на слуху показательный пример такой политики: американцы с целью преодоления негативных последствий пандемии по давней привычке пустили в ход печатный станок и выбросили на рынок несколько триллионов долларов, наводнив «фантиками» бывшие колонии, выкачивая из них реальную товарную массу. На этот факт обращалось особое внимание на саммите БРИКС в июне 2022 года.

Возвращаясь к проблемам российской цивилизации, следует подчеркнуть одно важное обстоятельство: ни в эпоху монархической России, ни в эпоху советской власти, ни в постсоветский период

капитализм не прижился у нас в подлинном смысле этого слова. Похоже на то, что он по своей сути противопоказан нашей ментальности. Капитализм требует другой культуры, другой цивилизационной интенции. Видимо, не случайно западные философы обращали внимание на важность протестантской этики для становления капитализма западного типа. В этике православия другие акценты. Дух меркантильности и стяжательства вызывает раздражение и чувство ущербности в русской душе. В свое время Герцен, западник по своим убеждениям, приехав в Европу, был поражен убогостью мещанского сознания местного обывателя. С тех пор мало что изменилось. Прагматизм и потребительское сознание - типичные черты современного «одномерного человека» европейской цивилизации.

5. О НОВОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ РУССКОГО МИРА

В эпоху нового культурного запроса становится особенно чувствительной и насущной проблема выработки адекватного современным реалиям цивилизационного проекта для Русского мира. Выдвигая гипотезу о несовместимости Русского мира и капитализма, я не претендую на абсолютную истину. Но уверен в одном: нашему обществу следует со всей серьезностью обдумать эту проблему, учитывая прежде всего ее духовное измерение. Это особенно важно при разработке упомянутого выше проекта. Как его выстраивать? Какова должна быть методология этого дела? Прежде всего, необходимо извлечь уроки из результатов двух социальных экспериментов, которые случились в отечественной истории в XX веке (1917 г., 1991 г.). Необходимо тщательно, всесторонне и объективно оценить как положительные, так и негативные их аспекты. Диалектика учит, что отрицание старого предполагает не бездумное отбрасывание прошлого опыта, а удержание всего ценного, живого, перспективного из предшествующего этапа развития. Даже негативный опыт имеет ту ценность, что может послужить предостережением от повторения ошибок в будущем. Да, советское общество строило в течение 70-ти лет социализм. Но социалистическое учение - это не какая-то застывшая, идеальная и неизменная конструкция. Что из этого опыта можно и нужно взять на вооружение сегодня? Во-первых, идею о социально ориентированном государстве, во-вторых, принцип экономического планирования по стратегическим направлениям, в-третьих, эффективные формы заботы государства (во взаимодействии с гражданским обществом) о нравственном здоровье народа вообше и подрастающего поколения, в особенности, в-четвертых, разнообразные формы борьбы с безработицей и преступностью. (Кстати сказать, возможность модернизации социалистических принципов прекрасно демонстрирует нам современный Китай).

Из нашего «западного опыта» необходимо по-прежнему гибко использовать механизмы рыночной экономики, социальные технологии демократизации политической, общественной и культурной жизни, но при этом не забывать исконных ценностей Русского мира, его духовных и цивилизационных скреп. Взяв все жизнеспособное из прошло-

го опыта, необходимо сделать следующий шаг — в полной мере возродить великие культурные традиции отечественной истории. В процессе выработки программы возрождения России важно также использовать опыт китайской цивилизации. Восточная мудрость помогла нашему азиатскому соседу примирить древние традиции и новаторские идеи научно-технической революции, социализм и рыночную экономику. Ему удалось также органично воспринять важные элементы гуманистического опыта Русского мира.

При разработке Большого цивилизационного проекта Русского мира следует иметь в виду два значимых момента: во-первых, в фокусе общественного внимания должна стоять задача духовно-нравственного преображения всех социальных пластов общества, во-вторых, сам проект должен органически вписываться в общепланетарный социокультурный контекст. Если первый из отмеченных моментов представляется достаточно очевидным, то второй нуждается в пояснениях. Речь идет о том, что на современном этапе исторической эволюции человечество на нашей планете все больше проявляет себя как единое целое, в котором все страны и народы оказываются взаимозависимыми элементами одной глобальной системы. В этой ситуации становится все более нетерпимой стратегическая установка США на поддержание однополярного мира, в котором навязывается гегемония одной сверхдержавы.

Исторически российская цивилизация выстраивалась на других основаниях. С первых шагов своего становления она формируется как некое единство этносов, общин, народностей. Ядром их сплочения выступает прежде всего духовная близость и общие

исторические судьбы. Российская империя меньше всего похожа на империи западного типа, в которых жестко разделяется то, что является метрополией, и то, что имеет статус колонии в той или иной форме.

Принцип терпимости к национальному своеобразию всех народов, объединенных в одно целое, к вероисповеданию, к языку и культуре, который веками практиковался в нашем Отечестве, в XXI веке приобретает особую значимость в свете глобальных тенденций современности. Одна из них — возрастающая роль фактора целостности общепланетарной цивилизации. Сегодня в мировой политике все чаще мы наблюдаем переход от однополярного мира к многополярному, а от последнего — к осознанию человечества как единого целого. Эту тенденцию хорошо осознают такие страны, как Россия, Китай, Индия.

В свете сказанного, следует отдельно остановиться на таком международном объединении государств, как БРИКС. В сущности, на наших глазах формируется особая глобальная общность народов мира. Ее можно было бы назвать БРИКС-цивилизацией, в рамках которой уже в ближайшей перспективе, вероятнее всего, сформируется своя особая система ценностей и принципов международного права (О необходимости своей общей валюты некоторые лидеры говорят уже сегодня). Это – прообраз будущей мировой цивилизации гуманистического типа, исключающей однополярность мира и гегемонизм. Очевидно, что уже сегодня следует подумать о разработке философии исторического бытия такой цивилизации и подготовке кадров, которым предстоит закладывать духовный фундамент формирующейся общности народов.

6. НОВОЕ РУССКОЕ СОЗНАНИЕ

Наша отечественная история знает немало трагических моментов. Веками на нас двигались агрессивные орды с Востока. Европа также часто нападала на Россию, принося её народам неисчислимые страдания. И всё же наша сердобольная страна, несмотря ни на что, прощала западному миру мно-

гое, надеясь, что его позитивные начала, в конечном счёте, возьмут верх над негативными. Больше того, со временем в кругах русской интеллигенции появилась, как отмечает Н.Данилевский, странная болезнь, которую он назвал «европейничаньем». Эта обращенность русского сознания к европейским

идеалам не была случайностью. Дело в том, что за последние несколько столетий Европа не только выдвинула целый ряд великих мироустроительных идей (идеи гуманизма, просвещения, прогресса и др.), но и претворила их в жизнь. Всё это не могло не вызывать чувство уважения у других народов и желание перенять всё лучшее, что могло дать толчок в развитии важнейших сторон жизни той или иной страны. Интерес русских к европейскому историческому опыту еще со времен Петра I был особенно велик. В некоторых общественных кругах нередко возникал соблазн видеть русское государство частью западной цивилизации. Такой подход на практике имел далеко идущие последствия для судеб страны. Эти последствия включали в себя как позитивные, так и негативные стороны. Чтобы понять истоки негативных моментов, мы, обозревая пройденный Европой путь, должны сегодня со всей определенностью ответить на вопрос: какова была историческая цена европейского прогресса и процветания? Известно, что десятки стран Африки, Азии и Америки были варварски завоеваны и превращены в колонии. Без грабительской эксплуатации покорённых народов Европа не могла бы утвердить себя как успешная цивилизация, не могла бы добиться полноценного развития производительных сил. Такая историческая практика была, очевидно, неприемлема для Русского мира.

Похоже, однако, на то, что на рубеже XX-XXI веков западный мир не только продолжал свою неоколониальную практику, но и во многом исчерпал свой прогрессивный цивилизационный потенциал. Идеи свободы, нравственного прогресса, человеческого совершенствования, уважения к народным и религиозным традициям выброшены за борт. Сегодня, когда Европа обнажила свою тоталитаристскую ипостась, свою склонность к неофашистским установкам, когда практика «отмены» русской культуры и общечеловеческих ценностей стала нормой, русская душа, так уверовавшая в европейские ценности, испытала своего рода мировоззренческий шок.

Где свобода слова, независимая пресса, критическое мышление, культура диалога? Ведь этими достижениями всегда так гордился Запад. Европейские страны всегда отличались своим рационально-прагматическим подходом. Но сегодня похоже

на то, что Европа лишилась не только рассудка, порой ей не хватает даже здравого смысла. Нередко санкции, которые на Западе вводят против нас, приносят больше вреда европейским экономикам, чем России. Но это не останавливает правящую верхушку. Нормальное здоровое общество не могло бы позволить себе подобное самоунижение. В конце концов, глядя на всё это, русский дух взбунтовался. В 60-е годы прошлого века наши доморощенные диссиденты шутили: «Запад загнивает, но так хорошо пахнет». Сегодня мы, бывшие шестидесятники, сказали бы: «Запад загнивает и дурно пахнет».

На наших глазах формируется новое русское сознание. В чём его суть? Эскизно можно выделить несколько моментов.

- 1. Осознание всей глубины цивилизационного разлома Россия Запад, осмысление негативных аспектов западной системы ценностей, критика практики неоколониализма и тоталитаризма правящих элит ведущих европейских стран.
- 2. Переосмысление исторического прошлого России как особой самодостаточной цивилизации с ее уникальной аксиосферой.
- 3. Выстраивание новой модели российской цивилизации, адекватной современным вызовам истории в свете важнейших тенденций глобализирующегося мира.
- 4. Глубокое осознание роли вековых традиций народов России и их значимости для современного этапа развития нашей страны. Возвращение нашего национального самосознания к «духу консерватизма», сочетаемого с пафосом инновационных подходов во всех сферах нашей жизни.
- 5. Осознание современного смысла «всечеловечности» русского духа, гармонично сочетающего в себе единство национальных и универсальных общечеловеческих ценностей.
- 6. Понимание того, что российская цивилизация не отгораживается от европейского мира глухой стеной, но будет твёрдо отстаивать принципы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Новое русское сознание формируется не на пустом месте. В своём становлении оно прошло долгий путь исканий и прозрений, начиная со славянофилов, Достоевского, Ильина, Данилевского и заканчивая критикой социальных язв западного мира в работах марксистов. Русский дух восстал против кликушествующего Запада. В наглом и вероломном расширении НАТО на Восток - к российским границам – мы с полным основанием усматриваем угрозу нашему цивилизационному бытию. Осознание этой угрозы пришло не сегодня, а в сущности, с того самого момента, как началась западная экспансия. Об этом писали и говорили многие российские деятели в сфере политики, культуры, науки ещё с конца прошлого тысячелетия. Критическая оценка западной стратегии в отношении России давалась и на политико-дипломатическом уровне в течение последних трех десятилетий, но Запад никак не реагировал на нашу законную озабоченность. Шли годы, а страны НАТО лишь наращивали свои усилия в военно-стратегическом отношении.

Но в XXI в. мы не просто до конца осознали цивилизационные вызовы глобального мира; наступил момент для решительного ответа на эти вызовы. Да. русский дух взбунтовался. Но восстание русского духа во все времена означало, что перевёрнута новая страница в мировой истории. Так было всегда, когда нам приходилось вставать на защиту нашей духовности, нашей целостности и независимости. 24 февраля 2022 года произошла новая «февральская революция» и, в сущности, начался XXI век в историческом смысле этого слова. Мы оказались перед лицом новой исторической реальности. В этой ситуации Россия, по мнению Запада, пошла на нечто неслыханное: она присвоила себе право предлагать миру принципиально другую систему ценностей, другую историческую и социокультурную перспективу глобального обновления.

Русский мир как альтернативный исторический проект с неизбежностью вынужден вступить в цивилизационную битву за сохранение тех национальных и общечеловеческих ценностей, которые в ряде стран так планомерно разрушаются на наших глазах. Мы наблюдаем процесс расчеловечивания человека и его родовых сущностных определений, его цен-

ностных установок и целеполаганий. В этом смысле наш духовный бунт — катализатор нравственного и социокультурного преображения постглобального мира. Тотальная ложь, охватившая современный Запад, становится способом разрушения онтологии человека. Следуя логике событий, мы вынуждены взять на себя и другую задачу — очищения российской цивилизации от ценностной эрозии, навязанной нам псевдолиберальным Западом.

Новое русское сознание вызревает благодаря тому, что народы нашей страны на своем историческом опыте стали сегодня лучше понимать, какова подлинная цена и каков реальный смысл западной демократии и системы ценностей. Долгий идейный спор западников и славянофилов (начиная

с Пушкина и Чаадаева и заканчивая Прохановым и Прилепиным) с точки зрения эволюции нашего национального самосознания завершен. Появление нового русского сознания означает, что перевернута очередная страница всемирной истории. Западная мечта о «конце истории» не сбылась. Драма мирового хода событий продолжается, и первый акт этой драмы в новом тысячелетии — восстание русского духа, дерзновенность которого будет еще долгим эхом отзываться в жизни других народов и государств. Русский мир по праву становится ключевым архитектором нового мирового порядка. Это право мы завоевали еще тогда, когда, разгромив германский фашизм, освободили Европу от коричневой чумы.

7. КТО ПОБЕДИЛ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ?

Ведущие американские политики часто хвастаются тем, что США победили СССР в холодной войне. Как мы — россияне — относимся к заявлениям подобного рода? Внятного ответа на этот вопрос ни в прессе, ни в политологических исследованиях найти трудно. Поскольку развал нашей страны — это исторический факт и поскольку открытое и тайное участие в этом деле Америки общеизвестно, то невольно закрадывается мысль: а может быть, янки действительно нас победили?

Сегодня нам – россиянам – нужно в полной мере осознать, что произошло с нашей страной в контексте указанной проблемы в приснопамятном 91-ом. Пришло время осознать и сделать соответствующие выводы цивилизационного характера, извлечь для себя исторические уроки. Прошло более 30 лет, как с нами случился социальный катаклизм, а четких оценок произошедшего все еще нет. И дело не только в том, что на этот счет существуют разные, подчас противоположные точки зрения. Некоторые аспекты проблемы вообще остаются как бы вне фокуса нашего культурно-исторического самосознания. И я снова возвращаюсь к вопросу: кто победил в холодной войне, а кто потерпел поражение? И чему учит современная история? И способны ли мы как

отдельная цивилизация учиться на своих ошибках?

Интервальный подход учит: любой предмет, явление, событие следует рассматривать в разных плоскостях и смысловых горизонтах, особенно, если речь идет о сверхсложных, многомерных объектах. Очевидно, что распад СССР как геополитическая катастрофа и как внутрицивилизационная трагедия представляет собой сверхсложное событие. Поэтому в этом вопросе любой одномерный, одноплоскостной подход сужает наш взгляд на реальность и искажает картину исследуемого явления. Запад навязал нам свой односторонний взгляд на произошедшее. Чтобы понять ситуацию глубже, мы должны вспомнить некоторые моменты предистории проблемы.

В чем заключалась главная интрига и основной нерв холодной войны? Западная пропаганда посредством «вражеских голосов» в течение десятилетий пыталась внушить советскому народу (особенно интеллигенции и молодежи) идею о том, что в СССР отсутствует подлинная демократия, свобода слова, печати, собраний и т.п. Но, по правде говоря, всё это и не нуждалось в особых доказательствах, если иметь ввиду те слои населения, которые относили себя к числу «инакомыслящих». Здесь не место детально анализировать археологию русского

духа того времени, включая такой его элемент, как диссидентское сознание, но на некоторые ключевые моменты все же стоит обратить внимание. Советские диссиденты были убеждены в том, что у нас нет подлинной демократии, что наши выборы не соответствуют демократическим стандартам, которые приняты на Западе.

Большинство инакомыслящих, конечно, искренне любили свою страну, но они оказались в плену трех ложных допущений: 1) существует некая идеальная, обязательная для всех стран модель демократии, 2) западным странам в общем и целом удалось воплотить в жизнь полноценную систему демократии, 3) в СССР выстроить реальную демократическую традицию не удалось. И в этой ситуации возникал естественный вопрос: а разве социалистическая система в своей основе, в своем замысле как цивилизационном проекте исключает демократические начала общественной жизни и разве нельзя строить «социализм с человеческим лицом»? Между тем, наш опыт взаимоотношений с Западом в последние десятилетия показал, что, во-первых, западная система демократии есть по большому счету пропагандистский миф, во-вторых, практика народовластия при социализме отнюдь не была сугубо формальной, она имела в ряде отношений вполне зримые позитивные черты и достаточно конкретные формы.

Критически мыслящие слои нашего общества вместе с тем прекрасно видели, по крайней мере, три изъяна системы: 1) идиосинкразия к инструментам рыночной экономики, 2) боязнь партийных верхов последовательной демократизации всех сфер жизни, 3) нарастающее влияние массовой культуры и идущего с Запада потребительского сознания среди молодежи. В воздухе носилась идея перемен. Цивилизационная модернизация страны была объективной потребностью нашего дальнейшего развития. В этом контексте многие возлагали надежды на «горбачевскую перестройку». Значительная часть народа, его наиболее активное звено искренне поверили в фундаментальную значимость для нашей модернизации западных гуманистических ценностей, в возможность всеобщего разоружения и прочного мира между народами. Новое руководство страны пошло на политические и военно-стратегические уступки Западу, демонстрируя нашу решимость принять новую систему ценностей и новую модель экономического уклада.

Чтобы убедить Запад в серьезности наших устремлений к универсальным, общечеловеческим принципам, мы решились на беспрецедентные шаги: объединение Германии, роспуск Варшавского договора, одностороннее сокращение вооружений и др. При этом наша страна ожидала соответствующих шагов Североатлантического блока. У западного мира тем самым появился редкий исторический шанс — наконец-то, идя навстречу СССР, установить подлинный мир на нашей планете. Однако вместо этого политическая элита Европы и США выбрали прямо противоположную стратегию: руководство НАТО решило воспользоваться моментом и, вопреки заверениям, стало расширять границы военного блока на Восток.

Какой же логикой руководствовались лидеры России в своих договоренностях с Западом? Мы действовали по логике универсального, по логике исторической справедливости и равной безопасности. Власти США неоднократно заверяли нас в том. что они в данном вопросе действует в унисон с Россией, стремясь ко всеобщему миру и разоружению. Но на деле они преследовали сугубо корыстные цели. Следует особо подчеркнуть, что все решения, которые были приняты руководством нашей страны по вопросам разоружения и упрочения мира между народами, носили сугубо добровольный характер без всякого внешнего принуждения, исходя из собственных убеждений. При этом важно, что эти убеждения вовсе не были иллюзорными или ошибочными, а основывались на общечеловеческих принципах всеобщего разоружения, равенства всех народов и стран, мирного сосуществования и др. В сущности, названные принципы так или иначе составляют важную часть тех постулатов, которые лежат в основе Устава ООН. Эти принципы были справедливы и в те годы, и в наше время. Почему же надо считать, что наша решимость практически реализовать данные принципы, это поражение России в холодной войне? По существу, фундаментальные соглашения с Западом того времени - это реализация четкой программы, направленной на всеобщее разоружение и на прочный мир между народами, которую мы предлагали в течение многих послевоенных лет. Вместе с тем, наши договоренности с Западом представляли собой своего рода experimentum crucis (решающий эксперимент), который чётко высветил подлинные цели и стратегии двух противодействующих мировых систем. Стремление к всеобщему миру и сотрудничеству на основе взаимовыгодного доверия — с одной стороны, вероломство, политическое надувательство — с другой.

Один американский аналитик, касаясь итогов холодной войны, недавно заметил: «Мы не выиграли у русских, а обманули их». Сказано довольно точно. Перед нами действительно глобальный обман. Но обман такого масштаба - это всемирно-исторический позор Запада, а позор никогда не считался победой. Действительно, говоря по большому счету, мы не проиграли, а выиграли холодную войну. По сути дела, мы осуществили глобальный нравственный эксперимент: нам удалось на практике установить, чего стоит западноевропейская элита в своих уверениях в миролюбии, в преданности гуманистическим ценностям, в желании установления мира между народами. Бросив нравственный вызов Западу, мы победили не силой оружия, а силой морального духа. Таков взгляд нашего общества на проблему, если смотреть на нее с общепланетарной точки зрения. Это не исключает того, что v нас есть видение этой проблемы и «изнутри». И в этом измерении у наших людей есть законные претензии к политической наивности и идейной неразборчивости таких фигур, как Горбачев или Ельцин в проведении ими внешнеполитического курса нашей страны.

Можно сказать, что победа Запада в холодной войне, если и имела место, то носила исключительно тактический характер. Но очевидно, что европейская элита потерпела поражение в стратегическом, духовно-нравственном измерении. Но именно это измерение является, в конечном счете, определяющим при оценке хода человеческой истории. Вспомним, что победа СССР над фашистской Германией была не только военной, но и идейно-нравственной: абсолютное добро победило абсолютное зло, каким

был и остается в наши дни фашизм как идеология и система ценностей. Абсолютное добро, победившее коричневую чуму, всегда ассоциировалось в самосознании народов нашей великой страны с именами таких полководцев и маршалов Победы, как Сталин и Жуков, Рокоссовский и Конев, Баграмян и Говоров, равно как и с именами многих других героев тех лет.

В этом смысле очевидно, что специальная военная операция на Украине, — это, прежде всего, продолжение борьбы с набирающей силу неофашистской идеологией, борьба с последствиями того обмана Западом России, который связан с агрессивными планами НАТО в его продвижении к нашим границам.

8. РОССИЯ: СПОРЫ ОБ ИДЕОЛОГИИ

После того, как в 90-е годы мы поверили в наивную сказочку о «деидеологизации», внедренную в общественное сознание не без влияния западных спецслужб, наше общество отказалось от какой-либо официальной идеологии. Отныне считалось, что ни одно политическое движение, ни одна партия не должны навязывать всему обществу свою идеологическую парадигму. В этой сфере должна существовать свободная конкуренция мировоззрений. Такая установка, надо признать, имела негативные последствия во многих сферах жизни социума, особенно это коснулось системы образования и, в частности, такой сферы, как воспитание подрастающего поколения. (Замечу в скобках: мой стаж работы в системе высшего образования составляет более 60 лет. Случилось так, что я стал невольным свидетелем тех негативных трансформаций, которые произошли в этой области с 90-х годов. Похоже, пришло время восстановить и приумножить все то лучшее, что было в нашем педагогическом опыте за последнее столетие).

Но сказанное — лишь одна сторона проблемы. В те годы многим казалось, что мы — пусть даже с определенными издержками — избавились от всеобщей идеологии как особого социокультурного феномена. На самом деле диалектика проблемы состоит в том, что отказавшись от одного типа идеологии, мы лишь освободили место для другой, более адаптивной. Последняя нередко действует скрытно для нас самих, как «неявное знание», как «очевидность» здравого смысла. В чем же ее подлинное содержание? Начнем с того, что сам лозунг «деиде-

ологизация» - типичный идеологический императив, рассчитанный на неискушенного в идейных баталиях обывателя. Этот императив служит инструментом для выстраивания новой идеологической базы. Последняя, естественно, отражала ту социально-экономическую реальность, которая сложилась у нас в 90-е годы. Речь идет об экономической системе. которую было принято со времен Маркса называть капитализмом. Несмотря на то, что в разных странах он выстраивается по-разному, его идеологическая надстройка, как правило, включает в себя два момента: вера в незыблемость «демократических ценностей» и господство потребительского сознания. Именно конструкция подобного типа стала формироваться у нас после 1991 года. Мы поверили в западный образец демократии и стали поклоняться идее богатства. Ситуация стала меняться, когда на рубеже XX и XXI вв. российское общество взяло курс на усиление социальной ориентированности нашего государства, на сохранение его подлинного суверенитета в международном плане. При столкновении с коварством и лживостью западных стран в их стратегической линии по отношению к России нам шаг за шагом стала приоткрываться ущербная сущность западной демократии. К счастью, разочарование в ней не означало для нашего общества отказ от идеи демократии вообще. С учетом нашего исторического опыта и базовых черт российской цивилизационной модели у нас сложилась своя система подлинного народовластия. И надо признать, что это - одно из важнейших достижений последних десятилетий отечественной истории.

Но рыночная экономика связана не только с проблемой демократии, служащей важным элементом надстройки. Как отмечалось выше, частная собственность неизбежно порождает идеологию потребительства и феномен отчуждения личности. Со всем этим наше общество столкнулось с начала 90-х годов. Материальное богатство, комфорт, гедонизм - вот главные ценности наших олигархов и криминальных слоев населения. Они равнодушны к интересам страны и к нуждам народа. При этом следует отметить, что потребительская психология постепенно проникает во все поры нашего социального организма. И если в обществе в последнее время сложилось достаточно адекватное и критическое понимание «демократических ценностей» западного мира, то с ролью потребительской системы ценностей в жизни страны нам еще предстоит внимательно разбираться. Создается впечатление, что здесь нужна серьезная духовно-нравственная реформа. Необходимо привести стихийно функционирующую и разнородную сферу ценностей в соответствие со сложившимся веками цивилизационным кодом. Последний тесно связан с тем, что мы называем Русским миром, соединяющим в себе вековые традиции, духовный опыт народов нашей страны и культурный потенциал обновления на ближайшую перспективу. «Державность - ключевая особенность Русского мира. Русская мечта - возможность справедливого мира. Русский язык – связующий элемент и охранительный код. Общий язык важен для взаимного понимания и принятия других народов и

культур в семью. Русский мир – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»³.

Укрепление духовно-нравственных основ Русского мира прежде всего касается молодого поколения. И здесь ключевую роль должны сыграть система образования — как среднего, так и высшего. Наши чиновники от образования не чувствуют и не понимают этой проблемы; похоже у них нет ни концепции, ни программы преобразования всей нашей воспитательно-педагогической практики.

Как утверждают многие аналитики, цивилизация сегодня входит в новую фазу своего развития. Однополярный мир сменяется многополярным. Примечательно, что в этом глобальном преобразовании, если взять ценностное измерение, Русский мир начинает играть более важную роль. И это касается не только нашей приверженности интернационализму и «духу традиции» (Генон), но и «нового Гуманизма». противостоящего практике расчеловечивания человека современного Запада. Интригующие изменения морфологии самого цивилизационного процесса ведут сегодня в планетарном масштабе от «драматургии неопределенности» (З.Бауман) к контурам новой пьесы, где многие действующие лица говорят на русском языке. Великий наш писатель Н.В. Гоголь в свое время провидчески говорил: вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки или сала, а за покупкой мудрости, которая не продается больше на европейских базарах.

9. КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ И ОТМЕНА КУЛЬТУРЫ

Подлинная культура для своего устойчивого существования и поступательного развития нуждается в сопряжении неких абсолютных начал, независимых от любых перепетий жизни и неожиданных поворотов истории. Когда разразилась Великая Отечественная война и шла жесточайшая схватка с фашизмом, в наших школах и вузах продолжали изучать немецкий язык, люди по-прежнему читали стихи Гете и Гейне, слушали музыку Бетховена и

Шуберта. На слуху были слова вождя — «гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». Такое бережное отношение к культуре другой страны — даже в момент смертельной схватки с ней — не было для нас чем-то необычным. Оно вытекало из

³ Русский мир: культурное пространство Крыма. – Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016, с. 6.

глубинных оснований русской культуры, народного менталитета, с одной стороны, и установок интернационализма марксистской идеологии, с другой.

В этом контексте отнюдь не был случайностью подвиг советского солдата-сибиряка, прикрывшего своим телом немецкую девочку от пуль во время боев за Берлин. Хотел бы я видеть, как прикрывает своим телом американский солдат какого-либо арабского мальчика где-нибудь в Ираке, Афганистане или Сирии. Достоверно известно другое: как летчики США строчили из пулемета по мирной толпе в Афганистане. Из страха или ради забавы?

Как известно, на процесс дегуманизации европейской культуры обратил внимание еще сто лет тому назад О. Шпенглер. Но сегодня этот процесс стал значительно масштабнее. В чем же метафизический смысл данного феномена? Прежде всего, — в отказе людей от своей антропологической самости, в утрате сущностных определений человека как продукта культурно-исторического развития.

Каждая локальная цивилизация видит мир изнутри своего исторического опыта и своей аксиосферы. Поэтому картина мира одного народа может не совпадать с картиной мира другого. Очевидно, Шекспир иначе воспринимал и оценивал окружающую

действительность, чем Гете или Пушкин. Но величие этих гениев определяется не их индивидуальными особенностями, а общечеловеческой значимостью их творчества. Поэтому они находят глубокий отклик в душах и сердцах всех людей Земли. Это ценности гуманизма, свободы, справедливости, гармонии и красоты. Сегодня на Западе кое-кто пытается из неприкрытого русофобства как-то запретить Достоевского, Чайковского. Бунина...Такая «культура отмены» означает de facto попытку зачеркнуть общезначимые смыслы их творчества, те самые универсалии культуры, на базе которых вы-

страивается любая культура, в том числе и той страны, которая решается на такую «отмену». Это – прямое покушение на культуру как таковую, на ее сердцевину. «Культура отмены» превращается в свою противоположность – в «отмену культуры».

Практика «отмены» как культурное ноу-хау европейских интеллектуалов образца «2022» является выражением нового витка релятивизации и распада духовных богатств европейской цивилизации. Эта тенденция вызывает особую тревогу, когда речь заходит о такой тонкой сфере человеческого бытия, как ценностное сознание. Опыт истории убеждает нас: в жизни есть такие порядки бытия, такие принципы, которые нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах и ни при каких экзистенциальных пограничных ситуациях. Это - некие абсолюты. Например, нельзя издеваться над пленными, беспричинно убивать мирных жителей во время войны и т.п. И дело не только в том, что это запрещено международным правом. Здесь есть более глубокие основания - «нравственный закон внутри нас» (И. Кант). Нарушая его, мы убиваем человека в самом себе. А если такая практика становится массовой и даже каким-то образом санкционируется на государственном уровне, то это уже свидетельствует о расчеловечивании самого общества как целого, его системы ценностей, его духовного строя. Но общество, поправшее нравственные абсолюты, становится внутренне неустойчивым, лишается исторической перспективы. Такова современная Украина с ее неонацистской идеологией.

Примечательно, что Запад не осуждает антигуманную практику правящей элиты этой страны. Но тот, кто солидарен со злом, в какой бы форме это ни выражалось, сам становится - вольно или невольно - носителем зла. Наше противостояние такому злу абсолютно и бескомпромиссно. Киевские власти исходят из того, что для выживания современного националистического режима все средства хороши, включая систематические бомбардировки детских садов, школ, больниц, атомных электростанций и т.п. И здесь неважно, что становится средством – жилой массив, храм, стадион или памятник Пушкину. Отказ от абсолютного начала в глубинах нашего духа - отказ от всего святого, от правды и справедливости, от истины и красоты. Экзистенциальная диалектика - мстительная барышня, она источник не только саморазвития, но и саморазрушения. причина погибели человеческого существа изнутри, когда абсолютная полнота нашего бытия оборачивается беспросветной пустыней, в которой может гнездиться любое зло.

***

В историческом споре двух цивилизаций наша страна, решившись на беспрецедентные шаги по разоружению, на роспуск Варшавского договора и т.п., на деле доказала свою приверженность политике мира и разрядки напряженности. Напротив, западный мир, расширив сферу действия НАТО до наших границ, продемонстрировал свою агрессивную сущность, свое вероломство и тотальную лживость. Кому же в этой ситуации должны были доверять народы земного шара? Тому, кто своими делами подал пример добрососедства и преданности общечеловеческим ценностям или тем, кто на глазах народов всего мира обманул Россию, равно как и ожидания людей доброй воли на всей планете? Очевидно, что человечество воочию убе-

дилось в моральном превосходстве Русского мира над деградирующей западной цивилизацией. В этой твердой вере мирового сообщества в моральную силу и чистоту замыслов нашей страны заключается бесспорная моральная победа России в холодной войне. Эта победа, как мы понимаем, досталась нам дорогой ценой. Сегодня важно, что она создала прочный фундамент доверия народов мира к моральной безупречности нашей международной политики. Это доверие — не только психологический феномен, но и великая историческая сила. Однако любой моральный капитал может со временем истощаться, если не уметь беречь и приумножать его в новых исторических условиях.

Иезуитская политика Запада по отношению к нашему Отечеству в конечном счете привела русских к историческому прозрению. Запад никогда не принимал Россию в ее цивилизационной самобытности и независимости. На новом витке противостояния двух миров силы добра и справедливости одной стороны показали свое превосходство над силами зла и насилия другой стороны. Все это привело к формированию нового русского сознания, к пониманию ущербности современного однополярного миропорядка, управляемого США и их союзниками.

Со всей остротой перед нашей страной встала проблема безопасности. Мы оказались в ситуации, когда военная структура НАТО вплотную придвинулась к нашим границам. В нее усиленно втягивали Украину и некоторые другие бывшие советские республики. Пришедшая к власти после госпереворота 2014 г. киевская хунта практически развязала кровопролитную войну на Донбассе. В условиях нарастающей конфронтации и угрозы мировой войны мы предложили западным политикам сесть за стол переговоров с целью найти разумный компромисс, основанный на принципе равной безопасности сторон. Однако западная правящая элита не прислушалась к голосу здравого смысла и политической мудрости. В этой ситуации мы, защищая свою безопасность, вынуждены были начать специальную военную операцию. Моральная правота этого шага абсолютна. И в этом сегодня убеждаются суверенные страны всего мира.

МУЗА ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

академик Крымской Академии наук, член Изборского клуба, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого национального университета, *Донецк*.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПОИСКАХ ФОРМУЛЫ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Всвоей последней книге «Цугцванг для человечества» итальянский политолог, журналист и политик Дж. Кьеза предельно откровенно обозначил контуры ближайшего будущего. А именно: «Считаю, что общие представления, знания, идеологические концепции, которые у человечества преобладали в течение XX века, не позволяют выйти мирно из этого кризиса». И далее: «Поэтому надо совершить огромный скачок в формировании сознания людей, скачок в представлении реальности. Нужна методологическая система использования современных знаний…»¹.

Между тем такая радикальная постановка вопроса (помимо имплицитно присутствующей в мировых делах пресловутой «цифровизации») порождает уяснение ряда взаимосвязанных условий обновления идейно-ценностного арсенала человечества. По-прежнему дискретного в культурно-цивилизационном плане, несмотря на прокатившиеся по планете волны глобализации. «Дивный новый мир» действительно исчерпал свои интеллектуальные, моральные, эстетические, — не говоря уже о политико-правовых и хозяйственно-экономических, – измерения жизни.

Но, по моему мнению, проблема сегодня заключается ни в «осыпающейся» униполярности, то есть в мало чем оправданном с точки зрения Истории торжестве «американского взгляда на жизнь» и способах его осуществления. Ни в реанимируемой, как кому-то представляется, биполярности (имеется в виду стратегическое противостояние США и КНР). Скорее, она упирается в предложенную Н.Я. Данилевским, но слабо реализуемую в масштабах актуальной Истории перспективную идею многополярности.

Думается, что сегодня, как и в ближайшем будущем, будет решаться одна единственная фундаментальная дилемма: либо мы исходим из конгломерата непохожих друг на друга частей, где культура каждого этноса, народа и государства слабо сочетается (если вообще сочетается) в рамках целого; либо мы исходим из представления о том, что все существующие в мире культуры-и-цивилизации суть уникальный вариант реализации искомого целого.

Что говорит в пользу такой постановки вопроса? Приведу два соображения, касающихся исторической и аксиологической легитимности второй части дилеммы.

 $^{^1}$ *Кьеза Дж.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019. С. 235.

Так, Ю.В. Мамлееву принадлежит такое наблюдение над мировыми процессами: «Право России быть собой, её право на национальную самобытность может быть осуществлено только в условиях многополярного мира, когда отсутствует господство одной силы, а мир существует в форме нескольких цивилизаций (западной, исламской, индийской, российской, китайской...), сотрудничающих друг с другом, а не конфронтирующих между собой. Это была бы лучшая модель мира (курсив мой — М.Д.), которая позволила бы — путем отказа от экспансионизма — взаимодействовать народам, странам, людям, сохраняя при этом свою культуру и самобытность»².

В свою очередь, А.С. Панарин выразил подобный взгляд на перспективы мироустройства в следующих словах: «Человечество на развилке: грядущий миропорядок может формироваться при монополии развитых стран — тогда в нем возобладают униформистские тенденции вестернизаторского гегемонизма; он может формироваться на основе действительного диалога культур, цивилизаций, а значит свободного конкурса мироустроительных проектов »3.

Итак, развивая гипотезу многополярности как вариации универсальности, вполне уместно вспомнить о тезисе П. Рикера показавшего, что «истинность истории в истории» упирается в противоречия всякой историчности, а значит, подразумевает, как минимум, сложную диалектику Единого и Множественного. Разумеется, что тут неизбежен вопрос об отмене таковой (Множественности) хотя бы государством и лидером западного мира — США, которые единолично присвоили себе право быть Новой Атлантидой и Новыми Афинами, и Новым Римом, и Новым Израилем, и Новым Иерусалимом.

В этой связи нетривиальным выглядит (пока не преодоленный) парадокс актуальной политической истории: тотальная вестернизация, осуществляемая под стягами так называемого западного «универсализма», едва ли не вызовет ответную реакцию мирового сообщества в виде цивилизационного плюрализма. Точнее: фигур самобытного духовного творчества и сотворчества не-западных цивилизационных миров. Поэтому справедлив отказ следовать «в фарватере Америки под знаком идеологии либерализма», но также призыв к таковому для цивилизационных партнеров.

Естественно, с указанием на то, что западный модерн пришел к радикальному самовырождению, что неприемлемо для цивилизаций, живущих в логике Большого времени. Недаром Панарин указывал на то, что «вызов», брошенный Западом остальному человечеству, имеет два критерия: во-первых, это «вызов» Просвещению как таковому, то есть открытого им (проектом Просвещения) принципу и практике единой исторической судьбы; во-вторых, это «вызов» мировой стабильности и прямой путь к новой войне.

Делая небольшое отступление, нужно вспомнить, что ещё в 40-е годы американский цивилизационщик Квинси Райт сформулировал положение о том, что все мировые цивилизации, проходя четыре периода развития: 1) героический; 2) потрясений и войн; 3) сплочения и стабильности; 4) стагнирующий, отличаются своей воинственностью. Она просматривается не только на уровне религиозной (проповедь), политической (пропаганда), экономической (конкуренция) и социокультурной (насилие) борьбы, но на уровне военной доктрины. Последняя, помимо этико-философских обоснований «права на войну», содержит регламент ведения войны конкретными лицами и социальными институтами. Наконец, «военное искусство» воинствующей цивилизации несет в себе силовые геополитические сюжеты, как правило, деструктивные⁴.

Рассматривая под этим углом зрения Стратегию национальной безопасности и военную доктрину США, а также устав НАТО, нужно признать, что в них содержится желание тотального разрушения всех цивилизационных конкурентов. Но тот же К. Райт показал, что насквозь милитаризированные вавилонская, античная, ранняя арабская, турецко-османская цивилизации дезинтегрировались и ушли с исторической сцены по причине «коди-

² *Мамлеев Ю. В.* Россия Вечная. М.: «АиФ-Принт», 2002. С. 237.

³ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская группа «Логос», 1998. С. 263.

⁴ Wright Q. A Study of War. Chicago: University of Chicago Press,1942. Vol. 1. C. 106–109, 110–111, 117.

рования» войны и перманентного осуществления таковой. На очереди западная цивилизация в её «стагнирующей» фазе?

Что говорит в пользу такой ригидности?

Думается, что сами принципы новой версии Стратегии национальной безопасности США (2022 год), которые по-прежнему зиждутся на идее однополярности, плюс оппозиции «демократии — автократии». Но самое важное, что США в мире post-cold-war, где действуют основные конкуренты-ревизионеры — Россия и Китай, намерены «согнуть дугу истории». При этом не имея на то ни моральных, ни правовых инструментов.

Напротив, Россия сегодня предстает в совершенно новом культурно-цивилизационном качестве. В частности, в своей книге «Россия Путина» французский мыслитель Иван Бло отмечает: «Россия вновь возвращается к своей давней миссии защиты христианских и традиционных ценностей... Но Россия также чувствительна к дехристианизации и деморализации Запада... На основе прав человека сегодняшний Запад стремится совершить релятивистскую и эгалитаристскую революцию и экспортировать ее по всему миру»⁵. И на этом пути противостояния, кроме Китая, части исламского мира, естественно, стоит Россия, причем как своеобразная твердыня традиционализма.

При этом нужно понимать, что цивилизационный процесс в России и судьбами сопряженных с нею странах и народах характеризуется особым интегральным типом культуры (культурной картиной мира), языком, ценностями и историей.

Говоря о суверенитете русской культуры, я бы обратил внимание на указанные выше три ключевых момента. Говоря о культурной картине мира, нужно исходить из того, что это есть обобщенная характеристика всей системы миропредставлений, свойственных русской цивилизационной общности.

В нее входят такие компоненты, как православные и инославные верования, мифологемы (включая представления о происхождении, «родной земле», «творческом типе времени», героях и подвигах, о самой общности — «Град Китеж», «Москва — Третий Рим», «Россия — удел Пресвятой Богородицы», «великая историческая общность советский народ»), моральные («всемирная отзывчивость», опека «униженных и оскорбленных») и ценностные (святость и праведность жизни) установки, а также политическая идеология (национализм, традиционализм, марксизм-ленинизм, либерализм и нынешний либерал-консерватизм).

Естественно, что синтез указанных компонентов – это дело не только представителей литературы и искусства, гуманитарной сферы, но и политических элит. Точнее, – «творческого меньшинства» цивилизации, отвечающего за проектирование и планирование истории.

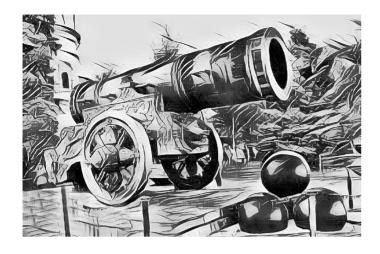
Далее, апеллируя к языку как важнейшей форме, закрепляющей и транслирующей опыт цивилизационного масштаба и содержания, нужно вспомнить о факте существования «русского языкового союза» (академик О.Н. Трубачев). Последний самодостаточен, — «это масса тождественных по значению и употреблению слов, терминов культурной жизни...», — и при этом «не направлен против других языков региона» 6, а тем более — других стран и цивилизаций.

Обращаясь к теме ценностей, я бы уделил внимание подходу, предложенному Святейшим Патриархом Кириллом. В ряде своих выступлений на Всемирном Русском Народном Соборе, обобщенно представленных в книге «Семь слов о Русском мире», он вывел аксиологическую матрицу нашей цивилизации. Так, в неё, помимо ядра (ценностей веры, державности, справедливости, солидарности и достоинства), сюда входят: мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность.

Весьма любопытно, что недавно Президент Российской Федерации обнародовал Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских ду-

⁵ *Бло И*. Россия Путина. М. Книжный мир, 2016. С 27–8

 $^{^6}$ *Трубачев О. Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 8, 9.

ховно-нравственных ценностей от 08.11.2022 года № 809.

В нем содержится следующее положение: к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Как видим, и духовная, и светская власть в России придерживается единого подхода в понимании русской аксиологии.

И здесь нужно вновь обратиться к авторитету И. Бло. Он (следуя хайдеггеровской методологии Das Geviert) показал, что Запад покланяется четырем идолам: эго, деньгам, массам и технике⁷. Это по сути «антимир», которому как раз и пытается противодействовать русская цивилизация.

Данный вопрос, как представляется, релевантен и актуальной геополитической ситуации, в которой «коллективный Запад» предпринимал и предпринимает значительные усилия по нацификации и милитаризации Украины — с момента рождения её «государственности» в 1991 году, двух Майданов, слома русской/советской идентичности и замены её либерально-неонацистским суррогатом. Последний и

создал тот «таран», который обращен к России и её союзнице Беларуси.

И почти год спустя (с момента начала специальной военной операции на Украине) можно говорить о правоте позиции России по отношению к проекту Украины как анти-России. Спрашивается: почему?

Постольку-поскольку деструкция её, России, государственности, социальности и культуры должна стать поворотным пунктом в новейшей истории «незалежной», равно как и новейшей истории Запада.

Однако для России решить «проблему Украины» означает ничто иное, как: а) приобретение подлинного суверенитета; б) возвращение исконно русских территорий; в) восстановление единства разделенного русского народа. Кроме того, «выдавливание» США, ЕС и НАТО к их рубежам образца начала 90-х.

Но само решение этой проблемы в обязательном порядке предполагает военную и духовную победы. Причем вторая из них первична.

Поэтому здесь уместно конкретизировать следующий вопрос: «Если не будет новой победы, то какая геополитическая сущность поглотит сегодня Евразию»? А Победа России просто нужна как духовный акт, как демонстрация русского этического максимализма, как утверждение правды жизни.

В этом видится не только специфика русского цивилизационного универсалитета, но и сама предпосылка формирования многополярности на началах дискретно-связного, «судьбического» типа отношений. А они, как представляется, будут строиться на сопряжении ценностных матриц не-западных цивилизаций.

⁷ Бло И. Россия Путина. М. Книжный мир, 2016. С. 142.

МАКУШИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

сопредседатель фонда «Ист-Патриотика», член ассоциации историков Союзного государства, руководитель Серпуховского отделения РВИО, Серпухов.

как русский мир стал русским миром

русский мир», «Русская цивилизация» — сколько копий сломано в дискуссиях об этом. Что это такое, как сформировалось то мировоззрение, та моральная, культурная составляющая, которая и делает нас, разных по быту, по внешности, говору, разрезу глаз и темпераменту, тем общим, что уже века — кто с ненавистью, кто с восторгом — называют словом «Русские».

Кто мы? Буйные и безудержные потомки скифов и монголов? «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. — Попробуйте, сразитесь с нами! — Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,— С раскосыми и жадными очами!» — так писал Александр Блок. Или

мы унылые, лишенные чувств рабы, которые могут только подражать «цивилизованным нациям», как нас «увидел» маркиз де Кюстин: «Я не упрекаю русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы. Пока они еще необразованны, — но это состояние по крайней мере позволяет надеяться на лучшее; хуже другое: они постоянно снедаемы желанием подражать другим нациям, и подражают они точно, как обезьяны, оглупляя предмет подражания.»

Мы — не то и не другое. Мы стали особой, многонациональной, многокультурной общностью, сверхэтносом, отдельной цивилизацией. И начали формироваться в далекое время великого переселения народов. Тогда зародилась та черта, которая стала стержнем нашего народного психотипа и проходит через всю его историю. — Надо уметь жертвовать частью своих индивидуальных свобод ради сохранения жизни детей, своих близких, и всего народа. Потом, в течение веков, многие иностранные путешественники говорили и писали о «природной рабской сущности Русских». Чего же они не могли понять?

Фундамент Русского народа — восточнославянские племена — с V по X век смогли перестроить свою родовую общину («вервь») на соседскую. Кровное родство уступило место совместному выживанию и совместному хозяйствованию. И наиболее сильно этот переход произошел на бедных

болотистых землях по берегам Оки, Волги, Москвы и Клязьмы. В этих лесных краях, где первый заморозок может лечь на землю в середине сентября, а последний снег выпадет в середине-конце мая, выживать тяжело. Поле надо сперва огнём и топором отвоевать у леса, выкорчевать пни и убрать камни, вспахать легкой деревянной сохой. И уже в конце этого сельскохозяйственного года, за небольшой срок, собрать скудный урожай. Каждые рабочие руки тут — на вес золота. Если пришлый мужик не опасен и работящий, то быть ему полноправным членом общины, а не бесправным «приёмаком» или полурабом, как у германцев.

Не стоит лезть в душу тому, кто помогает тебе выжить в изматывающей битве с дикой природой. Но и воли сверх обычая, «покона» никто не даст. Даже зимой, когда, казалось, можно выдохнуть после страды, дел множество. Природа не меньше, чем община диктовала правила жизни. Живешь по правилам, «по кону», - живи. И то, что ставим общее впереди личного, родом из тех времен. Попробуй в одиночку подготовь поле в лесу. Тяжело и практически невозможно. Тут поневоле станешь коллективистом. Непосильный труд на бедно родящей земле, частый недород, скудная еда - такой была жизнь наших предков. Это породило интровертность нашего народа: угрюмость, молчаливость и сдержанность на индивидуальном уровне; и коллективизм - на общинном. То, что проезжие называли «природной рабской сущностью», - в силу поверхностного взгляда либо желания нас очернить. Самой жизнью мы сформировались как «другие», «иные» для европейских и азиатских путешественников. Непонятное пугает, лучшая зашита - нападение. Вот так из «туристского» верхоглядства и нежелания разобраться и появились «черные мифы» о России и Русских. А когда Россия вышла на международную арену, эти страхи приобрели форму психоза, эксплуатирующего психологический паттерн чумных фобий. Если эпидемии воспринимались в форме «всадников Апокалипсиса», то «новые антирусские фобии», зачастую неосознанно, обретали визуальные черты всего самого страшного и отталкивающего, нередко исходящего от Азии. Так в европейском сознании Россия и Русские стали не просто частью «азиатчины», но частью её самой жестокой, коварной и страшной. Тот же путь проделала и часть Русской интеллигенции, «либералы и западники», ставшие «чужими людьми в своей отчизне». Это мы видим с XIX века до наших дней.

Коллективизм был нужен не только в мирной жизни. Горы и моря не защищали наших предков от желающих поживиться за их счет. Враждебные племена были рядом, да и своим молодцам хотелось «мир посмотреть и себя показать». Значит, нужно объединяться и воевать, мир таков: война была есть и будет; без меча и копья в нём не выжить, а в лесу – и без топора хорошего. Человек с топором за поясом, вчера ходивший на медведя. – не лучший объект для эксплуатации. С ним договариваться надо. Мужик с топором, защищая справедливость, как в Твери в 1327 году, может и «ордынцев» побить, и княжий терем спалить. Но русский мужик не «беспредельщик»; - он понимает, что в одиночку, малой общиной, (а большую земля не прокормит) не выжить. Власть нужна и закон блюсти, и от врагов защитить, и город после пожара отстроить. Князь должен был служить интересам общины. – Таково моральное требование к власти – и общины, «мира», и просто человека. Так чувство справедливости из народной души транслировалось на власть. Кому много дано, с того много и спросится. Власть - соработник, а не безответственный господин, жирующий на общем благе.

Так получилось в начале нашей истории. Так и пошло дальше, что господства, подчинения не терпели, а ответственную власть могли поругивать, - когда сильно, когда с улыбкой в уголках губ, - но надо - шли и умирали за неё, молча, с тем холодным спокойствием, которое часто называют «холодной яростью англосаксов». Но она не только им свойственна. Могли подобно японским камикадзе пожертвовать собой. Русский и «сепуку» (самоубийство ради чести и господина) не совместимы. Русский – это жизнь за – «за други своя». За это шли на смерть Русские по духу люди, и часто они не были православными по вере и русскими по крови. «Выручайте пехоту» сказал цесаревич Константин кавалергардам в день Аустерлицкой битвы. Теперь кавалергарды, дотоле никогда не участвовавшие в

крупных сражениях, отличавшиеся придворным шиком и строевой выучкой, должны были спасти честь русской гвардии и два её старейших полка. И они пошли в самоубийственную атаку. «Кавалергарда век недолог, — И потому так сладок он. — Труба поёт, откинут полог, — и где-то слышен сабель звон», — написал через сто с лишним лет Владимир Качан. И эти качества стремились оболгать и очернить, подвергнуть осмеянию, вытравить их из нас. Подменить нашу историческую память о наших героях, «тонкой красной линией» — фактически провальной британской атакой.

Но господства, приведения себя к рабскому состоянию наш народ не терпел. Всегда от него избавлялся, даже когда враг или власть были сильны. Мы не стали полноценной частью «улуса Джучи», хотя набеги и «ордынский выход» обескровливали народ. Это тяжелое бремя приучило нас к скромной жизни, ответственной перед общиной. Умение обходиться малым и взаимопомощь (тоже — «за други своя», но в тылу) помогли победить в той войне за выживание против «больших и малых» «европейских гитлеров».

Народ принял «царя-плотника», потому что он «начинал с себя» все свои реформы, сам своими руками рубил корабли, сам учился разным ремеслам. Понимая необходимость перемен, народ легитимизировал его право на власть над собой. Правление Петра – огромная внешняя война и радикальные реформы - все же не вызвали крупных народных восстаний. Война, строительство империи ударили по простому народу. Ружьё и пушка рекрутской армии позволили уподобить крестьянина польскому «хлопу». Императорский двор и дворянство погрязли в роскоши, направляя ресурсы на своё тщеславие. Такое поведение дискредитировало власть всех уровней в глазах простых людей, у них потерялась обратная духовная связь между собой, основанная на справедливости. Народ этого не стерпел. И призвал к ответу. Отплатил Русский мужик, с лихвой отплатил. «Пугачевщина» была лишь первым звонком, даже звоночком. Не терпит наш народ безответственную власть, какие бы красивые «обертки» та ни принимала. «Черный передел», который начался после Февраля 1917 года, Гражданская война и «Русское рассеяние». Все это итог того, что наследники Петра Великого забыли о своём служении обществу и низвели Русского мужика до уровня раба, вещи. А он этого простить не мог. И спросил с обидчика строго и сурово.

Власть — явление с двусторонней связью, а господство — это директивное управление сверху вниз, иерархия, тотальное подчинение, скрытое шелухой форм, — то, что составляет стержень Европы. Власть ответственна, и эта ответственность выражается в конкретных лицах. И такую власть, какою бы она ни была жесткой, народ готов терпеть (эпоха Сталина), если видит её пользу для себя и для страны. Господство — не ответственное управление, которое часто обезличено и скрыто под маской различных форм (либеральной демократии, олигархии, диктатуры — тут сейчас выбор богат).

Да, после смены власти у нас наступает смута, которой наши внешние противники всегда рады. Им кажется, что наконец наступил момент, когда мы сами себя уничтожим. Нет: мы сами себя пересобираем и снова создаем громадную континентальную державу. Сами. И после этого нам говорят: «Русские лишены навыков самоуправления». Где логика, господа критики? Или Вам не дали образования? Дали, но признать это — выбить камень из здания «русофобии».

Итак: Русский человек — это спокойный, взвешивающий многое, замкнутый индивидуум, делающий осознанный выбор в пользу сильного государства, которое стремится обеспечить создание приемлемых условий для жизни и защиты своих граждан. Нет — это не полное описание Русского человека.

Опять уйдем в историю. В 988 году, когда князь Владимир выбирал веру, он избрал христианство по восточно-средиземноморскому обряду. Но не мистическую сторону приняли наши далекие предки. Нет. Они приняли веру как морально-философскую систему, соединив её с народной моралью. Была ли народная мораль идеальна? — Нет. Но влияние она оказала.

Храмы Софии, «премудрости Божьей» строились в Киеве и Новгороде, став символами Древней Руси. После падения Константинополя в XV-XVI ве-

ках складывается богатая иконография Софии. София имеет облик Ангела; её лик и руки — огненного цвета, за спиной — два крыла. Она одета в царское облачение (далматик, бармы), на голове — золотой венец. Мудрость была равна царской власти. Русский народ ценил знания и мудрость, был готов учиться и развиваться.

Но в то время он только приходил в себя после Ордынского ига. Да, в это время в Европе всплеск культуры, творят Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонаротти. Мы не отставали в развитии, в 1523-1524 году монах Филофей написал «И паки въ третий Римъ бгъжа, иже есть в новую Великую Русию, се есть пустыня, понеже святыа въры пусти бъща и иже божествении апостоли в них [не] проповљдаша, но послљди всљх просвљтися на них благодать Божиа спасителнаа его же познати истиннаго Бога. И едина нынъ святаа съборнаа апостольскаа Церковь въсточная паче солнца въ всей поднебеснъи свътится, и единъ православный великий рускии царь въ всей поднебесной, яко же Нои в ковчезљ спсеныи от потопа, правя и окормляа Христову Церковь и утвержаа православную вгъру».

Этим он утвердил то, к чему пришла к тому времени Русская философская мысль. Но главное, – Филофей утвердил принцип «Translatio imperii», переноса империи, православного, справедливо устроенного государства, в котором все — от его — главы-государя, до последнего смерда — живут в «духовной симфонии» и служат ему в меру сил своих.

И долг всех перед всеми, — от верхов до низов, — и стал стержнем Российского государства. И именно поэтому после «Манифеста о вольностях дворянских», который подписал Петр III, не понимавший ни страну, ни народ, которым он властвовал, и который ожидал от него служения.

И трагедия Русской интеллигенции, которая, восхищаясь техническим превосходством и колониальным богатством европейских метрополий, не смогла понять и принять народного стремления к справедливости, созерцательности, настороженного молчания. Они посчитали это отсталостью, «рабской сущностью», приняв пропагандистские штампы за научное откровение. И с рвением неофитов стали

служить этому мнению, выискивая доказательства там, где их не было.

А народ стал видеть в образованном человеке избалованного, с причудами барчука, который, «бесясь с жиру», приехал поглумиться, поиграться над ним. И относился к этому соответственно.

И совершенно не понимали и не принимали наши «свежерожденные» «хранители духовных ценностей» отношения народа к государству и к служению. Высмеивали, глумились, должны были обязательно «быть против», «носить фигу в кармане». Если служишь ему (народу и государству), а иначе какой ты интеллигент и «культурный, просвещенный человек».

И боялись, скрывая свой страх за презрением к «этому народу» (да, ничто не ново под луной, и поведение сегодняшних «рукопожатных» не уникальное явление). А народ сохранял свою культуру, свои обычаи, и — да, и свои суеверия тоже. Тут и прекрасное, и уродливое всегда вместе, это жизнь, а не сказка.

Только немногие из великих творцов, часто не понятных, да и не любимых, – кто же любит о себе неприятное слышать, – понимали всю сложность и трагедию, которая стала неизбежна уже к середине XIX века.

«А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены... Идеи-то, пожалуй, и бродят, и желание добра есть, хоть и детское; и честность даже найдется, несмотря на то, что тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет! Деловитость в сапогах ходит...» (Разумихин в романе «Преступление и наказание»).

А в письме Майкову от 1868 года он пишет: «... нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейской бесконечно: на преступника смотрят христиански.»

«...наша сущность, в этом отношении, бесконечно выше европейской. И вообще, все понятия нравственные и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте.»

«Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием, Вы правы), и это совершится в какое-нибудь столетие – вот моя страстная вера.»

Да, тяжело спорить с Федором Михайловичем, и понятно, почему его Владимир Ильич Ленин (Ульянов) и уважал, и называл в одном из писем «архискверным (подражанием) архискверному Достоевскому».

Велик был Ленин, хотя и вышел из среды интеллигенции, но народ понял и смог его желания начать претворять в жизнь. Но это было потом, а пока кризис в «Русском мире» только усугублялся, нарастал. Народ сталкивался с тем, что та «духовная симфония», к которой он стремился, которой пытался жить, плохо ли, хорошо ли, разбивается о реалии жизни. Капитализм и община — они не совместимы.

Да ещё с XVII века «раскол» стал народным ответом на изменения в экономике, но Манифест от 19 февраля 1861 года был и запоздалым, и непродуманным.

Народ уже стал ощущать, что «деревенский», — пусть он и выбился в городе в люди, но живет по традициям, народным бытом и чаяньями, — и «городской», воспитанный на европейской культуре, — разные они. И «деревенский» — он свой, а «городской» — чужак, — когда полезный, когда опасный.

После смерти Александра III кризис «Русского мира» был уже неизбежен. Народ и интеллигенция стали расходиться, и только Ленин, а потом Сталин смогли эту пропасть не только остановить в своём расширении, но и полностью засыпать. И произошло это потому, что сперва Ленин, а позднее Сталин окончательно превратили государство, власть в инструмент исполнения желаний народа. Но перед этим была и кровь Гражданской войны, и жертвы коллективизации (да, именно это, а не борьба партийных кланов — «большой террор») все это порождение того, что после Петра перестали Российские императоры служить до конца Русскому народу, став исполнителем воли его малой части — дворянства. А народу власть нужна была не для этого.

И с ней народ покончил, ввергнув себя в очередную «смуту». Которая подобно смуте 1606-1612 и последующей была выбором пути: как и куда он пойдет, как будет жить и к чему стремиться.

И снова создали сильное государство, и снова до середины 60-х годов оно служило интересам народа. Но складывалось тяжело, много разломов оставил и XVII век, и XIX век, и начало XX века. Только ужас нацистского нашествия сплотил нас, заставив большую часть забыть про «красных» и «белых». После 9 мая 1945 года в Русском народе проявилось ещё одно качество — милосердие к своим врагам.

И это тоже стали повергать шельмованию. Этого не могло принять пропитанное расовой нетерпимостью сознание европейцев. Но могло ли быть по-другому? Никогда не был Русский человек расистом. Да, были погромы, когда под знаменем религиозной вражды громили либо ростовщиков, либо баскаков, но изгнания «иноверцев», подобного тому, что творилось в Европе, не было. (В 1218 году Англия стала первой страной, где от евреев потребовали носить отличительный знак. С 1219 по 1272 годы представителей этой религии обложили полусотней налогов и сборов.

В 1290 году был установлен официальный запрет на проживание евреев в Англии. В XIV веке примеру Англии последовали некоторые другие европейские страны, например, Франция, Германия и Венгрия.) В Русских городах жили и немцы, и грузины, и мусульмане. Да, с евреями было сложнее, но вопрос смогла решить советская власть. И это решение сняло последнее препятствие для укоренения подлинного интернационализма, без привязки к религии или классовому сознанию. Его основой стало милосердие и взаимоуважение к чужим культурам, которое нам дала наша история. И это народ хорошо понял и осознал, хотя и не кричал об этом на всех углах.

Так, Русский человек это: спокойный, взвешивающий многое, замкнутый индивидуум, ценящий свободу и уважение к себе, делающий осознанный выбор в пользу сильного государства, милосердный и добрососедский, который может довольствоваться малым? Прям идеал из женских романов. Нет, конечно, мы не идеал, но точно не тот образ злобного азиата — милитариста, мамлюка (раба—воина), который по приказу своего господина жаждет захватить весь мир.

Но о том, что раньше европейские, а сейчас и мировые СМИ называют «вечным русским милитаризмом», надо поговорить отдельно.

Земли, на которых началось формирование Русского народа, - это открытый со всех сторон врагам лесной массив, где города и села расположены у рек. А река – это не только пресная вода, но и дорога для купцов и завоевателей. А их приходило много. С юга и севера, запада и востока шли завоеватели. Орды кочевников и драккары викингов, отряды рыцарей под знаменем с черным крестом и янычары с бунчуком с полумесяцем. В ответ наши рати стремились отодвинуть наши границы к естественным границам, - горам или морям, закрепившись на которых мы могли сдержать армии врага. На севере мы быстро вышли на берег «студеного моря», закрепились на нем, стали жить, учась у местных племен и уча их. Со времени Ивана III «Великого» начался наш «путь встреч солнцу», который через века привел Ерофея Хабарова на Амур, а Семена Дежнева на Чукотку. Но местные народы мы не истребили, не дарили им зараженные одеяла, не платили за «скальпы» индейцев. Воевали, бывало, но не истребляли, чаше женились. и дети из этих семей были Русскими людьми.

На юге, и особенно на западе, все было сложнее. Враги были сильны, и часто речь шла о выживании нас как страны, а в XX веке — о выживании нас как народа. Гитлеровцы пришли к нам с планом нашего полного уничтожения. Полного от слова совсем. И это не мысли «сумасшедшего австрийского художника», нет — это мечта коллективной Европы. Мы в XXI веке с подобным отношением столкнулись снова. И должны знать, что мы для них не понятны и их пугаем. А раз мы — опасность, нас надо уничтожить. Все просто и примитивно. И поэтому нас и обвиняют в милитаризме. И будут обвинять снова и снова.

Мы же снова и снова будем отодвигать свои границы на «природные рубежи». «География — это судьба». Но колонии нам не нужны, и их мы создавать не будем. Но помогать выйти из зависимости странам и народам будем так же, как наши предки. И мир приносить, как в Сирии, как в 1945-м, как в XIX веке.

Но есть ещё одно важнейшее качество, которое делает нас Русскими. Это справедливость. Понятие «справедливость» - это не уравнивание социальных благ и уровня потребления ради популизма и «заигрывания» с разными группами избирателей, это не культивирование иждивенских настроений в обществе, подобных тем, которые в США породили движение «Black Lives Matter», и поколения европейцев, которые превратились в «псевдокреативный» класс. «Справедливость» - это получение того уровня социальных благ и материального потребления человеком, который обеспечен его образованием, работой на благо государства и социума, государственной и военной службой, спортивными достижениями, культурными и научными свершениями. Учитывается также морально-этическое поведение человека. «Социальная справедливость» - это не «уравниловка», и труд дворника и слесаря не равен по ответственности с трудом исследователя и государственного управленца. Но «социальная справедливость» - это и иерархия ответственности. Преступления государственного деятеля должны караться значительно более жестоко. И это требование ответственности власти и порождало то - повторяющееся из века в век - предательство части «элиты», «интеллигенции», «креативного класса». Князь Курбский не был первым и не стал последним. Мы сами готовы к самопожертвованию и требуем того же от тех, кто нами управляет. И Иван IV «Грозный», и Сталин не поэтому не монстры, а народные герои. Не стеснялись они с «элитки» требовать, и себя не жалели на службе государству Русскому.

Значит, Русский человек — это спокойный, взвешивающий многое, замкнутый индивидуум, делающий осознанный выбор в пользу сильного государства, которое стремится обеспечить создание приемлемых условий для жизни и защиты своих граждан. И готов, не жалея себя, его защищать. И требует, и, что главное, умеет спросить с власти, с «элиты» если она ему не служит. И мечтой его является справедливость — для себя и для других?

Не только это. Русскому человеку нужно дело. Свершение с «большой буквы». Нечто, что глобально, что будет изменять мир. Мы сохранили пра-

вославие, несмотря на все то давление, всю ту враждебность, которую оно вызывало. В XX веке мы строили социализм, освободив колониальный мир. В XXI веке мы сохраним то, что делает человека – человеком. Культуру, цивилизацию. Она основана на том, что ответственность за себя, за свои поступки и делает человека – личностью. Не давая скатиться в состояние зверя, который лишен стыда, ведь лишившись ответственности за свои поступки, человек лишается морали. И памяти о своих предках, а потом и идентичности себя самого. Ведь если ты можешь забыть то, ради чего жили и умирали твои деды и прадеды, то потом можно забыть кто ты, - мужчина или шкаф. А потом, извините, и гадить на улице (и на Западе культ свободы, либерализма к этому и привел, это, конечно, пока аномалия, а не норма, но «окно Овертона» уже открылось). Много нас критикуют за «отсталость», но отсталость ли это? Или сохранение человечества? История нас рассудит, но это, возможно, и есть то дело, то свершение, которое нам нужно. Мы созидатели, творцы, и без этого жить не можем, — 90-е доказали.

Итак, мы, Русские, — это спокойные, взвешивающие многое, замкнутые и душевные люди, уважающие себя и других, принимающие власть, но не господство, строящие и служащие своему государству не за страх, а за совесть, творцы и созидатели. Мечтатели. Но требующие справедливости и готовые жестоко спросить при её отсутствии. И наш мир, «Русский мир», будет сохранять то, что делает человека — человеком. Мораль, культуру, ответственность за свои поступки. То, что просто есть «простая жизнь простого человека». И то, что порождает подвиг Александра Матросова и Магомеда Нурбагандова. Они оба рождены «Русским миром». И их поступки и есть «Русский мир». Вот такими мы стали, такие есть, и такими будем.

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала Ивановского государственного университета, член Союза кинематографистов России, Иваново.

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА

доктор культурологии, профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, Иваново.

метафизика русской идеи

Зачем и как думать о русской идее

Вдуховном мире не всё именуется по-русски, но Россия занимает в нём одно из самых завидных мест. Всечеловеческий и вселенский смыслеё далёк в этих сферах от реализации утопической формулы «без россий, без латвий, а единым человечным общежитьем» — при всей своей глубинной и апофатической открытости Иному «Россия Вечная» в них остаётся навсегда, пребывая всегда и произрастая из неисследимой глубины Божественной Плеромы. Об этом же писал и Бердяев в «Русской идее»: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея»².

В свете последнего по-новому звучит традиционное вопрошание «Куда ж нам плыть?..»: эксплуатация пушкинской фразы от Стругацких до Акунина не измельчает исходного вопроса, но позволяет сохранить всю глубину заключительного авторского торможения в отрывке «Осень», побуждая оставить эту фразу в кавычках... После, однако, откроется большее, нежели то, что тогда только при-открывалось — ведь вопрос звучит риторически, и необходимо оставаться на месте, совершая метафизическую остановку, причём, примерно так, как это сделал М. Хайдеггер, объясняя в небольшом эссе, «почему мы остаёмся в провинции»³.

Преемственность поколений и юбилеи (прошедшие и предстоящие) русских мыслителей, в число которых мы охотно и давно уже, вослед за авторами энциклопедического словаря «Русская фило-

¹ Мамлеев Ю. В. Россия Вечная. М.: «Традиция», 2020. ² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: «Наука», 1990. С. 43.

³ Хайдеггер М. Творческий ландшафт: почему мы остаёмся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: «Гнозис», 1993. С. 218–221.

софия»⁴, как и учебника по древнерусской философии⁵, включаем крупных отечественных поэтов и писателей Нового времени, отнюдь не только древних — открываются нам как созвездие смыслов в бурном море исторического и космического бытия.

Отец Сергий Булгаков в парижской речи «Благодатные заветы преподобного Сергия русскому богословствованию» 1926 года, фактически благословляющей предстоящее большое трудничество российских изгнанников на метафизическом корабле, а именно — работу Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже, отметит, что отечественная культура мысли и слова возникает и существует под «созвездием преподобного Сергия»: «на небе умном... над нашими головами горит и сияет его созвездие»⁶.

Русская идея: юбилеи, высшая школа и... политика

Обращаясь сегодня к русской религиозной философии, которая была, по существу, герменевтикой отечественной словесности, мы не должны пройти вниманием сам факт указываемых юбилеев крупных отечественных мыслителей, к великому сожалению, остающихся почти не замеченными в бурлящем инновациями современном образовательном пространстве... Вот конкретика этой удручающей, но всё ещё не безнадёжной картины:

- ✓ в 2020 году 220 лет Е.А. Баратынскому (который, по словам Пушкина, «у нас оригинален, ибо мыслит»), 200 лет А.А. Фету, которому мы обязаны первым Шопенгауэром на русском языке, Андрею Белому — 160 лет, А.А. Блоку — 140 лет;
- ✓ в 2021 году К.Н. Леонтьеву 200 лет, отцу Сергию Булгакову – 150 лет, В.Н. Ильину – 130 лет, И.Л. Солоневичу – 130 лет;

- ✓ в 2022 году Г.С. Сковороде 300 лет, Н.Я. Данилевскому — 200 лет, смерти Гоголя как культурному событию — 170 лет, В.Ф. Эрну — 140 лет, отцу Павлу Флоренскому — 140 лет, А.А. Зиновьеву — 100 лет,
- ✓ А.А. Тарковскому, о метафизическом масштабе которого свидетельствует не только искусство кино, но и его «Мартиролог» – 90 лет;
- ✓ в 2023 году Ф.И. Тютчеву 220 лет, В.С. Соловьёву 170 лет, А.Л. Волынскому 160 лет, И.А. Ильину 140 лет, А.Ф. Лосеву 130 лет, отцу Георгию Флоровскому 130 лет, В.Н. Лосскому 120 лет, А.Н. Островскому, который был метафизиком в драматургии и драматургом в метафизике. 200 лет;
- ✓ в 2024 году П.Я. Чаадаеву, заложившему начало русского интеллектуального «сумасшествия» как «философского пробуждения» 230 лет, русскому орфику и гераклитианцу А.С. Хомякову 220 лет, философствующему в стихах и прозе звездочёту М.Ю. Лермонтову 210 лет, «долго всматривающемуся в Бездну» Н.А. Бердяеву 150 лет, Ф.А. Степуну 140 лет;
- ✓ в 2025 году программной книге «русского Ницше» К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» – 150 лет, М.М. Бахтину – 130 лет (и 50 лет пройдёт после его кончины);
- ✓ в 2026 году «русскому Фрейду» В.В. Розанову 170 лет, Льву Шестову 160 лет, «Великолепному» (по устойчивой характеристике последнего) сверхфилологу Вяч. Иванову, автору самого словосочетания «русская идея», так же 160 лет, учёному следопыту русской меоничности В.П. Ракову 90 лет;
- ✓ в 2027 году «русскому Данте» свт. Игнатию Брянчанинову – 220 лет (а 160 лет исполнится после его кончины), К.Д. Бальмонту – 160 лет;
- ✓ **в 2028 году** Л.Н. Толстому 200 лет, в 2029 г. А.С. Пушкину 230 лет.

Разумеется, этот перечень не может быть полон, – но что-то самое существенное, думается, удаётся всё же показывать здесь. Приходится напоминать о непреходящем значении отечественной логоцентрической культуры, всё ещё недостаточно востребованной в бурном процессе образовательных

⁴ Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: «Республика», 1995.

⁵ *Громов М. Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X — XVII веков. М.: МГУ, 1990.

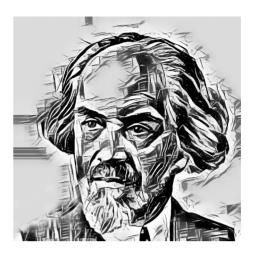
⁶ Булгаков, протоиерей Сергий. Путь Парижского богословия. М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. С. 87.

трансформаций и его ускоренных стандартизаций. Одна из них, вроде бы, на очереди и сегодня. Но любая стандартизация образования (пусть и с самыми благородными и даже — сотериологическими, мотивами) посредственность сделает ещё посредственнее, а для творческого духа это лишь (не стоит впадать в отчаянные депрессии!) сподручный материал (не более) в алхимической лаборатории космического дизайна... Его упругость — совершенно прикладной, и, вообще говоря, творческий вопрос. Иными словами, что-то надо с этим делать, и кому — если не нам?

Содержательный контент образования всё ещё крайне недостаточно обращён к такой вершинной сфере мышления, как религиозная философия, и означенные выше юбилеи могли бы, конечно, способствовать преодолению этого очевидного упущения, а преемственность поколений осуществлялась бы в преодолении роковой разрывности, горестной, но, может быть, всё ещё не безнадёжной, если мыслить в том «большом времени», которое мы постигаем как «историософию русского пути»...

Многозначительны ссылки В.В. Путина на мысли русских религиозных философов, труды которых принадлежат классике отечественного консерватизма:

- ✓ в 2012 году в речи перед Федеральным собранием Президент обращался к творчеству Л.Н. Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем» – к его главной теории «пассионарности»;
- ✓ в 2013 году цитировал «Философию неравенства» Н.А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию»:
- ✓ в 2013 году в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент обратился к главному образу философии К.Н. Леонтьева, принципиально противопоставив его советскому классику — В.И. Ленину указанием на то, что для России органичен образ отнюдь не «тюрьмы народов», а «цветущей сложности»;

- ✓ в 2014 году в Послании к Федеральному собранию Путин процитировал сборник статей И.А. Ильина «Наши задачи»: «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего, свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»;
- ✓ в 2016 году в речи Федеральному собранию глава государства привёл впечатляющий фрагмент написанного в годы Великой Отечественной войны эссе «Жизнь» А.Ф. Лосева: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей родины это всё своё, неотъемлемое, родное»;
- ✓ в 2022 году Путин вновь актуализировал наследие Ивана Ильина в своём обращении к животрепещущей теме Донбасса, а в последующем выступлении на Валдайском форуме напомнил нам проникновенные мысли Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского...

К столетнему юбилею Гёте крупнейший испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет, у которого тоже 140-летний юбилей, отмечал: «Есть только

один способ спасти классика: самым решительным образом используя его для нашего собственного спасения, иными словами, не обращая внимания на то, что он — классик, привлечь его к нам, осовременить, напоить кровью наших вен, насыщенной нашими страстями... и проблемами. Вместо того, чтобы торжественно отмечать столетнюю годовщину, мы должны попытаться воскресить классика, снова ввергнув его в существование»⁷.

Но что есть наше существование в его смысловой глубине, как не проживание заданного в культурно-исторической судьбе? В истории России было два определяющих цивилизационных гипертренда — византийский («древлеправославный») и западный («фаустовский»), долгое время воспринимавшиеся у нас по модели внутреннего конфликта «отеческого» и «сыновнего», «старого» и «нового», чему найдётся множество подтверждений в отечественной религиозной философии, художественной словесности, журнальной публицистике: так, например, согласно первому природа — храм, а согласно второму — мастерская, на чём настаивает главный герой-нигилист из знаменитого тургеневского романа...

Большое время русской идеи

Вероятнее всего, мы сегодня стоим у истоков новейшего гипертренда, который можно было бы назвать восточным. С этим связаны и более широкие макроцивилизационные перспективы, обусловленные поворотом на Восток. Он оказывается подлинно возможен лишь как преодоление западного гипертренда, то есть в существенной мере — изнутри последнего. Подчеркнём, что этот поворот на Восток — не просто путь России, но он открывается и как планетарная макроцивилизационная перспектива, своего рода — иноглобализм... Однако же именно России, по всем раскладам, здесь предстоит сыграть какую-то решающую роль. Глобальный вектор культурно-цивилизационного движения русского мира, связанный с процессом постепенного расши-

рения и оформления его гигантского пространства, всегда был направлен с Запада на Восток, то есть диаметрально противоположен историческому вектору складывания самой западной цивилизации.

Итак, мы можем сказать, что русский мир в своём большом времени уже прошёл последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологичесдогматике и более обширном риторикоклассическом наследии Античности, уходящем своими криптокорнями в символическое миропонимание и дориторические мифоосновы8. Ныне осуществляется, повторим это, поворот на Восток, который, конечно же, не мог произойти за несколько весенних вечеров, - давно уже намечаются перспективы нового гипертренда, усиливаются возможности возвращения к позитивной архаике, в чём состоит, вообще говоря, особенность культурологически верифицируемой современности.

Кроме того, изнутри каждого гипертренда всегда действовали и действуют «кушитские» и «иранские» тенденции, стабилизирующие и восходящие, одна-

 $^{^7}$ *Ортега-и-Гассет X*. В поисках Гёте // Ортега-и-Гассет X. Эстетика. Философия культуры. М.: «Искусство», 1991. С. 461.

ко последние завершались всякий раз Голгофой русского мира: петровской и большевистской. Призванная быть Востоком Христа русская элевация дополняет традиционный отечественный интеллектуальный и эстетический платонизм особым экзистенциальным вектором русского гераклитианства, связанного с экстремальным метафизическим альпинизмом и мышлением символическими фигурами — это русский путь орфического восхождения сквозь архаику к Вечности.

Интересно, что гипертренды: византийский, фаустовский, восточный — в их эпохально-исторической рядоположенности отнюдь не являются качественно и морфологически равноценными. Первые два маркируют рационалистическое единство классики и риторики как долгий тип культурно-исторического сознания и его известный романтический кризис с чаемым «поворотом на Восток» — последний развёртывает сознание к дориторическому мифу, и это глубочайший поворот, ещё более парадигмальный и метафизичный, чем тот, что случился в петровское Новое время.

Орфизм, Гераклитианство, Платонизм: философские константы русской идеи

Распространено суждение, что русская религиозная философия есть христианский платонизм конца Нового времени, спровоцированный западной, прежде всего, - германской, мистикой и романтизмом. По-видимому, так полагал и столь авторитетный историк отечественной интеллектуальной культуры как отец Георгий Флоровский, укоренявший там и софиологическую метафизику («Пути русского богословия»). Нисколько не отрицая фактичности этих влияний и не отказываясь от доминантной платонической автогерменевтики отечественной религиозной философии последних двух столетий, вполне органичной и Хомякову, мы обращаем пристальное внимание на то, что, не вступая в конфликт с платонизмом, она не вписывается только в него и уходит своими криптокорнями в досократовскую раннюю античность и прежде всего - к малоазийцу Гераклиту Эфесскому.

Причём, что ещё удивительнее, наряду с наиболее выраженным платонизмом русской философии,

идущим от И.В. Киреевского и В.С. Соловьёва к своеобразному софиологическому триумфу, а отнюдь не срыву (как полагают критики «софианства») - можно говорить и о русском гераклитианстве, философическом по форме и дофилософском по своей содержательно-мистической интенции: назовём здесь Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.Ф. Эрна, отца Павла Флоренского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Л. Франка... У более позднего наследника этой традиции А.Ф. Лосева можно обнаруживать опыт потенциального мифодиалектического и по сути - неоплатонического синтеза недоразведённых самой античностью линий платонизма и гераклитианства. Гераклит же соединяет Миф и Логос, а не противополагает их. Но как раз это характерологическая черта всей русской религиозной философии, весьма близкой

⁸ Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Глубочайшая метафизика»: Духовные доминаты отечественной философской мысли // Русская философия в России и мире: коллективная монография. М.: Объединённое Движение «Русская философия», 2019. С. 72–77.

в этом отношении романтическим традициям, их наследующим Ницше, Шпенглеру, Генону, Бергсону, Ортеге, Хайдеггеру, по-своему существенно обращённым также к Гераклиту и его «конкретной метафизике» ...

Однако самым впечатляющим оказывается принадлежность этого русского гераклитианства как дополнения к русскому платонизму — исконным протофилософским традициям орфизма: подобно тому, как обращённый к небесной аполлинической гармонии античный мученик Орфей реформирует древнейшие мистерии Диониса, так и русская религиозная философия несёт в себе колоссальный потенциал мистической народности, которая, разумеется, заключается для неё, говоря словами Гоголя, «не в зипуне» (и скорее уж в надеждинской защите «безбородых шеллингов»), но в одухотворённом и преображённом бытии человечества и Вселенной, в исходном чаянии последнего... Логос России — не только кенотичен, но и эксцентричен.

Логос России в 12-ти смальтах

- 1. Русская идея наше исключительное и предельное самопознание: вместе с Ибн аль Фаридом и Ницше русский философ «пел сам себе» и «писал для самого себя». Можно сказать и словами Баратынского, что философы (не только, разумеется, русские) это те, кто говорит о Всеобъемлющем и Общем, имея «лица необщее выраженье», осуществляя таким образом ипостазирование Вселенной. Хомяков же определял саму идею соборности как «единство во множестве» развитие эта мысль получила в последующей отечественной гносеологии онтологически фундированного соборного разума (Н.Я. Данилевский, Е.Н. Трубецкой).
- 2. Русская идея это идея Бога, она принадлежит Богу и открывается только как идеация (П.А. Сорокин), в обратной, иконической перспективе (отец Павел Флоренский); но, будучи идеей Бога, она укоренена в апофатике и непостижима, в этом смысле, используя ассоциации из дальневосточной традиции, она отражение пустоты объемлющего. С другой стороны, русские философы очень хорошо производят своё оружие, а кроме того, русский фи-

- лософ выступает на исторической сцене как культурный герой.
- 3. Ю.В. Мамлеев в «России вечной» говорил, что существует неисчислимое множество Россий в неисчерпаемом инобытии вселенских проявлений, с этим стоит согласиться. Но прежде всего русская идея софийна и укоренена в божественной плероме как предвечном замысле Творца.
- 4. Русская идея, подобно русской песне, согласно К.С. Аксакову, никогда не исчезает, но иногда удаляется и где-то поётся, вечно поётся... В ней сокрыта универсальная способность постоянного познания идеального в материальном, его постоянных ускользаний и новых обнаружений...
- 5. Носители русской идеи софийные лики сакральной России, слагающие её симфоническую субъектность: святые, юродивые, учёные, простецы, поэты, мыслители, писатели, художники, изобретатели, музыканты, многочисленные устроители и хранители её непреходящих смыслов. Сонм святых, прославленных и непрославленных, «несвятых святых», людей великих и малоизвестных миру, представляет собою софийный покров отечественной культуры, а вместе с тем и тот её подлинный «золотой фонд», постижение которого обнаруживает и определённую образовательную задачу, в правильной формулировке и стратегическом решении которой видится будущее России, всё ещё находящейся на пороге мучительного собирания себя в дебрях мирового леса и джунглях планетарной цивилизации.
- 6. Вера, земля, язык, государство не истоки, а проявления русской идеи. В очень глубоком, предельно-символическом смысле, русская идея приоткрывает всеобщий способ развития сущего, обнажая во вселенских вихрях складки родины...
- 7. Роль Церкви в её истинном, хомяковском понимании: как «единства Божьей благодати» — абсолютна в формировании, воплощении и сохранении русской идеи, а в слове «соборность» заключается целостный символ веры, можно сказать, иероглиф Православия, акцентированный в Новое время на русской земле.
- 8. Метафизической почвой русской философии является не бездна материи (аналог индуистской

пракрити), но эйдологическая сфера (в небо уходят корни философии вообще, подобно корням деревьев на древнеиндийских орнаментах), однако церковная христология даёт немалую фору мистическому материализму, имеющему свою весомость и в русской идее. Стоит указать на исходную космологическую специфику отечественной науки (и гуманитарной, и естествознания), столь мощно проявленную уже в гении М.В. Ломоносова, — это позволяет узреть в русской идее восходящую конституцию сущего, Богозамысленную антропокосмичность бытия.

- 9. Русская идея в поисках высшей справедливости и противостоянии узко-юридическим отношениям между людьми поднимается к святоотеческому открытию превосходства милости над справедливостью (преп. Исаак Сирин) и благодати над законом (свт. Иларион, митрополит Киевский). Русская идея чужда всякому насильственному соединению, а потому изнутри её никогда не иссякает ожидание любви.
- 10. Русская идея сообщает смысл самому существованию России, каждому отдельному человеку в России, существованию государства российского, светит соседям России и всему миру. Отдельный и абстрактно неразрешимый вопрос: есть ли она общедоступный способ всечеловеческого развития? Здесь скорее бы можно было предположить, что отнюдь не ОБЩЕ-доступный, но однозначно ВСЕ-доступный, откуда никак не следует, что, говоря словами И.Л. Солоневича, к нашим ногам должны понести всю колбасу и всё пиво мира, это фактура чуждой нам истории...
- 11. Главная опасность в шаблонизации (!) русской идеи. Подобно тому, как античная метафизика исторически выродилась в западный Постав, десакрализирующий, обезличивающий и обналичивающий Сущее, превращённое, согласно Хайдеггеру, «в кладовую энергии» и/или «гигантскую бензоколонку»; схожая опасность угрожает русской идее, если она отбросит свои энигматические основания и встанет на путь автомоделирования и разрастающихся схематизаций, русская идея требует возврата к непостижимой простоте, но не той, где поменьше букв.
- 12. Если же потребовалось бы привести кратчайшие онтологические доводы по русской идее, –

то их можно обозначить последовательно как (1) теологический, (2) топологический, (3) меонический, (4) симфонический и (5) антропологический: первый обращён к идеациональности и иконичности согласно такому пониманию, русская идея - идея Бога, не просто теза о Боге, но принадлежит самому Богу и как таковая замыслена им; второй обусловлен богоданным простором, пространственной ориентированностью русского логоса в распахнутую ширь и, говоря языком бальмонтовской поэзии, «раздвинутую даль», формирующих пространность русской души, её диагностическую недооформленность; третий, вытекающий из прежнего, связан с близостью сверхбытийственной докосмической Бездны и её провальных угрожающих зыбей, что часто интерпретировалось как русский дионисизм; четвёртый, напротив, указывает на верховный космизм, соборность и софийность, что в противовес предшествующему можно определить как русский артистический аполлинизм, при этом не замыкаясь в античном мифологическом символизме, но осуществляя анагогическое движение к патристическому тринитаризму; пятый отворяет особый тип одухотворённой персонологии как идеальную перспективу трансцендентной элевации человека, позволяющей говорить в раннеантичных символических аналогиях о русском орфизме как тонально-характерологическом качестве отечественной христологии.

ТРИФОНОВА МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА

доктор философских наук, *Симферополь*.

ПОТЕРЯННЫЙ МАТЕРИК: МИФОЛОГИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

ова Минервы, олицетворяющая истинную мудрость, вылетает, как известно, в сумерках. Но не надо ждать сумерек постглобалистской эпохи: они уже наступили. А вот что касается совы Минервы, то она, похоже, запаздывает со своим вылетом. Видно, в нашем культурном сознании поселилось ощущение усталости. Если не играть словами, а бесстрашно и беспристрастно взглянуть в глаза реальностям XXI века, то нужно признать, по крайней мере, одно: мир переживает момент «самоисчерпанности» культурной тотальности истории, явившейся следствием длительного процесса размывания и разрушения основных смыслов и ценностей западной цивилизации.

Свобода морали сомкнулась с расслоением понятийной целостности культуры в целом. Некогда устойчивый и единый в своей основе культурный космос предстает сегодня перед человеком как калейдоскоп различных структур, уровней, проекций, знаков и языковых практик. За игрой интерпретаций нередко исчезает сам мир, реальное подменяется виртуальным. Мир, говорит Х. Патнэм, больше не состоит из фиксированного множества независимых от сознания объектов, это скорее, коллаж, образующийся из разрозненных фрагментов, которые мы произвольно объединяем в едином смысловом пространстве. Либерально-постмодернистская парадигма меняет перспективу видения реальности, выводя на второй, а то и третий план такие фундаментальные по своей самоценности структуры и понятия, как семья, гендерная идентичность, рациональность и т.п. и, напротив, — актуализируя другой ряд — спонтанность и желание, чувственность и бессознательное, власть и толпа, свобода и ответственность. Последовательная деконструкция наиболее значимых универсальных смыслов и ценностей культуры ведет к теоретическому оправданию маргинального сознания с его уходом от исторической вменяемости к «наслаждению новизной».

Возможна ли альтернатива господствующей интеллектуальной стратегии в общекультурном смысле слова? Очевидно, что дальше нас ожидает либо Ничто, либо радикальный поворот «позитивизации» ценностей. В этом последнем случае к нам снова могла бы вернуться сова Минервы, однако не под видом рассудка или разума, а как исконная мудрость. Еще в первой половине XX столетия Рене Генон предчувствовал возможность такого поворота культурно-аксиологического маятника истории и определил его как возврат к Традиции. Назревающий на наших глазах «поворот» в культурном сознании, вызванный чувством неудовлетворенности и смятения, скорее всего, будет непосредственным образом связан с переходом от нынешней социокультурной парадигмы к какой-то другой, более «классической» по своей сути – такой, которая будет опираться на стратегию выживания в качестве новой ориентации человечества.

Можно предположить, что ее важнейшей особенностью станет движение от относительного к абсолютному, от плюрализма к монизму, от авангардизма и духа революционности к духу традиции, от

культурных революций к экологии культуры, от прогрессивизма к консерватизму. Лозунг новой парадигмы «Назад к традиции!» ни в коем случае не следовало бы понимать с точки зрения обыденных или стереотипных представлений. Речь идет о глубоком переосмыслении исторического времени и культурных кодов человечества, а также высшей сущности самой традиции как универсального социокультурного пра-феномена. И тогда станет ясно, что речь идет о возврате не к «старому», а к «вечному».

Во все предшествующие эпохи люди стремились сохранить связь с минувшим, которая помогала осознать обществу свою целостность, своеобразие, сохранить историческую память. «Прервалась связь времен...» - летописцы, фиксировавшие такой факт, воспринимали его как великую трагедию. Между тем в самосознании жителей многих западных стран прошлое стремительно утрачивает свою ценность. Темпы прогресса техники и науки очевидно смещают вектор интереса и внимания от прошлого к будущему. «Мы будем жить лучше, чем родители. Их опыт лишь мешает в движении вперед», - утверждают некоторые молодые. От ушедшего времени они готовы оставить лишь материальные ценности (бездумно используемые для удовлетворения своих обыденных желаний), сокровища искусства (для музеев, но не в качестве постоянного сопровождения жизни), книги (которые все чаще, впрочем, заменяет компьютер) – и, пожалуй, все. Человечество (за исключением отдельных регионов) стремительно движется к маргинальности. Но способно ли маргинальное человечество сохранить почтение хотя бы к нашему общему дому – Земле, если привычно разрушает окружающую среду в тех регионах, где жили их предки? Вопрос этот выглядит как риторический уже потому, что во всех странах (где прервалась связь времен) с каждым поколением люди живут все хуже - беспокойнее, бесцельнее, с постоянными болезнями и стрессами, несмотря на внешнее материальное благополучие.

Пришло время остановиться, оглядеться вокруг себя и обратиться к тысячелетнему опыту живших до нас людей. Что позволяло им выжить и сохранить себя и Землю? Размышляя об этом, мы неизбежно возвращаемся к категории *традиции*. По мере

того, как разворачивается историческая панорама XXI века, становится все более ясной необходимость глубокого переосмысления природы традиции, ее экзистенциальной сущности. Она все чаще понимается как нечто универсальное и необходимое, вне которого невозможно полноценное существование культуры и ее стержня — мудрости. Можно сказать, что рождается новая социокультурная парадигма, лозунг которой — «Назад, к традиции, если мы хотим выжить и идти вперед». При этом речь идет как о прогрессе отдельных национальных сообществ и государств, так и человечества в целом.

Традиция — это организованный и скрепленный культурным кодом, общими ценностями способ жизнедеятельности людей. Его особенность состоит в том, что он есть сохраняемая и передаваемая в потоке исторического времени целостность норм, ценностей, культурных образцов и толкований мира, которые мы нередко встречаем закрепленными в мифе. Речь идет о самом процессе сохранения и передачи названной целостности, обеспечивающей развитие культуры в направлении устойчивости и преемственности.

Традиция и миф

Глубинная связь традиции и мифа заключается в том, что в своем генезисе они обуславливали существование друг друга. С одной стороны, традиция вырастала из мифа и питалась его живительными соками. И в этом смысле можно сказать: система мифов — живая душа этой формы человеческого общежития. С другой стороны, традиция — это воздух мифа, его почва и энергетика, без которых он не мог бы манифестировать свою духовную силу, ибо не имел бы авторитета исторической подлинности и первичности. Мифология является мифологией лишь в той степени, в какой она позволяет продемонстрировать традиционность соответствующей ей культурной автохтонной почвы. С точки зрения «мира

¹ Подробнее см.: Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Оправдание мудрости: Монография / Ф. В. Лазарев, М. К. Трифонова. – Симферополь: «Синтагма», 2011. – 556 с.

повседневности», традиция посредством образного языка мифа регулирует «мировоззренческий зов» и «экзистенциальное беспокойство» людей тем, что позволяет извлекать из него именно то содержание, которое необходимо для придания смысла самой повседневности. Как говорил А. Камю, мифы не живут сами по себе, они ждут, чтобы мы дали им плоть и кровь. Пусть хотя бы один человек на свете откликнется на их зов — они напоят нас своими неиссякаемыми соками.

Если культура теряет свою плодоносную почву традиции, если наступает забвенье изначальных смыслов и архетипов, – иссякает ее творческий потенциал. Духовный горизонт индивида сужается. «И вот он стоит, этот лишенный мифа человек, вечно голодный, среди всего минувшего, и роет и копается в поисках корней... На что указывает

² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки/ Ф. Ницше // Полн. СОБР. соч. – М., 1912 – С. 153 огромная потребность современной культуры, это собирание вокруг себя бесчисленных других культур, это пожирающее стремление к познанию, как не на утрату мифа, на утрату мифической родины, мифического материнского ложа?» ^{2}

Как мы видели выше, миф - необходимый элемент любой традиционной общности. Но парадокс заключается в том, что он здесь, вопреки устоявшимся представлениям многих исследователей, не уводит человека в мир легенд, сказок, выдумки, в призрачную сферу мистики и иррационального. Такая роль мифа давно была бы отброшена традицией с ее постоянной жесткой нацеленностью на выживание, причем выживание в реальном мире и конкретных условиях. Да, мифы могут быть изысканно фантазийными, наполненными заведомо нереальными персонажами. Но разве в современной культуре, - от мультипликаций до сложнейших философских романов и фильмов, - не представлены подобные персонажи, природа которых подчеркнуто амбивалентна: с одной стороны, их существование невероятно, с другой, - общество без них утратило бы часть своих важных ориентиров и ценностей? При этом чаше всего это отнюдь не псевдосимволы массовой культуры. Обращенность к метафизическим ценностям, потребность в выходе за пределы обыденности – все это заложено в самой природе человека (этот тезис детально раскрывается в работах К. Ясперса). Мудрость есть способность нашего ума принимать в расчет соответствие мышления объективной мере, как она присутствует в целостной реальности. Рассудок же всегда частичен, он не считается ни с мерой, ни с целым. Рассудок противостоит мифу - как по своему предметному полю, так и по принципам своего функционирования. Мудрость же может полноценно существовать и через миф в лоне его форм и смыслов. Больше того, в известном смысле можно сказать: благодаря мифу индивид способен существовать в культурной среде, где возможна мудрость. Ведь без мифа нельзя придать высшего, сакрального измерения обыденным объектам и явлениям окружающего мира - звездам, небесным светилам, озерам, рекам, животным и т.п., а без этого, над обыденностью возвышающегося плана человеческого бытия, у людей не может

быть софийного сознания, ибо последнее тесно связано с нашей способностью подниматься над миром повседневности и видеть другие горизонты бытия. В лоне традиций миф — это дом бытия мудрости. У входа в этот дом выбиты слова: скажи мне, что для тебя свято, и я скажу, кто ты.

Благодаря последним открытиям и идеям современной науки — антропному принципу голографической модели Вселенной и т.п. — мы с удивлением обнаруживаем, что эта фантастика гораздо ближе к истине, чем примитивные установки здравого смысла. Человек, жизнь, Земля и космос оказываются действительно заслуживающими пристального внимания с точки зрения их надсобытийного смысла, а механизм понимания наших удач и несчастий — гораздо сложнее линейных причинно-следственных цепочек.

Миф необходим здоровому обществу как инструмент выявления высшего смысла (нередко в форме сакрального) тех или иных предметов, отношений, свойств природного, социального или духовного мира. Обыденное сознание склонно обесценивать привычные, повторяющиеся вещи и явления, для возникновения которых человеку не надо прилагать специальных усилий. Поэтому вполне возможно относиться без особого пиетета и даже пренебрежительно к тому, что есть звезды, солнце, река (пусть рыба из нее кормит весь род), к родителям (пока они здоровы), к тем или иным животным и деревьям и т.д. XX век, кстати, преподал человечеству страшные уроки в этом смысле: первая мировая война духовно обесценила жизнь, а вторая - через практику концлагерей - и смерть человека, придав ей массовидный, обыденный, утилитарный характер.

Мир образов древнеславянской культуры

Для нас, живущих в культурном пространстве Русского мира, сегодня важно помнить о духовных корнях славянской цивилизации, о богатейшей кладовой мифических образов, которые в той или иной форме с детских лет поселяются в нашем сознании и служат источником формирования духовных чувств и нравственных установок.

В свете сказанного хотелось бы вспомнить некоторые колоритные фигуры из нашего мифологи-

ческого прошлого. В ранее популярной песне есть такие строчки: «И хочу я. чтоб опять позабытым словом «Лада» всех любимых стали звать...». Между тем «позабытое слово» - одно из центральных понятий восточнославянской мифологии. Исторически Ладу воспринимали в качестве важнейшей богини славянского пантеона. М.В. Ломоносов сравнивал Ладу с Венерой. Праздники в честь богини отмечались шесть раз в году. В романе М. Горького «Дело Артамоновых» встречается полное воспроизведение еще сохранившегося в конце XIX века обряда поклонения Ладе. Сейчас память о ней исчезла не только из нашего культурного космоса, но и в бытовом общении. Стоит напомнить: очаровательная всадница с пучком красной калины в руках жена бога Лада, богиня любви, юности, красоты, плодородия, развлечений и удовольствий. В былые времена люди с большой теплотой и любовью относились к этой богине - красавице, покровительнице их сердечных дел. Общий сын Лады и Лада – Лель, воспламеняющий страстью неопытные сердца, бог любви и пчеловодства: пчела в представлении людей является символом любви, ибо, согласно поверьям, соединяет горечь жала со сладостью меда.

По-разному складывалась в нашем культурном сознании история популярных в прошлом древневедических представлений и образов. Некоторые из них (например, Мара и ее дочери) почти забыты, некоторые (скажем, леший или ведьма) продолжают жить в фольклоре и сказках, а ряд образов продолжает свое бытие в литературе, но уже в качестве художественных персонажей. Например, такое забавное словечко, как «кикимора» сохранило нам образ маленькой безобразной старушки с куриными ногами. Кикимора сама приходила в дом, в других случаях ее «напускали» на хозяев дома недовольные оплатой плотник или печник. Они могли подложить под главную балку дома фигурку, грубо вырубленную из дерева, - и не счесть тогда хозяевам неприятностей и в хлеву, и во дворе, и в бане. Проказам Кикиморы нет счета: то она возьмет чужую прялку и растреплет на ней кудель, то оборвет начатое плетенье у кружевниц, то загремит самопрялкой, то станет бить горшки и плошки. Кроме того, она любит вредить домашним животным; а уж «коли она привидится кому с прялкой на соседней лавке», – тому не избежать крупных неприятностей.

Для того, чтобы освободить себя от проделок кикиморы, люди вывешивали в местах, где она проказничала, лоскуты кумача или горлышко разбитого глиняного умывальника. Не случайно кикимора считается одной из дочерей Мары — богини зла, страшных сновидений и ночных кошмаров, повелительницы подземного царства мертвых. Избавиться от кикиморы очень трудно. Самым распространенным оберегом считался «куриный бог» — небольшой плоский камень с естественным отверстием. Нахождение его считалось добрым знаком.

Весьма примечательной фигурой в славянской мифологии считался Чур – хранитель домашнего тепла и покоя. Обрашение к нему является зашитой от демонических сил, то и дело посылаемых Чернобогом и Марой. Призывают его люди, приступая к гаданию, к добыванию подземного клада и т.п. Стоит лишь обвести себя круговой линией, очертив ее лучиной или восковой свечой, воскликнув: «Чур, наше место свято!» – как враждебные силы отступают. Люди почитали Чура и как своего рода бога, охраняющего право собственности, - стоит только произнести «чур, мое» или «чур, пополам». Чур заботливо охраняет людей от зла, за что они в благодарность вышивали его образ на скатертях, полотенцах или вырезали на деревянных предметах. Если несколько человек обнаружат неожиданную находку в зависимости от формулы «чур пополам» или «чур общее», - признается право на владение ею. Места, где показывается Чур, предают таинственному освящению, и черту родового владения не рискуют переступить враждебные силы.

Любопытно, что в наше время память народа сохранила только идею этой мифологической фигуры, а сам образ уже утрачен. И придется либо отыскивать его на древних поделках, либо придумывать его заново. Уже это может служить примером, как многое из прошлого мы теряем безвозвратно. Кстати, если бы мы чаще вспоминали о единстве восточных славян (русских, украинцев, белорусов), — труднее было бы вбить клин между ними и разделить то, что исторически, традиционно век от века

предполагало единство – общие символы, образы, обряды. Праздники и ритуалы сближают не меньше, чем идеологические конструкции.

Морально-психологические истоки народа и его духовные скрепы можно постичь, изучая не только конкретно-исторические рамки бытия людей, но и социальные преобразования, отразившиеся на самых неожиданных сторонах его мироощущения. Кстати, то, что определенный и, на первый взгляд. невинный ритуал может стать объектом идеологических столкновений, ярко показал эпизод сравнительно недавнего прошлого: всем нам знакомая с детства новогодняя елка то появлялась, то, подпадая под запрет, исчезала с городских площадей и из наших гостиных, согласно решениям весьма серьезных организаций. Что уж говорить о таком персонаже как домовой. Домашний дух - хранитель дома и семьи... В большинстве сказок и былин домовой имеет человеческий облик. Его представляли в образе старичка с белой бородой, босыми ногами и большими руками. Любопытно, что такой образ встречается у большинства европейских народов. Обычно различались два вида домовых: первый доможил, обитавший за печью, второй - живший вне избы (традиционная оппозиция «дом-двор»). Во время археологических раскопок ученые часто находили небольшие похожие фигурки или рисунки на бересте.

Домовой нередко становится «ночным двойником» хозяина: ходит по дому, заглядывает в каждый угол, возится, стучит, хлопает, якобы выполняя различные поделки. По праздникам домового кормили: под Новый год на чердак относили борщ и кашу, на пасху — крашеные яйца, а в день Ефима Сирина (десятого февраля), были у домового именины.

Мы лишь слегка коснулись мудрости, столетиями накапливаемой в мифологии древних славян. Но даже из этих кратких описаний можно заключить: ценность мудрости должна быть сохранена и конструктивно осмыслена. Надо отметить также, что древнеславянская культура несет идею доброжелательности, радости, ожидания светлого чуда. И хотя в ней есть отрицательные персонажи, все же доминирует атмосфера оптимизма, доброжелательности, внимания к другим: будь то герои легенд

и преданий или даже персонажи сказок. Можно сказать, что славянская мифология воспитывает добро, красоту, гармонию во всех их проявлениях.

Посмотрим с этой точки зрения на одно из божеств мира славян, которое в качестве хозяина весенних дней дошло до нашего времени. При этом заметим, что аналогичные персонажи и сейчас существуют у самых различных народов Европы. В Италии отмечают примаверу – День первой зелени, в Греции еще с античных времен празднуют возвращение на землю дочери богини плодородия Деметры. У нас любимое весеннее божество славян - это Лель, при этом основными участниками посвященного ему праздника являются девушки. Отмечается праздник двадцать первого апреля. Веселый и игривый божок приносит парням и девушкам огромную радость любви. Обладая таинственной силой, притягивающей девичьи и юношеские сердца, Лель способен пробудить чувства, которые вскоре начинают пылать буйным любовным костром.

Редко кому удается избежать встречи с Лелем. Хотя раны, им нанесенные, с трудом залечиваются, все хотят встретиться с ним, ведь он к тому же любит цветы, покровительствует пчеловодам, опекает детей. Характерно, что в обрядах, посвященных Лелю, отсутствуют пасмурные и грустные мотивы. На этих праздниках много песен, хороводов, радости и счастья. Современный человек ассоциирует имя Леля со сказкой «Снегурочка», где он представлен в образе прекрасного юноши, играющего на свирели.

Особое место среди мифологических образов занимают легенды о русалках. Эта тема, так или иначе, присутствует в фольклоре практически всех народов Европы. В древности верили, что встреча с русалкой приносит несметные богатства или, напротив, оборачивается несчастьем. Русалки могли увести в свой хоровод и защекотать до смерти (если забудешь взять с собой веточку полыни). Послать на поля сокрушительные бури, проливные дожди и град — тоже в их власти. Русалки — излюбленный персонаж в музыке, живописи, литературе. И впрямь они очень живописны, когда в лунную ночь отыскивают плакучую иву или склонившуюся

над водой березу и качаются на ее тонких ветвях. А там, где они резвятся, трава растет зеленее и хлеба вызревают обильнее.

Еще один образ, согревающий душу и полный добра, света, радости — это главный персонаж праздника летнего солнцестояния, Купала. По всей видимости, древние славяне отмечали два дня солнечного божества: 23 и 24 июня. Это торжество теперь также связано с почитанием огня. Некоторые считают, что Купала — это действительно имя божества (о чем свидетельствует летопись пятнадцатого века). Символика и свежесть образов праздника широко использовалась в литературе (Мицкевич, Гоголь и др.). Праздник Купалы сопровождается атмосферой волшебства и таинств: роса, выпадающая в купальскую ночь, обладает целебными свойствами, и стоит умыться ею, как от тебя уйдут немо-

щи и недуги, а девушки станут красавицами. На рассвете Купальского дня принято было совершать очистительное омовение в источниках и реках, причем, считалось полезным также выкупать домашний скот. Ночь на Купалу исстари почиталась лучшей в году для волшебства, сбора целебных трав цветов и кореньев. Только на Купалу расцветает папоротник огненным цветом. Волшебство купальской ночи, ее очарование, таинственность - это уже классика. воссозданная во многих произведениях искусства. Эротичностью пронизаны ритуалы и игры в это время. Парни и девушки гуляли и купались вместе, что запрещалось в обычное время, так же, как поцелуи, ласки, объятия, причем ревность со стороны постоянного ухажера была под запретом. Фривольными (точнее вольными) были и песни. Рискну привести одну:.

Уж как я ли молода, В огороде была. Уж как я за кочан. А кочан закричал... Уж бороздушка узка, Уляжемся! Хотя ночка маленька, Позабавимся!

Для ворожбы искали в это время особую траву. особенно загадочную. Талисманом против нечистой силы служил цветок папоротника. Человек, который сможет его сорвать, узнает язык животных и птиц. Согласно преданиям, в купальскую ночь нечистая сила собирается на Лысой горе и предается там неистовому разгулу. Чтобы уберечься от нечистой силы, надо было, придя в лес, сесть на землю и не трогаться с места, чем бы ни пугала собравшаяся нечисть. Вокруг приготовленных в навечерии костров, разведенных с помощью живого огня, добытого почтенными стариками трением двух кусков дерева, водятся веселые хороводы. Девушки и парни в праздничных нарядах, взявшись за руки, прыгают через очистительный огонь, катают с горы горящее колесо, поют озорные песни. Чтобы увидеть суженого, девушки клали под подушку набор из двенадцати трав, собранных с двенадцати полей.

Один из немногих мифологических образов, сохранившихся и вошедших в фольклор и в обыден-

ную речь — образ Бабы Яги (Яга, Яшина, Ежи-баба). В национальных традициях этот образ многогранен и противоречив: греческая нимфа Калипсо, Жакмауыз-кемпир в казахском эпосе, бабушка Метелица в немецком. В русских сказках у Бабы Яги отталкивающая внешность, обычно это старуха с костяной ногой, «что сидит на печи на девятом кирпиче, зубы на полке, а нос в потолок врос».

Удивительно, но основные черты этого персонажа, во-первых, сохранились многие сотни лет и, во-вторых, очевидно, их сходство в культуре различных регионов. Она часто – хозяйка мира зверей и мира мертвых. Баба-Яга часто связана с детьми, ею нередко пугают и малышей, и детей постарше. Ей подчиняются звери и птицы. Нередко в мифах она живет в избушке на курьих ножках. Обратим внимание, что многие детали передаются от мифов одних народов к другим. Даже гомеровская «Илиада» не избежала влияния этих сюжетов. Иногда Бабу-ягу называют богиней войны, кровопролитий, людских распрей и усобиц. Но, как правило, интерпретация этого персонажа, в общем-то, положительна. Часто она выступает помощницей, дарительницей, советчицей, т.е. ее облик, да и образ жизни в целом утрачивает устрашающие черты. Встреча «Бабушки-Ягушечки начинается с расспросов, а заканчивается оказанием необходимой помощи. И все же непонятно, почему этот образ так популярен, сохраняется столетиями и передается от народа к народу. Возможно, это объяснимо удачным сочетанием действующих лиц - в сюжетах участвуют дети, загадочные и близкие людям звери «другого мира», мира дикой природы, привычная для обыденности ворчливая и кажущаяся страшной старушка, которую иногда можно и не бояться. Избушка на курьих ножках – это тоже понятная бытовая деталь. Но не будем думать, что мы разгадали тайну: над ней еще надо размышлять; сколько сюжетов так и исчезли из сокровищницы мифов, забыты или изменены до неузнаваемости. А с бабкой-ежкой еще встретятся, наверно, наши внуки.

Мы лишь слегка коснулись того, что составляет глубинные слои культуры, благодаря которым она может устойчиво существовать. Очевидно, что в рамках современного культурного пространства

есть возможность разнообразно варьировать древние сюжеты, создавать новые и даже обнаруживать неожиданные оттенки, соответствующие представлениям людей нашего времени.

Когда корни утрачены, культура неизбежно теряет свою неповторимость, подпитывается чужеродным фольклорным материалом, перестает воспитывать подрастающее поколение не только на основе современной системы ценностей, но и в духе тысячелетней традиции. Человек интересен не только будущим, но и прошлым, поскольку оно позволяет в новом ракурсе увидеть наши праздники, обряды, нравы, корни которых обнаруживаются в неожиданных обстоятельствах. Славянская мифология — еще одна возможность глубже понять себя, причем себя сегодняшнего. Даже сказки, которые услышит дитя в раннем детстве, способствуют целостности воспитания не менее, чем современные поведенческие традиции.

Если мы хотим сохранить национальную самобытность, нужно время от времени возвращаться к нашим истокам. Рассказанные ребенку сказки первое знакомство с архаикой родового сознания. Хорошо, если сохраняются здесь элементы, присущие именно славянской культуре. Колдуны, духи, домовые - все эти силы в форме сказки или легенды проникают в повседневную жизнь, привнося в нее то выдумку, то сказку, то намек «добрым молодцам урок». Отметим, что славяне одухотворяли не только окружающие их домашние персонажи. Как священные, обладающие волшебством, воспринимались и растения. Прислушайтесь к их названиям: трава кукушкины слезы, дурман-трава, чертополох, одолень-трава, плакун-трава, чернобыльник, василек, волшебный горох, сон-трава, любовные яблоки... И за каждым из этих поэтичных названий свои традиции, правила, и пожелания. Мир, который окружает нас, если мы причастны к нему, становится богаче, поэтичней, разнообразнее.

И очень жаль, что нередко современные люди, славяне по своему древнему мифологическому «я», забывают не только то, что скрывает то или иное название, но даже не слышали о нем. Не теряем ли мы богатств, о которых даже не слышали? Между тем сколько полезной и нужной информации несут с собой, например, простые правила сбора,

хранения и использования хорошо знакомых трав. Каждая трава, как любое живое существо, имеет свой нрав и характер и требует к себе особого отношения. Прежде всего, нужно точно знать время, когда она расцветает. Например, сон-трава цветет голубым цветом, а собирают ее в марте. Согласно легенде, она обладает пророческой силой. В полночь ее кладут под подушку и засыпают с надеждой: что приснится, то и сбудется.

Однако в мифологическом сознании важную роль играли не только травы, но и деревья. Самыми ценными деревьями у славян, особенно восточных, считались дубы — благодаря их мощи и силе. Клен и липа служили образцом супружества, хорошего отношения друг к другу, поэтому молодые пары любили высаживать эти деревья вблизи своего жилья. Отметим, что с глубокой древности и до наших дней считается символом святости и чистоты такое привычное дерево, как береза. Видимо, не случайно она растет особенно хорошо рядом с человеческим жильем.

***

Пытаясь всесторонне осмыслить истоки российской цивилизации и ее болевые точки на сегодняшний день, мы сталкиваемся с необходимостью глубже понять обсуждаемые проблемы в более широком общецивилизационном контексте. Например, вопрос о сохранении исторической памяти касается не только нашего общества. Еще более остро он возникает в некоторых других цивилизациях, хотя и совершенно в другом ракурсе. Актуальность обращения к прошлому опыту народа в западном мире определяется сегодня не только покушением на традицию как таковую, но и на современный контент морали, религии, искусства, философии. Идет процесс редукции духовной сферы к политическим и идеологическим конструкциям правящей элиты. Практика «отмены» русской культуры – это лишь вершина айсберга более глубокого процесса отмены духовной культуры вообще, ее религиозно-нравственной составляющей. Стоит ли удивляться тому, что, к примеру, современная католическая церковь, чтобы как-то остаться на плаву, готова признать и однополые браки, и прочую «трансгендерную» ахинею, отменяющую даже «маму» и «папу».

Современный католицизм оказался перед дилеммой: либо стать объектом разрушительного давления внешних сил, либо, пытаясь адаптироваться к новым «трендам» и выжить ценой уступок, постепенно разрушить себя изнутри. Не мне давать советы католикам, как им обеспечить выживание своей церкви. И все же от одного пожелания не могу удержаться: берегите традиции любой ценой! Не позволяйте искажать Божье Слово. Оно – абсолютно.

И все-таки во всех этих мутных водах западных «культурных новаций» одно заслуживает серьезного внимания. Дело в том, что формы духовного производства только тогда жизнеспособны, когда они откликаются на новые реалии хода истории, тем самым с необходимостью как-то трансформируя свое содержание. Так, очевидно, что в условиях глобаль-

ных сдвигов XXI в. требуется более активное воздействие нравственного измерения на все формы человеческой жизнедеятельности (экономика, политика, образование, спорт и т.п.). В свою очередь, философия должна стать более практической, повернуться лицом к обычному человеку и его жизненным проблемам, а искусство должно перестать гоняться за псевдоновизной, чтобы обеспечить себе «кассовый успех».

В отличие от Запада, мировоззрение, которое складывается в рамках нашей социокультурной парадигмы XXI в., опирается на заново переосмысленный концепт «традиция». Жизнь традиции подчинена голографическому принципу: основываясь на определенном культурном коде, ценностно-нормативной матрице, она заключает в себе также и механизм воспроизведения всей полноты своего содержания в духовно-практическом бытии каждого члена коллектива. В результате индивид оказывается не только неотделимым от традиции, но и своеобразной монадой ее актуального бытия. Духовная вселенная отдельного человека - своеобразная голографическая копия вселенной рода. Распад традиции ведет к отчуждению личности от общества, к возникновению маргинальной, бездомной цивилизации, в рамках которой человек реализует себя лишь как «частичное», одномерное существо. Таким образом, можно сказать, что традиция является наиболее целостно и эффективно функционирующим культурным пространством производства человеческого в человеке. В индивиде столько человеческого, сколько в нем традиционного. Целостность традиции видна уже из того обстоятельства, что в ней сцеплены три аксиологических уровня бытия человека: она выступает, во-первых, как реальная система ценностей; во-вторых, как технология формирования жизненных потребностей; в-третьих, как совокупность способов удовлетворения этих потребностей.

Анализируя данную проблему, важно иметь в виду, что последовательно выстраивая духовно полноценную атмосферу в современном российском обществе, было бы ошибочно противопоставлять одну традицию другой. В этом смысле призыв к возрождению позитивных элементов духовного мира древних

славян не следует трактовать как попытку принижения или недооценки других отечественных традиций. В процессе формирования многогранного духовного мира у нашего молодого поколения знакомство с древнерусской культурой не должно заслонять собой всестороннее знание таких отечественных традиций, как православная культура, нравственно-эстетические основания русского классического искусства (литература, живопись, музыка) XIX века, лучшие достижения советской науки, образования и др.

Несмотря на очевидность сформулированного выше тезиса, следует констатировать, что в нашей отечественной истории мы знаем красноречивые примеры противопоставления науки и религии, современности и исторического прошлого, коллективных и рыночных механизмов хозяйствования, болонской и советской систем образования и т.п.

Такого рода негативная практика в течение многих лет нанесла весьма ощутимый ущерб нашему поступательному развитию. Похоже на то, что на современном этапе мы стали мудрее и дальновиднее как в понимании важности духовной культуры во всех ее исторических ипостасях, так и в умении гармонично воспринимать все ее составляющие.

Россия, будучи преемницей «византийской цивилизации», смогла не только сохранить восточное христианство – Православие, но и преумножить его. Как отмечал Константин Леонтьев, Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, русской православной церковью. Она не должна забыть ни своих исторических корней, ни свою духовную миссию.

ГАРБУЗОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ

доктор философских наук, *Симферополь.*

ЭССЕ О РОССИИ: МЫСЛИ РОССЫПЬЮ

Кино

Т России ждут «чернушное», депрессивное кино. Таково нынешнее кинематографическое «разделение труда». От Азии — этника, от Африки — экология, от Америки — блокбастеры, от Европы — интеллектуальное кино. А от России — катастрофы социальности и личности.

Распространение Запада и России

Западный тип распространения, проникновения – обман, несоответствие внешнего и внутреннего, этикетки и содержания. Русский тип – приказ, насаждение. Запад соблазняет, переформатирует душу, нутро. Россия – надевает мундир, форму на тело, позволяя внутри оставаться самим собой.

Капитализм на Западе и в России

Капитализм на Западе: 1. Создали Производство, создали Офис для управления производством. 2. Вывели производство в бедные страны и расширили офис у себя, напридумывали новых офисных функций и видов деятельности. Создали виртуальную реальность, которая загрузила реальных людей высокооплачиваемой квазиработой. 3. Эта реально не обеспеченная виртуальная реальность регулярно генерирует финансовые кризисы.

Капитализм в постсоветской России: 1. Разрушили Производство, создали Офис. Симуляция бизнеса, подпитываемая продажей сырья. 2. Глобальный финансовый кризис (2008): все рухнуло. Сырье осталось. Спасибо, матери-природе. Лихорадочно начали развивать производство.

Секс и рынок

Секс — это маркетинговая стратегия продвижения товаров на рынок, инструмент внушения потребителям, что эти товары им нужны. Если бы не было «секса», то современная экономика обрушилась бы, ряд отраслей умерли бы мгновенно. Это объясняет, почему в СССР «секса» действительно не было.

Великие Богини и примадонны

В мифе традиционных культур ключевое значение имеют т.н. Великие Богини – Кибела, Астарта,

Исида, Деметра и пр. В них сконцентрировано понимание и выражение женственности, материнства, плодовитости, страстности. В России как культуре, сохранившей на некотором глубоком уровне свойство традиционности, эта культурная языческая линия, возможно, сохранилась в неформальном институте т.н. примадонн. Пугачева — Зыкина — Русланова — Орлова — Революционерки. Последние версии примадонн растворились в массмедиа, измельчали и начали конкурировать друг с другом — Ксения Собчак, Чулпан Хаматова и т.п.

С мужским архетипом дела обстоят сложнее.

1. В отличие от Героев традиционного мифа, в современной культуре они не составляют пару примадонне. 2. В отличие от единственности примадонны, они образуют группу, отряд, орден, причем не обязательно связанных непосредственно. 3. Их отличительное свойство — не царственность, а жертвенность. Это агнцы, жертвы. 4. В последнем поколении их больше нет. Последний герой, кажется, — В. Цой. Почему? Возможно, потому что в современном обществе исчез единый центр сверхнасилия — Император, Кесарь, Вождь, Диктатор. Большой Брат замещен Соблазном Блудницы.

Интоксикация России

Государство после распада СССР ушло из России. Государство присутствует только в вертикальной плоскости, на институциональном уровне, а реальные люди живут в горизонтальной плоскости, на интерактивном уровне. Так вот, на этом уровне на земле - государство какое-то время присутствовало только формально, символически. Если у того времени есть смысл, то он такой. Люди оказались предоставлены самим себе. Раньше культурные институции всегда были связаны с административным насилием. Поэтому все культурно ценное было отождествлено с насилием. Людям насильно насаждали религию, науку, мораль, интеллект, дисциплину и пр. А теперь им (нам) сказали: «Вы не хотите этого? Получите то, что хотите: анархию, удовольствие, развлечение и пр.» Мы должны были не абстрактно, не разумом, а телом, чревом, желудком ощутить, что выбранное нами — это дерьмо, фекальные массы, вызывающие болезненную интоксикацию, а то, что нам навязывает институциональный центр — не обязательно вредно. Это жестокий опыт, ибо Россия вообще жестокая цивилизация. Этот опыт может стоить деградации целого поколения людей, которому выпала доля стать навозом истории.

Русский Янус: Два лица

У русского человека два лица: одно вперед, другое назад. И время от времени они переворачиваются (по мотивам А. Платонова).

Россия «на парах»

А. Платонов («Чевенгур»). Невежество – дикое поле, не растратившее свое плодородие. Культура – это возделываемое поле, постоянное теряющее свои питательные силы. Революция выжгла старую растительность и дала земле отдохнуть, чтобы на диком поле взошел урожай новой культуры. Будем надеяться, что такое же пребывание «на парах» характеризует и наше нынешнее время, и оно скоро закончится, и нас ждет новый изобильный урожай.

Тишина и шум

Для советского самосознания и стиля жизни характерна «тишина». Советский человек инстинктивно стремился быть незаметным, не привлекать к себе внимания, скрыться. Наоборот, современный россиянин — шумный. Он инстинктивно пытается выделиться, быть замеченным. Безусловно, это связано с разными типами социальности и культуры. Советский человек был востребован, он подлежал мобилизации, призыву и поэтому стремился скрыться от требовательного социума. Наоборот, современный россиянин подобен дикой траве, он изначально воспринимается социумом как новый иждивенец. Ощущая свою невостребованность, современный россиянин пытается всеми силами

привлечь к себе внимание. Если слушает музыку, то так, чтобы ее слышали и окружающие, если разговаривает, то громко, одевается – ярко и т.д.

Традиция самозванчества

Одна характерная деталь постсоветского российского социума – общество без настоящей элиты. т.е. являющейся таковой не только номинально и количественно, но и качественно. Никогда такого раньше не было – и в СССР, и в Империи, и в доимперский период – подлинная элита всегда имела место. Более того, кажется, что такого уникального социума вообще больше никогда не существовало. Метафизически это загадка. А технически это реализуется через систему вознаграждения. Те, кто мог бы составить реальную элиту, практически с необходимостью отсекаются от каналов вознаграждения. Соответственно, это «элитарное» вознаграждение практически с необходимостью получают те, кто проявляет именно не-элитарные свойства. В результате – разбалансированный социум, поскольку те подставные элиты, которые получают вознаграждение и рычаги управления (в широком смысле), просто не способны поддерживать эффективное функционирование социальных систем. Возможно, стоило бы создать новую «табель о рангах». Так, чтобы вся эта фальшивая элита стала новой наследственной аристократией и устранилась из реального управления, открыв дорогу людям нового «низкого происхождения», но реально способным эффективно работать.

Иррациональное вознаграждение

Все социальные системы, не обладающие неограниченными ресурсами и ценностями, устроены иерархически. Распределение благ устроено неравным образом. Парадоксальность постсоветского российского социума заключается в разрыве между реальным и номинальным статусом структурообразующих социальных групп населения. Группы, выполняющие главную работу по поддержке стабильности

общества, — администраторы, военные, правоохранители, педагоги, ученые, медики, — получают непропорционально низкое вознаграждение. При этом их реальные возможности «добрать» недостаточное вознаграждение весьма велики. Это стимулирует неофициальное вознаграждение и дестабилизирует систему управления, поскольку формальный центр власти перестает быть главным работодателем и распределителем. Нужно восстанавливать формальную иерархию, создав рациональную систему вознаграждения.

Об элитах

Российский социум устроен так, что в нем всегда доминирует одна социальная группа. Сначала – военная элита (бояре), затем – администраторы монарха (дворяне), затем – спецслужбы (советская администрация, выросшая из революционной партии), сегодня — бизнесмены-предприниматели, владельцы крупного капитала (они тоже часто выходцы из «силовых» служб). Дракон меняет кожу. Интересы остальных социальных групп населения последовательно игнорируются. Победитель получает все.

Эпоха низа

1. Культурная жизнь Средневековой Руси была довольно бедна в плане интеллектуальном — практически отсутствовала философия, художественная литература, наука. Но зато это было время широкого праведничества. Это время аскетов, монахов, преподобных, святых, учителей и т.д. 2. Эпоха Нового Времени (включая СССР) характеризуется снижением морального уровня, но зато происходит мощный всплеск научного, инженерного, художественного, эстетического творчества. 3. Современное состояние характеризуется падением морального уровня и деградацией научного, эстетического, художественного отношения к миру.

Есть ощущение, что в наше время происходит испытание глубины в смысле низости культурного пространства российской цивилизации. Происходит

актуализация низменного опыта, который до этого был табуирован, вытеснен. Если мы сумеем пройти этот этап, то это может стать очень важным опытом самопознания. Мы будем знать не только наши широты и высоты, но и дольнее.

Две модели глобализма

СССР – первая модель глобалистского транссоциального общества. Его символический обмен был основан на идеологически обоснованном прямом насилии. Это культурный архаизм. Современный либеральный демократизм – это вторая модель глобализма. Его символический обмен основан не на прямом насилии, а на использовании универсального эквивалента, на который обменивается все существующее.

Запад и Россия

Запад симулирует тождество своих цивилизационных двойников. Россия, наоборот, пытается симулировать их различие. Иначе говоря, новые модификации Западного социума пытаются демонстрировать преемственность исходной традиции, но реально имеют место необратимые отличия. Наоборот, новые модификации российского социума пытаются демонстрировать свое принципиальное отличие, но реально воспроизводят один и тот же тип социума.

Запад I Средние Века => Новое Время => Постмодерн (США - ЕС)

Россия I Средние Века => Петр I => СССР => РФ Америка — это продукт жизнедеятельности Европы. Америка — настоящее, Европа — прошлое. Очевидно, реакцией на это сегодня является особый культурный реверс — происходит американизация Европы.

Маска на клыкастом рыле

Современный Западный социум слишком активно симулирует Рай, т.е. мир без зла. Это приводит к замене простодушного, наивного, прямого насилия

на коварство и лицемерие. На клыкастое рыло зла надевают благородную маску. Но от этого оно становится еще отвратительнее, поскольку зло от этого только удваивается.

Ковчег

Россия – ковчег. Может, для этого происходило ее не вполне объяснимое расширение. Здесь будут собраны народы.

Определение России

«Определение» России: народ, ведущий войны Бога на земле. Очень жестокий и грустный жребий.

Российская матрица неравенства

Оно мгновенно воспроизводит себя в любой государственной системе. Царь – Бояре-чиновники – Гости-торговцы – Грамотеи-летописцы – Холопы.

Необходимость элиты

Одной из важнейших особенностей постсоветской России является приход к власти людей массы. Это

люди без метафизики. Впервые они появились еще в СССР после Сталина, но были отягощены полученной по наследству идеологией, которую благополучно и сбросили во время крушения СССР. После этого они сразу быстро удовлетворили свои плебейские потребности и сделали это таким хамским образом, что растлили большинство населения страны.

Пленник общества

Русский человек привык ощущать себя захваченным стихией социальности, быть ее пленником, невольником, страдальцем. Поэтому после распада СССР он чувствовал себя одиноким, покинутым, беззащитным, не нужным. И вот он опять нужен.

Наследники и самоделы

Суть современного конфликта. Трансформация элит. К «наследникам» (т.е. группе, поделившей наследство СССР) добавились «самоделы». Все началось с того, что «самоделы» вдруг осознали, что понимают, как делается политика, осознали, что понимают те манипуляции, имитации и пр., которые осуществляет правящий класс. Это вызвало массо-

вый анонимный (через интернет) протест. Затем у «самоделов» появились публичные лидеры. Ситуация осложняется тем, что эту новую волну попыталась оседлать проигравшая группа «наследников», тесно связанная с иностранными центрами влияния. Условно говоря, «наследница» Ксюша Собчак мимикрирует под «самодела».

Либеральное общество и Россия

Либеральный тип — это общество легального гипертрофированного индивидуализма. Поэтому оно предполагает жесткую систему правил и неукоснительное их исполнение. Если этого нет, то идет «война всех против всех». Что мы и получили в постсоветской России.

Свобода, воля и оптическая иллюзия

Точное определение свободы: признание бессилия, поскольку она не может мыслиться иначе, чем отделение, отстранение от захваченности стихиями и субстанциями. Осознанное или бессознательное. Сила же заразна, она стремится найти объект воздействия. Соответственно, свобода может быть основанием социума только там, где есть сильный источник власти, диктата, который, встречая бессилие, не продуцирует конфликт.

Если же основанием социальных связей является воля, т.е. сила целеполагания и целедостижения (анти-свобода), то это предполагает существование локального, не всеобъемлющего центра власти. Такого континуума власти, в котором много лакун, пустот, дыр.

Третий Рейх провалился, поскольку поставил на волю, хотя был способен (благодаря своей тотальности) только на свободу. На волю способен только слабый, аморфный центр власти, который умеет конденсироваться, собираться лишь в особых, сингулярных, а не регулярных условиях. Подобный российскому Третьему Риму. Поэтому Россия — это культура воли, а Запад — культура свободы. Видимая брутальность воли и невидимое бессилие свободы создают оптическую иллюзию, которая гипер-

трофирует невеликую силу российского центра власти и камуфлирует действительно сильный западный центр управления.

Эквилибриум

Западный социум совмещает два незыблемых элемента. 1) Абсолютную неприкосновенность личного пространства человека и его официального публичного статуса и имиджа. 2) Абсолютную отвязанность культурного пространства, десакрализацию всех его элементов. Эти элементы взаимодополняют друг друга. Только безусловная гарантия безопасности личного пространства поддерживает стабильность системы без сакральных центров. Соответственно, если такая гарантия не обеспечивается, то данная система утратит равновесие. Нечто подобное сегодня начинает происходить и на Западе. Патриархальные же общества (в т.ч. Россия и мусульманские страны), в которых личное пространство в значительной степени беззащитно, не способны существовать без сакральных центров.

Научно-технотронное эко-общество

Запад, начиная с эпохи Возрождения, привык быть лидирующим обществом, доминирующим над всеми остальными. Для этого Запад создавал такие модели общества, чьи правила, нормы и стандарты были недоступны для других обществ. Как только они осваивали эту модель, Запад заменял ее на новую, столь же недоступную для других. Очевидно, что сейчас (нач. XXI в.) мы находимся как раз в такой ситуации смены моделей. Новая модель пока не сформирована, но ее главные элементы не так трудно предугадать. 1. Наука. Общество знания. Научно-технократическое общество, основанное не на спонтанной случайности и справедливости рынка, а на точно машинном анализе. Общество как логически безупречная кибернетическая система. 2. Экология в широком биоэтическом смысле. Экологический мессианизм. «Бремя белого человека» теперь по спасению природы. Экономика, производство, образ жизни, политика, культура и пр. на основе жестких экологических стандартов, доступных только для хорошо организованных, управляемых, научно-технологически развитых и относительно малочисленных обществ. Соответствовать подобной модели в радикальном ее исполнении сегодня может только Запад.

О бюрократии

Особенность современной системы управления в России заключается в том, что управляющая группа состоит почти целиком из чиновников-бизнесменов и чиновников-силовиков. Главная задача видится в том, чтобы бизнесмены и силовики ушли из системы администрирования и занимались исключительно своими функциями. А чиновники были только чиновниками, бюрократами.

Реформа образования

- 1. Либеральные постсоветские правительства попытались реформировать систему образования помодели создания государственно-частных коммерческих предприятий типа РЖД, Газпрома, управляющих компаний в сфере ЖКХ и пр. Предполагалось, что учебные заведения разного уровня должны трансформироваться в коммерческие предприятия, контрольный пакет акций которых принадлежит государству.
- 2. Часть расходов оплачивает государство на средства налогоплательщиков, поскольку высшая школа выполняет социальные функции, а часть средств школа зарабатывает самостоятельной коммерческой деятельностью.
- 3. Профессорско-преподавательский состав трансформируется в офисных клерков чиновников и предпринимателей, оказывающих услуги клиентам-ученикам.
  - 4. Три этапа реализации реформы.
- А) Реализация компетентностного подхода. Это создание самого товара, списка услуг в форме компетенций.

- Б) Реализация интерактивного подхода. Это этап маркетинга, т.е. создание рыночной инфраструктуры, системы коммуникации, в процессе которой будут реализовываться образовательные услуги.
- В) Формирование нового корпоративного режима и бизнес-культуры: расписание трудового дня, служебные обязанности, система оплаты, отчетность, премии, санкции и пр.
- 5. Резкое увеличение документооборота в образовательных учреждениях (УМК, РПД, ФОС, отчеты и пр.) это естественная деятельность офисного клерка, бюрократа-менеджера, которым становится преподаватель. В частности, формой бизнеса профессорско-преподавательского состава является экспертиза, консалтинг.

Академия наук

- 1. Институт Академии наук создавался в XVII– XVIII веках в условиях, когда основу системы образования составляли средневековые университеты с их «тривиумом» и «квадриумом». Соответственно, они имели мобилизационную функцию сосредотачивали новые формы знания, прежде всего, практику естествоиспытателей.
- 2. Советская Академия наук также выполняла мобилизационную функцию. Она в чрезвычайном режиме выполняла «заказ» государства в условиях враждебного геополитического окружения.
- 3. Современная наука на Западе это, прежде всего, высокоразвитая сфера бизнеса, в которой обращаются огромные финансовые потоки. Эта сфера находится не в мобилизационном, а в регулярном, «нормальном» рабочем режиме. Поэтому значение Академии наук как единого центра научно-образовательной деятельности здесь ослабело. Наука более-менее равномерно распределена в университетах и связанных с ними исследовательских центрах.
- 4. Российское правительство пыталось реализовать эту же модель. Но! Само государство финансирует науку для этой модели очень скудно, а частный бизнес не готов компенсировать недостаток государственного финансирования. В такой ситуации, воз-

можно, рационально было бы использовать именно мобилизационную модель Академии наук. Но правительство настаивало на университетской модели, которая абсолютно не обеспечена ресурсами, но является престижной, «современной» моделью. При этом сама наука оказалась в «подвешенном» состоянии. Возникало впечатление, что правительство не очень понимало, зачем она вообще нужна, помимо имиджевой функции. Если возникала некая потребность, то использовались зарубежные технологии. Разработка собственных рассматривалась как слишком дорогое и бесперспективное дело.

Секрет власти

В социальной борьбе побеждает сильнейший, то есть самый жестокий, хитрый беспринципный, не связанный никакими нормами и обязательствами. Но, победив, он нуждается в окружении, не похожем на него. Зло нуждается в добре. Хищник формирует аристократию - элиту с этическим кодексом. Однако сама по себе она не жизнеспособна. Ей нужен лидер-преступник, способный выигрывать социальные бои. Таким образом, добро рекрутирует зло. Этим, очевидно, объясняется большое количество мерзавцев на тронах вполне себе культурных и высокоразвитых народов. Большинство русских правителей были вполне порядочными людьми. Может, поэтому успехи России не столь значительны, как могли бы быть? С другой стороны, возможна и другая ситуация. Может быть, подлая элита и высоконравственный агнец-правитель. Эта ситуация тоже не случайна, поскольку секрет власти заключается, очевидно, в сочетании зла и добра, так чтобы они обеспечивали друг друга. Шизофрения власти – в одной и той же властной субстанции.

Образование и наука в сырьевой стране

Печальная участь науки и образования в России нулевых годов выглядит как диверсия, сознательное разрушение института, враждебная агрессия. Но объяснение, скорее всего, и в данном случае более

обыденное. Существовавшая в СССР система образования и науки реально превышала уровень, необходимый для общества с сырьевой экономикой. Это объективное состояние через систему множества обратных связей автоматически приводило к деградации института образования и науки. Решения правительства всего лишь задним числом оформляли сложившееся положение. Стране «офисного планктона», гламурного креатива, охранников, продавщиц, чиновников и силовиков не нужна сложная система образования.

Новый Год как моральная проблема

Важным культовым праздником языческих обществ является Новый Год. Очевидно, именно в этом природном циклическом событии человек ощущал свою наивысшую причастность мировым, космическим, мифологическим силам. В этом смысле то, что главным годовым праздником советского и современного российского общества является Новый Год, весьма показательно. Очевидно, в этом сказывается (нео)языческая сушность советского общества. В современном российском обществе произошло заострение ситуации, поскольку празднование светского Нового Года прямо противоречит церковному календарю, Рождественскому посту и Рождеству. Интересно, что Западное общество решило эту проблему простым техническим способом - просто изменив календарь и совместив даты светского и церковного календаря. Это устранило противоречие и расширило количество Рождественских праздничных дней (за счет добавления к ним и Нового Года). В итоге на Западе Рождество и Новый Год превратились в традиционный праздник с отдаленными религиозными коннотациями. А в России Новый год и Рождество - это актуальная, неразрешенная моральная проблема.

Государственный Танатос

В нежелании российского государства достойно и достаточно оценивать и оплачивать работу сво-

их собственных сотрудников — т.н. «бюджетников» просматривается суицидальная тенденция, ориентация — своеобразный государственный Танатос. Очевидно, правящая элита на бессознательном уровне ощущает моральную и практическую безосновность своего правления и понимает, что их удача должна, рано или поздно, закончиться. «Бюджетники» — это сакральная жертва, которую властные жрецы приносят своему левиафану, надеясь приобрести этим его благоволение.

Новое в образовании

Главные «инновации» в системе высшего образования. 1) Ориентация на компетенции, а не знания, т.е. на выработку автоматизмов, шаблонов действия и мышления, которые технологично решают определенные классы задач. 2) Тестовость, тестирование, т.е. ориентация на операциональные комплексы «закрытых» вопросов, из которых нужно

выбрать правильный вариант. Они ориентированы на латентную память, которая актуализируется вопросом. 3) Интерактивность, т.е. экстравертность, умение находить информацию во внешних источниках. 4) Презентационность, т.е. умение визуализировать дискурсивную, знаковую информацию, заменять ее визуальными аналогами.

Что объединяет все эти инновации? 1) Возможность формализации и объективной внешней проверки, верификации. 2) Реактивность, пассивность. Все эти ориентации и инструменты предполагают не активное конструирование, мысленное и вербальное, не создание нового текста, продукта, а использование уже имеющегося, причем использование именно реактивное, отражательное.

В результате утрачивается текстовость знания, то еесть обладание некоторой общей, рамочной, подвижной картиной мира, которая замещается набором технических, инструментальных данных, направленных на срочный, актуальный, реактивный поиск готовых ответов.

Интервенция меньшинств

Причины формирования на Западе общества с доминированием культуры меньшинств. 1) Расширение рынка. Чем больше меньшинств, тем большее разнообразие интересов, потребностей, желаний.

Монолитная группа большинства менее привлекательна для рынка, маркетинга, рекламы и т.д. 2) Группы меньшинств менее опасны для центров власти. Фрагментированное на меньшинства общество менее способно к консолидации, объединению, мобилизации, формированию влиятельных альтернативных центров власти. 3) Олигархический характер власти, закамуфлированный под демократию. Правящая элита надежно отделена, экранирована от управляемого общества и поэтому спокойно сохраняет свои исторические, традиционные ценности и преемственность. Кроме того, не стоит забывать, что для правящей элиты состояние меньшинства это естественное состояние. Можно сказать, что правящая элита транслирует вовне свое коренное свойство, «заражает» им основное «тело» общества. Но то, что является естественным для элиты. деструктивно для базового общества, т.е. требует от него радикальных изменений и трансформаций. 4) Модель управления фрагментированным обществом (диверсифицированным рынком) является наиболее удобной и привычной именно для западной олигархии. Соответственно, внедрение этой модели в другие культурные системы нарушает их функционирование и существующие традиционные конвенции. Это расшатывает, ослабляет позиции местных правящих элит и создает возможность для передачи властных полномочий западной олигархии. С этим связан феномен «цветных революций».

Языческий ренессанс и гомоэротизм

Толерантное отношение к гомоэротизму считается уникальным достижением современной западной цивилизации. Но оснований для этого нет, поскольку гомоэротизм — это характерная особенность многих языческих обществ. Очевидно, это связано, во-первых, с представлением о женщине как низшем существе по сравнению с мужчиной — женщины, как известно, не имели права голоса в народных собраниях, и их сфера социальной деятельности ограничивалась деторождением и домашним хозяйством. Соответственно, женщина не считалась достойной высокой любви мужчины, а рассматривалась только

как объект животного вожделения. Во-вторых, это связано с важной ролью эротизма (эроса, сексуального желания) в языческих религиозных представлениях - мифы о сотворении мира, человека, богов, культы плодородия и пр. пронизывают языческие религии. Христианство вытеснило эрос в сферу девиантности, представив его в качестве ярчайшего выражения животной природы человека, которая сама по себе является результатом грехопадения первочеловека. Единственным оправданием эроса было признано деторождение, к которому способна только женщина. Соответственно, гомоэротические отношения, не способные привести к появлению детей, рассматривались как чистое выражение греха, вырождение человека в лишенное образа Божия животное. Соответственно, ренессанс гомоэротизма, который наблюдается в западном обществе, говорит не столько о каких-то особых либеральных ценностях, сколько о кризисе христианства, элиминация которого приводит к расковыванию, освобождению сексуальной энергии.

Убийство и гуманитарность

Точным, но более масштабным аналогом демонстративного убийства жирафа Мариуса в копенгагенском зоопарке являются «гуманитарные» бомбардировки и интервенции. Очевидно, что событие содержит два смысла, компонента: рационально-целевой и ценностно-эстетический. Во-первых, рациональная необходимость и законность контролируемого убийства. Во-вторых, демонстрация шоу брутальной эстетики насилия — брутальная красота, сексуальность насилия.

Ренессанс национализма

Все стороны, участвующие в украинском конфликте, обвиняют своих оппонентов в фашизме. Это явный признак националистического ренессанса. Зверь, вытесненный в подсознание, лезет из своей пещеры на свет.

Запад как failed civilization

Западная политология использует понятие failed state для обозначения несостоятельных, провалившихся социумов. Между тем проблемы Западного общества не менее фундаментальны, но они расположены глубже — не на социальном, а на культурном, социетальном уровне. Есть все больше оснований призывать задуматься над термином failedcivilization — провалившаяся, несостоятельная цивилизация — в отношении современного Запада.

Украинский Гамлет. Последний майдан: от фарса к трагедии

Марионеточные постмайданные правительства на Украине заставляют вспомнить сюжет шекспировского «Гамлета». В частности, то место, где труппа бродячих артистов по просьбе Гамлета разыгрывает события трагической ночи, когда был коварно убит король. Киевское правительство напоминает такую бродячую труппу актеров, которым поручили изображать министров правительства. Видно, что некоторые из них готовились, изучали материал и довольно правдоподобно ведут себя так, как должны действовать реальные министры. Главное различие заключается в том, что актерская игра только создает образ, но не предполагает реального осуществления.

Украинский Гамлет. Продолжение

Сначала они были похожи на труппу бродячих актеров. Вроде той, которую нанял принц Гамлет, чтобы проверить версию с отравлением его отца. Гипертрофированно размалеванные лицедеи эксцентрично разыгрывали Короля, коварно убитого Соперником, которому в награду достается царство и семейство убиенного. Также и эти весьма выразительно и забавно начали играть президента, министров, руководителей армии и служб безопасности. Было видно, что они читали пьесу, готови-

лись к роли и изо всех сил старались вести себя, как настоящие люди, а не персонажи пьесы. Это, собственно, и создавало драматический, театральный эффект, поскольку актер, играющий генерала, отдающего приказ о начале военных действий, и настоящий генерал — это две принципиально разные субстанции. В отличие от актера, настоящий генерал обладает реальными полномочиями и ресурсами, и поэтому результаты их действий будут фундаментально различными: смерть и разрушение в одном случае и драматический, информационно-психологический эффект — в другом. Эти очевидным образом играли, что придавало комический эффект всем их действиям, словам, мимике и жестам.

Ситуацию усугубляло то, что режиссер пьесы, видимо, сознательно создавал ее в жанре фарса. Возможно, таким образом он подчеркивал ее искусственность, виртуальность, чтобы не вызвать испуга, беспокойства у зрителей. Действительно, это выглядит неслучайным. На роль руководителя органа представительной власти и исполняющего обязанности руководителя страны назначили сектанта. На роль премьера назначили «вечно второго», привыкшего смотреть на мир, выглядывая из-под юбки своего харизматичного босса. На роль министра внутренних дел выбрали человека, который несколько лет был в розыске и бегал от своих нынешних подчиненных. На роль руководителя национальной службы безопасности демонстративно назначили агента иностранной разведки. Наконец, на роль полномочного руководителя страны, выдвинутого «народной» революцией, утвердили олигарха-капиталиста. Возможно, такая демонстративная фарсовость была призвана подчеркнуть театральность произошедших событий. Наблюдателям как бы говорили: «Не бойтесь, это не по-настоящему. Это не вооруженный переворот и не хунта. Это всего лишь небольшой перфоманс и хэппининг на открытом воздухе».

Этот открытый воздух в качестве сцены для театральной пьесы в дальнейшем сыграл свою роль. Пьеса с открытым финалом, по независящим от режиссера и актеров причинам, затянулась, и ее оказалось невозможным удержать в рамках театрального пространства. Действие двинулось в зри-

тельный зал и далее в «сырую» реальность человеческого мира. Это открыло анамнез актерского состава. Под пристальным вниманием публики стали видны не только их слабые профессиональные актерские качества, но и особенности их человеческой личности и истории. Стало ясно, что это «станок», группа наперсточников или, может быть, банда шулеров, подрядившаяся на такую нетривиальную работу. То, что ничтожества, изображающие «больших парней», - это смешно, доказали еще русские классики. Так фарс перешел в комедию. Банда шулеров отбросила первоначальный сценарий пьесы и начала играть по привычным правилам своей воровской профессии – использовать крапленые карты, передергивать и блефовать. Все это они проделывали с комичным видом «отцов украинской демократии и особ, приближенных к американскому императору», надувая по примеру Кисы Воробьянинова щеки и заявляя, что «торг здесь неуместен». Комедия имела большой успех, было гомерически смешно, все смеялись.

Однако привычка – вторая природа. Наемные актеры начали понемногу привыкать к своим ролям и маскам в затянувшемся театральном действе. Придуманные драматургом биографии героев пьесы начали сливаться с биографиями играющих их актеров. Труппа бродячих артистов, наспех сколоченная из банды профессиональных шулеров, осознала свою историческую миссию. Да, они именно что «отцы украинской демократии и особы, приближенные к американскому императору». Они не играют, они живут. Комедия начала быстро трансформироваться в трагедию, жанр, который наиболее точно отражает драматургию реального человеческого существования. Лицедеи, изображающие на сцене группу заговорщиков, совершивших государственный переворот, на самом деле стали хунтой. Розовые цвета, которыми режиссер оформил сцену, не помогли. Все стало по-настоящему – и вооруженный переворот, и гражданская война, и смерть, и кровь, и разрушение хрупкого украинского социума в ближайшей перспективе.

Ничего необъяснимого и неожиданного в этом нет: в конце концов, история человечества – это кладбище умерших социумов. Там всегда есть ме-

сто для новопреставленных. В данном конкретном случае интересна только направленность исторической динамики. Естественные исторические события, как известно, повторяются трижды. Они движутся от трагедии через комедию - к фарсу. В случае последнего украинского Майдана эта естественная логика имеет, как мы показали, обратную последовательность. Объяснение этого казуса достаточно очевидное. Изначально Майдан имел виртуальную, медийно-информационную природу. Он не случился сам собой. Его придумали, срежиссировали, инсценировали и показали публике. Это попытка прямого авторского программирования истории, желание материализовать авторский рассказ. Однако господин Сказочник опять переоценил свои силы. В гравитационном поле реального мира придуманная для балагана фарсовая сказка в очередной раз обернулась человеческой трагедией.

Сон маргинала

Украину можно сравнить с человеком, который спит. и ему снится. что он привлекательный. брутальный человек с интересной жизненной историей, опытом, ведущий активную разнообразную жизнь, имеющий много друзей и врагов, реализующий разнообразные планы, проекты и т.д. И вот этот человек просыпается, и оказывается, что ему все это время снился сосед. А сам он невзрачный, бестолковый, потрепанный серой жизнью маргинал, единственной ценностью существования которого является то, что он живет в одном пространстве со своим знаменитым соседом. И осознание этого факта необратимым образом разрушает его психику провоцирует патологическую самоидентификацию и неадекватное поведение. Теневая подсознательная личность захватывает контроль над сознанием, и рождается монстр, чудовищный близнец.

Украина и Virt

Украинские события разоблачают, делают очевидной виртуальность современной социальной ре-

альности. Медийный экран разделяет две зеркальные реальности, и они легко видимы для любого более-менее отстраненного наблюдателя, обладающего минимальным любопытством. Две реальности соотносятся как позитив и негатив фотографии.

Украинский бокс

Если человек выходит на боксерский ринг или на татами, то он не должен удивляться, что человек, стоящий напротив него, начинает его дубасить. Таково естественное назначение этого места. Нечто подобное произошло с Украиной. Она залезла на ринг, и v нее не осталось ни одного шанса избежать жестокого поединка. Особенность данной ситуации заключается в том, что Украина – это слабый боец из разряда низших дивизионов. При этом вылезла она на ринг высшего дивизиона, полагаясь на своего покровителя - абсолютного чемпиона последних лет. Они надеялись, что благодаря этому покровительству соперник откажется от настоящей честной борьбы. Отчасти это подтвердилось. Но соперник сделал хитрый ход. Он выставил вместо себя никому не известного атлета, который сумел завязать длительный, затяжной поединок с обильным членовредительством, которое ставит под сомнение дальнейшее существование обоих бойцов вне зависимости от формальных результатов поединка. Оба бойца давно бы уже закончили этот изнурительный бой, если бы за их спинами не стояли два элитных господина, сводящие таким опосредованным образом счеты друг с другом.

Украина и абстинентный синдром

Украина подобна человеку, у которого случился жизненный кризис, нервный срыв, и он ушел в запой. Под воздействием «трудной воды» он сбрасывает с себя все ограничения, нормы, табу, и на поверхность выходят все прятавшиеся в темных закоулках души демоны и нечистые бесы. Под их влиянием человек начинает совершать гнусные и отвратительные поступки, будучи при этом абсо-

лютно уверен, что никогда раньше он не был так прекрасен. Но его еще ждут отрезвление и абстинентный синдром.

Украинская рулетка

Украина подобна игроку, который поставил все, что у него есть, включая свое имя и душу, на выбранный номер. Пока вращался волчок рулетки, игрок зажмурился от страха, да так и не решился открыть глаза, но предпочитает грезить о том, что ставка сыграла и он в большом выигрыше. Однако эти грезы не соответствуют реальности, и игроку придется открыть глаза и сполна расплатиться за свою ставку.

Запад и Восток Украины как сенсорный и моторный центры

Запад и Восток Украины подобны сенсорной и моторной поверхностям (краям) живого организма. Запад воспринимает воздействия, стимулы и генерирует информационные сигналы. А Восток генерирует моторные реакции, переводит информацию в движение, работу. Запад сгенерировал информационную модель Майдана, а Восток должен воевать за нее и материализовать в реальности. Поэтому уклонение жителей Западной Украины от мобилизации на войну не должно удивлять, они свое предназначение уже выполнили, теперь свою долю должны исполнить жители Востока Украины — воевать, умирать и работать, воплощая идеалы Майдана.

Сновидение Украины

Альфред Шюц писал, что повседневность — это базовая, но далеко не единственная реальность (область референции), в которой существуют люди в обществе. События, разворачивающиеся на Украине и вокруг нее, являются ярким подтверждением этого. Украинские события раскручиваются не в реальности повседневности, а в виртуальной реально-

сти сновидения. Повседневность детерминирована законами физики, а сновидение нет. Это означает. что пространство и предметный мир повседневности обладает собственной инерцией, «косностью». Иными словами, их поведение детерминировано внутренними причинами и поэтому не совпадает с нашим мнением и желанием относительно них. Предметный мир повседневности «игнорирует» нас, отказывается следовать нашим желаниям подтверждать, реализовать их. Совсем иначе ведет себя виртуальная реальность сновидения. Прежде всего, она не обладает устойчивыми качествами, но находится в постоянном «скольжении», изменении. Именно благодаря такому скольжению реальность сновидения может становиться чем угодно и реализовывать любые наши желания и мнения, хотя при этом и не может сохраняться, законсервироваться в таком состоянии.

«Машиной сновидения» в случае с социумом выступает не мозг в состоянии сна, а мощные средства массовой коммуникации. Это отлично демонстрируется украинскими событиями. Механизм направленного сновидения следующий. 1) Участники социального театра совершают действие, конституирующее некоторое событие. 2) СМИ дают любого рода интерпретацию этого события. 3) Интерпретированное СМИ событие становится частью мировоззрения обывателей и основанием для принятия официальных решений, имеющих юридическую силу. 4) Принятые официальные решения легитимируют статус интерпретаций СМИ, узаконивая их статус реальных фактов.

Важно отметить, что Западные СМИ утратили статус единственного глобального коммуникатора. Это сильно усложнило сновидение Украины. Началась борьба сновидений, война снов об Украине. Это вносит когнитивный диссонанс, разрушает мировоззрение обывателей и демаскирует «операторов машины сновидения».

Совпадения или соответствия

1. Радикализм дзен-буддизма, исламского фундаментализма (ИГИЛ) и радикальный модернизм Запада. 2. Лицемерие и скрытое, замаскированное

насилие Запада и демонстративное, показное насилие ИГИЛ. Эго и Тень. Инверсия. Чудовищные двойники. Вытесненное бессознательное.

Консервация России

То, что происходило с социальной сферой, прежде всего, с образованием, наукой и здравоохранением в первый постсоветский период, непонятно и вызывает разного рода конспирологические трактовки. Если отказаться от них и попытаться дать рациональное объяснение, то самый простой ответ может быть следующий. У государства было недостаточно средств, чтобы поддерживать эти сферы целиком в работоспособном состоянии. И поэтому была выбрана стратегия консервации: наука, образование, здравоохранение были законсервированы до лучших времен. Все эти сферы стратифицированы на несколько иерархических уровней, из которых приемлемо финансировались только верхние

уровни — элитные учебные заведения, высокотехнологичные медицинские центры и т.п. Их назначение заключается в том, чтобы сохранить достигнутые уровни развития и компетенции, чтобы, когда появятся средства для нормального финансирования, можно было достаточно быстро восстановить данные социальные институты. Это можно сравнить с возделыванием огорода. Когда у хозяина нет сил возделывать весь огород, он берет лучшие образцы своих растений и выращивает их в единичных экземплярах, чтобы сохранить имеющееся и по возможности точечно продолжить селекцию в ожидании лучших времен.

Преждевременная Россия

Андрей Битов. Россия – не отсталая, а преждевременная страна. Все в ней случается преждевременно. И сама она существует преждевременно, ее время в будущем.

МИЩЕНКО ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

член Союза художников России, *Санкт-Петербург.*

РУССКАЯ МЫСЛЬ В АРХИТЕКТУРЕ

русская архитектура — наиболее последовательное воплощение русской мысли в истории России. За тысячелетие своего существования русская архитектура явственно демонстрирует то, что сложно выразить словом: широкую душу и вольную волю России, небесную красоту в её земном воплощении и специфически русском понимании.

Если рассматривать архитектуру как воплощение русской мысли, то архитектура приобретает огромное значение для формирования национальной идентичности. Именно архитектура дает возможность в течение продолжительного времени сохранять неизменными основные идеи. Через совершенные архитектурные формы Храмов мы можем прикоснуться к величию красоты и гармонии в понимании русских людей разных веков. Как правило, мы рассматриваем русскую церковную культуру как

продолжение и развитие византийской. Но в таком контексте можно рассматривать любую культуру.

Византийская культура появилась не на пустом месте. Но характеризуют её именно изменения, которые существуют между римской, греческой, с одной стороны, и византийской культурой — с другой. Именно эти отличия позволяют нам говорить о тех идеях, которые были заложены в архитектурную форму. Для нас важны те изменения, которые преломляют идеи Второго Рима в историю Рима Третьего. Беглое сравнение русских и византийских построек говорит о том, что русская архитектура, даже основанная на византийских традициях, — это нечто иное. Она несет другую внутреннюю идею, ощущение другого народа, другие концепции и смыслы.

Русская архитектура начинается в Киеве, с Десятинной церкви, где архитектура еще близка византийской. Дальнейшее развитие русского зодчества говорит о стремлении к совершенной чистоте форм, скромности, изящности. Даже непритязательный зритель легко может увидеть разницу между помпезными монументальными постройками Византии и скромным русским храмом, таким, например, как Храм Покрова на Нерли.

Конечно, все мы знаем Софию Киевскую и тот смысл, который вложен в эту постройку. Но все мы знаем и маленькие Новгородские храмы: Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле, Церковь Спаса Преображения на Ильине улице, Ковалевский храм (церковь Спаса Преображения на Ковалеве). Они меньше, аккуратнее, изысканнее по форме. Причиной может являться то, что Храмы

строились в антропоцентрической системе измерения. Предвосхищая современные способы формирования пространства в зависимости от пропорций человеческого тела, русские строители измеряли размеры стен саженью (расстояние от плеча до плеча), локтем, длиной человеческого шага. Эти идеи нашли развитие только в XX веке, например, в творчестве Ле Корбюзье, который был восхищён новгородскими храмами. Поэтому русская архитектура — прежде всего архитектура, обращенная к человеку. Это и есть русская идея, русская мысль.

Следующий момент, о котором стоит говорить, — это росписи, которые находятся в архитектурных ансамблях. Архитектурный ансамбль — единство формы, выраженной в архитектуре, фресках, иконах, церковной утвари, — и содержания, которым является литургическая жизнь Храма. Созданные русскими зодчими архитектурные ансамбли совершенны настолько, что даже разграбленные, осквернённые, практически уничтоженные, они возвращали мужество, силы и Веру русским людям в периоды войн и испытаний.

Как не существует русская архитектура отдельно от церковной живописи, так и монументальная живопись неотделима от церковной архитектуры. Синтез этих двух искусств создал то материальное наследие, которое мы обязаны сохранить для будущих поколений. Ещё из Византии мы знаем, что росписи в Храме располагаются в определённом порядке — Программе Храма, которая говорит о красоте и гармонии мира Горнего — Небесного Иерусалима — и немного о тех, кто в своей земной жизни смог к Нему приблизиться.

Часть изображений имеет строго определённые места. Некоторые из изображений могут располагаться произвольно — точное место определяет богослов, священник или очень образованный художник, в зависимости от смысла, идеи, заложенной в Храмовый ансамбль. Таким образом, программа росписи любого храма — это книга, которая несет огромный смысл.

Утрата для современной русской культуры состоит в том, что со временем мы потеряли возможность читать эту книгу. Когда обыкновенный человек заходит в любой из древнерусских хра-

мов, он видит непонятную мозаику из разрозненных образов, частично потерянных или отреставрированных до неузнаваемости. Слишком часто мы не можем их прочитать, не хватает образования и знаний. Таким образом, мы теряем и русскую идею, и по большому счёту свою идентичность как народ. Ведь большинство древнерусских памятников до нас дошли либо в архитектуре, либо в церковных изображениях. О каком русском Возрождении можно говорить, если для современного человека нет возможности даже понять, что именно планируется возрождать?

Росписи русских храмов являются частью русской идеи! Если рассматривать один из самых

знаменитых художественных ансамблей росписи -Кирилло-Белозерский мужской епархиальный монастырь (фрески Дионисия с сыновьями), - то это можно наглядно увидеть. Именно там возможности росписи, цвета, света использованы максимально для того, чтобы подчеркнуть, усилить мощь звучания архитектурных форм. Мы говорили о смысле, о том, что каждый храм - это некое высказывание. Рассмотрим программу ансамбля росписей Кирилло-Белозерского монастыря в данном контексте. В Храме Рождества Богородицы бывшего Ферапонтова мужского монастыря практически без поновлений сохранились росписи, созданные в 1502 году, и занимающие всё пространство стен. Программа росписи читается сверху вниз в соответствии с христианской традицией.

В главном куполе — Христос Вседержитель (малый купол заложен в XVIII веке), под ним — Архангелы и Праотцы, в парусах — Евангелисты, на подпружных арках — Святые в медальонах, в щеках подпружных арок — Учение Отцов Церкви, в сводах — Евангельские сцены, на западной стене — Страшный суд. На уровне окон четверика — композиции на текст Акафиста Богоматери, ниже — Вселенские соборы. На четырех столпах Храма — столпы Веры — воины-мученики. Сочетание тем и сюжетов (Акафист Богоматери — покровительницы Руси во все стены четверика, «Россия — удел Богоматери»), выбор святых (в том числе Московских митрополитов),

мучеников делает Храм высказыванием, являющим нам прообраз Русского Горнего мира.

Многие храмы — это памятники, которые, кроме самого высказывания, являются свидетелями истории России. Например, Спасо-Преображенский храм в Больших Вяземах, где, кроме росписей, сохранились апокрифы, граффити захватчиков: поляков, литовцев, немцев. Приходя в завоёванный город, захватчики не находили ничего лучше, чем накарябать своё имя в сакральном пространстве Храма — алтаре. Встречаются и граффити русских воинов, которые этот город потом отвоевали...

Третий аспект ценности росписей русских храмов — это история изменения русской мысли. Некоторые храмы расписывались по нескольку раз, поновлялись. Таким образом, мы находим изменение взгляда на то, что такое Божественная красота в понимании XII , XV, XVII, XX веков. Храм — образ Рая на земле. Поэтому и украшали Храм самым лучшим, дорогим и ценным. На примере Храмовых ансамблей мы видим, как менялось понимание Красоты в русском восприятии, как менялась русская идея в контексте каждого из этих исторических периодов. Но одно оставалось неизменным — русская мысль в церковной живописи и архитектуре — всегда отражение Красоты мира Божьего, Небесного Иерусалима.

ГАБРИЕЛЯН ОЛЕГ АРШАВИРОВИЧ

доктор философских наук, профессор, *Симферополь.*

крым. Образы русского мира

ЗДЕСР

«Аз убо хощу по-прежнему зде учинити Русь»

✓ рым становился частью Русского мира по мере того, как обозначалось физическое присутствие самих русских на полуострове. Еще до «малого крещения» князя Владимира с дружиной в Херсонесе в ней проживала община русичей. Исторические источники свидетельствуют о таком же их присутствии в Кафе и Согдее (Судаке). Русское православие обрело свой исток именно в Крыму. Здесь был зажжен апостольский маяк христианской веры, здесь ее адепты через гонения за нее обретали в мученичестве свою святость. Православие определило судьбу разных славянских племен как единого в вере народа единой страны – Святой Руси. Жизнь на этой земле в новой вере превращала Крым в родину, делала его со-природным пространству Русского мира.

Мазанка

С начала XVIII века Крым начал активно заселяться русскими. Из поколения в поколение передается история. В одну местность были завезены двенадцать отставных солдат. В жены им были привезены девушки из Курской и Орловской губерний. Судьбы их решились, что называется, по шапкам, которые было велено солдатам оставить у дороги. Выбрав фуражку, девушка должна была стать женой ее владельца. Так была справлена одна большая свадьба. Из первых заложенных землянок вскоре стали вырастать хатки. Строились они из самана,

а внутри и снаружи обмазывались глиной – отсюда и пошло название села «Мазанки». А живут в селе все те же Ерохины, Щегловы, Артемьевы – потомки первых поселенцев.

Гости

Сурожские гости — купцы из греческих, итальянских, русских общин Сурожа (Сугдеи, Судака) еще в IX-XI веках ходили с товаром на Москву и имели там свои дворы и даже торговый ряд. Но купец — это еще и посланник, дипломат, тот, кто связывает людей, земли, государства. Русь становится своей, так же, как и Крым — близким, родным. Гривна связывает эти пространства в общее целое также сильно, как найденные археологами в Солдайе русские пряслица и православный крест.

Стефан Сурожский

Архиепископ Сурожский причислен к лику православных святых. Житие его описано в Сугдейском синаксаре и в крымском армянском рукописном Айсмавурке (Сборнике житий). По преданию, во время молитвы патриарху Герману явился ангел Господень и сказал: «Завтра пошли в тайное место к избраннику Божию Стефану и поставь его епископом Сурожу...». В житии упоминается набег на Крым русов под водительством князя Бравлина. Во время набега произошло одно из чудес по молитвам святого, и русский князь Бравлин крестился. Уже с X века святой Стефан Сурожский приобретает черты покровителя и защитника Сугдеи.

Родное

Родина, род, родное... От первых русских общин, поселений до летней царской резиденции и творческой лаборатории для многих поколений русских писателей, живописцев, кинематографистов – процесс обживания Крыма как части Русского мира. Важна огромность его не по масштабам, а по смыслам, им порождаемым. Крым, как сердце, начинает стучать в русской груди.

KORYET

Крымский ковчег вобрал в себя разнообразную палитру народов, их культур и верований. От легендарных киммерийцев, воинственных скифов, любознательных греков, предприимчивых генуэзцев и армян, верных караимов и крымчаков до умелых крымских татар, рачительных немцев, усердных болгар и многих других вьется строка исторической летописи Крыма. Отдельную главу в нее вписал русский народ. Он сумел не только освоить и преобразить эту землю садами и водой, заводами и дворцами, но и объединить разноцветье во имя процветания. И иудей, и мусульманин, и православный были и остаются добрыми соседями.

Bepa

Крайний рубеж, последний бастион народа — его вера. Лишиться ее значит перестать существовать в истории. Сохраняется вера — остается шанс на возрождение народа в любом лихолетье. Крым тому свидетель. Здесь рядом, иногда оплечь — церкви, соборы, монастыри, кенасы, кирхи, синагоги, мечети. Всем места хватает. Все чтут веру соседа как залог уважения к своей вере. Православная Россия построила Дом уважения к чувствам людей и получила верность своих разных народов.

Языки

Крым – Вавилон языков, но он избежал его печальной участи – разрушения. Здесь веками шел поиск диалога. Каждый успех взаимопонимания ложился в фундамент общего дома. Смешать языки, стравить народы – цель недругов. Сотни лет народы этой земли говорят друг с другом на русском.

Он стал общим. Но каждый бережет свою речь в культурном фонде самости. Буквами родного языка пишется история жизни, творится образ мира. Звуками его он обретает голос.

Рядом

Веками жили рядом народы Крыма. Делились хлебом и радостью. Перенимали лучшее друг у друга. Даже беда часто становилась общей. Жизнь подтверждает: нет ближе родственника, чем сосед. Он первым протянет руку помощи. Сегодня в бушующем мире это особая ценность — наша крымская «валюта».

Вместе

«На балу маркиз рассматривал гостей. К нему подошел император Николай I:

- Вы думаете, что все это русские?
- Конечно, Ваше Высочество...
- А вот и нет! Это татарин. Это немец. Это поляк. Это – грузин, а вон там стоят еврей и молдаванин.
- Но тогда кто же здесь русские, Ваше Величество?!
- А вот все вместе они русские!» *Из воспоминаний Маркиза де Кюстина.*

Миром

Миром жили разные народы Крыма: селом, хутором, маале, колонией. Мирно жили рядом, но вместе. Сообща защищали эту землю, сообща поднимали ее из руин. Своими руками лелеяли ее. В истории этой земли есть и черные страницы. Но мудрость народов — помнить, что только мир ведет к процветанию, и стремиться к нему надо всем миром.

Сам

Воля к жизни обеспечивает само стояние народа, желание длиться и быть в истории. Я смогу самоорганизоваться, самоосуществиться — его ответ времени и его вызовам. Несмотря на все перипетии, каждый народ в Крыму такой шанс имел и имеет. Сегодня он обрел возможность самому определять свою судьбу в общей судьбе Русского мира.

крымская весна

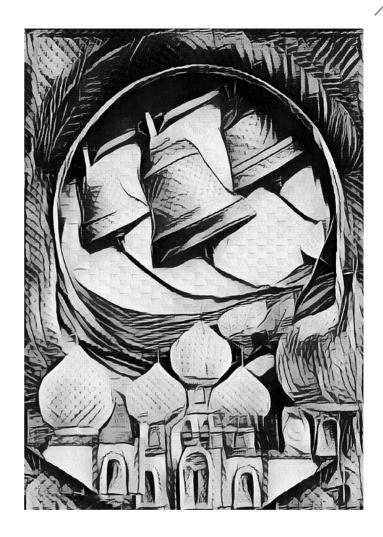
События марта 2014 года на полуострове получили название Крымской весны. Сила ее была в желании народа вернуться на Родину. Это не провокация цветных революций, не аннексия территории. не агрессия одной страны против другой. Это потребность народа, истерзанного ожиданием возвращения. Чтобы понять глубину события и его историческую неотвратимость, надо вернуться к истокам обретения Россией Крыма весной 1783 года. Он стал коренной частью Русского мира через самостоянье русского человека на крымской земле в две обороны Севастополя. Крымская весна питалась славой апрельского освобождения Крыма от фашистов. Тот, кто не осознает это, не поймет, почему после всех отступлений Россия возрождается и возвращается в Крым. Побеждает!

Обретение

«...По долгу предлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийской и Оттоманской заключенный, который мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков наших решилися мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону» (Екатерина II).

Освобождение

Россия может проиграть крымскую войну, отступить под натиском превосходящих сил врага. Но он уже знает, что победа его пиррова. Россия вернется, как вернулась крымской весной 1944 года. Освобождение и возвращение неизбежны, как наступление времени пробуждения и расцвета. Объединялись в коалиции империи против нее, под флагами фашистов собирались несметные полчища многоголового змия. А ее Святой Георгий побеждал матросским, солдатским, офицерским крестом за храбрость, тремя степенями ордена «Славы», простой георгиевской ленточкой от вечного огня победителей.

Воссоединение

«Русские долго запрягают, но быстро ездят». Народ Крыма на мартовском референдуме 2014 года выдохнул — «В Россию!». Крымчане изменили свою судьбу и судьбу Отечества. Россия своей поддержкой их выбора изменила мир. Стал очевиден конфликт цивилизаций. Невозможно уже не считаться со сложностью мира. Воссоединение привело к ресурсным издержкам. Но они несоизмеримы с тем, что государство вернуло народу утраченное достоинство победителей. Наши деды своей победой помогли нам выстоять и снова победить.

Вера и верность

Вера в Россию и верность ей — основа национальной идеи. Сегодня все ее содержание в одном слове «Крым». Он объединил народ и народы. Они поддержали Президента как человека, олицетворяющего ее суверенность. Власть оказалась способной понять и почувствовать ожидания народа и ответить судьбоносным поступком. Народ-пассионарий готов отстаивать свое право быть в истории.

Лента

Землепашец, чтобы защитить себя и свой дом, становился воином. Судьба православных русских людей. Георгий Победоносец — покровитель Георгиев — людей земли и воинов. Копьем в бою он пронзает змия-дьявола, врага веры. Его всячески пытают — жгут и калечат. А он верой своей возрождается. Вот почему для русского человека святой великомученик становится самым почитаемым. Крестом его осененный и лентой его опоясанный, принимает он любой вызов. Возрождается снова и снова и побеждает. А обезглавленный — причисляется к лику святых, к героям.

Якорь

Крым – якорь России. Без него несет ее по бурным волнам истории. Не удержать и не удержаться. Впереди только опасности крушения. С ним

устойчиво, надежно. Якорь упоминается в первой дошедшей до нас русской летописи – «Повести временных лет». Не быть России без якоря. Она я-кор-ится и у-кор-еняется Крымом.

Вежливые люди

Вежливые люди — новое качество российской армии. Уверенные в себе от сознания собственной силы и веры в правое дело. Способные побеждать без боя. Профессионалы, стремительные в принятии решений и их исполнений. Неизученная форма взаимодействия между собой. Связь, оставшаяся вне технических возможностей разведки противника. Искусство войны открыло новый культурный феномен. Изменилась армия, потому что изменилось общество, страна. Государство услышало народ и встало на его сторону — за справедливость. Народ ответил верностью ему.

малая евразия

«Приняли нас зело ласково, но с великою частию боязни...»

Петр I

Крым есть образ большой страны. Россия обеспечивает здесь диалог разных народов как части Русского мира. Обустройство Крыма — модель для всего российского пространства. Крым как Малая Евразия — проект будущего страны. Он нерв ее исторической судьбы. Всегда точно реагировал на все перипетии катастрофичных вызовов и достойных ответов. Успех крымской Евразии — успех державы. Крым — гордиев узел мировой геополитики. Но он также выступает основой мифопоэзиса мировых культур, религий и цивилизаций. Это многократно усиливает смысловую значимость и эвристичность Крыма как проекта будущего уже мира в целом.

Воля и ценность

Воля к жизни по-своему, по-особенному обретает ценность. Так рождается пассионарий — народ творец. У него находится сила состояться в истории. География становится судьбой — кормящим ландшафтом. Рождается новая мифология. В державных указах рождается стратегия на века, в обращении

к народу — идеология. Он живет ею естественно. Она соприродная часть его бытия и быта. Россия собирает два фокуса в один — Евразию. Крым — реальное воплощение этой идеи. «...Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство.» (Лев Гумилев).

Камень

Петрос, Пётр — мужское православное имя, в переводе с древнегреческого языка — «скала, камень». По воле Петра I строится корабль «Крепость» — скала в море. Камень в праще молодого царя. Как галька, с отскоками пущенная по водной глади, — корабль от порта к порту — от Таганрога к Керчи и до самого Стамбула. Обозначен не путь, а стратегия наперед. Противились турки морскому визиту русского посольства на своем корабле в столицу Османской империи. Усмотрели рождающуюся грозную силу. По приказу царя сохранён корабль «для славы, что был в Константинополе».

Чистая мудрость

В девичестве София, в православном крещении Екатерина – значит чистая. Имя определило судьбу. Через десятилетия направит русские полки на Юг по маршруту, намеченному еще Петром І. Замирит южные границы государства. Построит флот и утвердится в Крыму и в Русском море. Каждой памятной милью в Крыму утвердит его окончательное обретение и включение в пространство Русского мира. «О Божьи чудеса! Из предков кто моих спокойно почивал от орд и ханов их?» (Екатерина II).

Венец

Вязанье разных трав и цветов, благородного лавра создают венец. Им украшают голову триумфатора, императора. Крым такой венец. В нем переплетенное многообразие. Он вмещающий ландшафт народов, культур, конфессий. Их единство — особая судьба. Успех, общий для всей России.

наследие

Скифы, греки, генуэзцы, иудеи, армяне, ногайцы, татары, турки — каждый нес богатство своей культуры. Оставлял его в Крыму кладом, курганом, поселением, крепостью, именем места и ландшафта. Российская Империя наследовала Западу, Востоку, Югу. Она становилась богатой не приобретением, помещенным в казну, а включением обретенного в свой культурный код. Мощное наследие давало мощные всходы — уникальную русскую цивилизацию.

Новая терма

Изотерма января проходит так, что Россия ею отделена от всей остальной Европы. Гольфстрим смягчает климат Европы. У Евразии он резко континентальный. Ландшафт погоды определил суровость судьбы — выжить. В короткое лето рывком, напряжением всех сил окультурить землю, получить урожай. Но вслед за русским солдатом, казаком, замирившим границы, пришел на Юг землепашец. Кочевнику он предложил хлеба в обмен на продукты его трудов. Так становилась Малая Евразия, с опытом преодоления противоречий Юга и Севера, Востока и Запада.

Карта

Не карта легла, а судьбу в Крыму обрела Россия. И земля эта с Новороссией стала Таврической губернией. И в новой картографии это было

зафиксировано как устойчивая и стабильная целостность. Она не перерезана по пуповине Перекопа, а укреплена континентальной землей. Россия сбросила в море Османскую империю с Крыма как плацдарма постоянной угрозы. Утвердила себя европейской державой. В столицах Европы появились новые карты.

Первозванный

Христианство предопределило судьбу Руси-России. По преданию, на пространстве Скифии и далее на север начал свою миссию Андрей Первозванный – первый среди учеников Христа. Религия стала мировой не только потому, что признала Бога-Человека, но и потому, что человек создан по его образу.

Как свет маяка, воссияла очеловеченная вера на древней земле Тавриды, там, где ступила стопа апостола. И буйные скифы смирились перед силой веры, как волны у прибрежных скал. Позднее, в византийских хрониках, скифами назывались уже и славяне, и аланы, и хазары, и печенеги.

Орден

Бросили апостолы жребий, и разделили между собой страны. Понесли им евангельскую проповедь. Андрею выпало — Причерноморье. Как утверждается, он посетил Боспор, Феодосию, Херсонес. Но сурова была его судьба. Принял мученическую смерть — распят на косом кресте, носящем и поныне его имя. Петр I увековечит память о нем в высшей награде государства Российского — Ордене Святого Андрея Первозванного.

Скифы

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, С раскосыми и жадными очами!

(А.Блок).

Скифы — греческое слово, с помощью которого эллины обозначали народы, проживавшие на территории между течениями рек Дона и Дуная. Скифия являлась диковинной землей, на которой обитали «белые мухи» — снег. Название это продолжало жить и дальше, и в «Повести временных лет» неоднократно упоминается, что греки называли народности Руси «скифью».

Воины и мастера

Скифы были известны окружающим народам с древнейших времен. Они упоминаются уже у греческого поэта Гесиода (VIII в. до н.э.). В сказаниях о Геракле описано, как он получил свой лук из рук скифа Тевтара, который и обучил его стрельбе. Наконец, предания о скифах входят в самые архачиные греческие мифы, такие, как миф об изобретении земледелия, лука, технологии выплавки меди. В отличие от киммерийцев скифы умели выплавлять

железо и делать из него орудия труда и оружие. Скифское искусство поражает своим мастерством и доказывает, сколь развитой культурой обладал этот народ.

Святой Климент

В Инкерманские каменоломни был сослан один из проповедников христианства в русских землях – папа Климент І. Его проповеди находили все больше сторонников, и император Траян направил специального посланника. Климента утопили, привязав к якорю. Но вера его учеников была уже настолько сильной, что каждый год силой молитвы расступалось море, и они приходили молиться к месту гибели. Обретение мощей святого Климента освятило в глазах церкви просветительскую миссию Кирилла и Мефодия среди славян и введение богослужения на их языке. Оно успокоило и место его мученической смерти.

«...Церковное солнце, своего угодника, а нашего заступника, святого, достойного этого имени, священномученика Климента от Рима в Херсонес, а от Херсонеса в нашу Русскую страну привел Христос Бог наш, преизобильной милостью Своею для спасения нас, верующих...» (Слово на обновление Десятинной церкви).

Херсонес

«И плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находился знаменитый храм, сооруженный, как говорят, «руками ангельскими»... Вышеупомянутая область Цесария (Крым) окружена морем с трех сторон, а именно с запада, где находится Керсона, город Климента...». Гийом Рубрук, французский монах, XIII век.

Спустя века зерно, посеянное Апостолом Андреем, даст всходы. На древней земле Херсонеса произойдет событие, определившее судьбу Руси. Здесь она будет крещена.

Стопа

На каменистом берегу Херсонеса спустя века народная молва расскажет о стопе Святого Андрея, и люди найдут отпечаток ее, впечатанной в прибрежную скалу. Легендарное становится частью

современной жизни. Сюда приходят прикоснуться к истории, а уходят с убеждением собственного пребывания в ней.

ПОБЕДА

На долю каждого народа выпадают трудные испытания, и война – самая большая беда. Враг хочет разрушить суть существования народа. Лишить его права мирно жить на своей земле по своей воле, отнять саму жизнь. С этим шел фашизм, ополчив против нас полмира. И тогда для народа война стала Отечественной. Победой она завершилась, народ поборол беду. Народ-победитель тот, кто держит удар и снова встает. Его дело было правым, Победа - неотвратимой. Он защищал Родину-Мать. Умирал в боях ради жизни. Освободил каждую пядь своей земли и наш Крым. Принес мир человечеству. За него заплачено миллионами жизней. Забвение Победы, искажение истории - путь к катастрофе. Мы наследники Победы. Нам ее отстаивать. Склонять голову у Вечного огня. Уважать ветеранов. Идти в колонне бессмертного полка с нашими детьми.

Вставать сегодня плечом к плечу в борьбе с фашизмом. Победа — суверенный фонд народа, его духовный бастион. Навсегда!

Города-герои

Героями могут быть не только люди, но и города. Когда весь город стоит насмерть. Когда защита родного города – битва за страну. Мужество каждого, героизм всех. Город-герой – Высшая степень отличия. Из двенадцати – два таких города в Крыму – Севастополь и Керчь. На каменной груди обелисков – звезда Героя.

Бастион

От первого петровского корабля «Крепость» у берегов Керчи до ракетного комплекса «Бастион» на дежурстве в Крыму – столетия. Звенья времени спаяны крепостью духа, пролитой кровью, смыслом жизни. Здесь рубеж защиты. Обретение. Самостояние. Освобождение. Воссоединение. Крым наш плацдарм и цитадель. Символ нашей веры.

Честь имею

Есть герои – есть страна. Бронза памяти, золото мужества – долг победителям. Честь имели сражаться за Родину, пасть и жить за нее. Старым фото, письмом с фронта, орденами в домашнем шкафу

нам в наследие отдают честь. От сердца к виску взмывает ладонь. Усомниться в их геройстве – лишиться чести, а с нею страны.

Крым наш

«Крымская кампания завершена. Полное торжество советского оружия, полный разгром врага — таков ее красноречивый и славный итог, выпукло отраженный в ... сообщении Совинформбюро. Борьба за Крым, увенчавшая наши боевые знамена новыми лаврами, навеки останется в памяти народной, как символ всей нашей героической и победоносной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

Красная звезда. 13 мая 1944 г.

Ради

Радеть за свою землю – любить ее. Обустроенной и не очень. Двором и классом, смс-кой родному человеку, шумом города, милым пейзажем. Тоскуешь, когда лишаешься этой малости. Если уезжая, хочется вернуться, значит, родина есть. Ради жизни с ней – ты живешь. Врос в нее. Как в каменоломнях Севастополя, подземельях Аджимушкая, припадая к мокрым камням иссохшими губами, прорастали в Родину твои деды. Защищали еще не родившегося тебя. Становились камнем памятника, окропленным слезами и кровью. Журавлями в небе, легендой в эпосе о войне и нашей Великой Победе.

СУДЬБА

Корсунь

К(X)орсунь – древнеусское название Херсонеса. Красивый – одно из толкований этого названия. Такая судьба Руси-России. Крещение Владимира. Окончательное обретение наследия великого Чингисхана. Крымом Россия откроет дверь в Европу, построит свой парадный вход. Крымом Россия утвердится державой. Здесь прошла ялтинская конференция, определившая судьбы послевоенного мира. За все это Россия заплатила огромную цену кровью своего народа. Здесь рождается ее морская воинская слава, легендарный город русских моряков – Севастополь.

Крещение

Крещение князя Владимира стало духовной объединяющей силой различных племен и союзов. После этого события начинается процесс превращения их в единый народ. Эпохальность действа в том, что оно стало событием большим, чем личный выбор. Оно определило судьбу народа. Крещение в Херсонесе стало символическим и сакральным местом духовного рождения народа.

Владимир

Владимир Красное Солнышко — полное имя крещеного князя. Старославянское имя означает «владеющий миром, стремящийся к договору, согласию». В старинных русских летописях это имя звучит несколько иначе — Володимер, что означает также «Владеющей мерой». Получив в России широкое распространение, это имя не потеряло своей силы, не затерлось от частого употребления. Возможно, это связано с тем, что оно уходит корнями в глубокое былинное прошлое России.

Правильное славление

Меандр тип древнегреческого орнамента, стилизующий смену плещущих волн. В ленте орнамента заложен магический смысл. Он символизирует вечность: стареющее существо сменяется молодым, становится бессмертным; старая сущность сжимается, а новая разворачивается. Меандр колокола Собора Святого Владимира в Херсонесе указует на связь русского православия со своими историческими истоками в «круге счастья». Православная Византия передает молодому народу правильное суждение.

Русский

Разрозненные племена получили окормление – путевождение в христианской вере. Вначале они стали православными и только поэтому русскими. Нет русского пейзажа без церкви, кладбища без

православных крестов, дома без иконы, книги без буквиц на кириллице. Русский землей, языком и верой!

Вся Русь

Вся Русь — вся дружина крестилась в Корсуни вместе с Владимиром. В «Повести временных лет» летописец, описывая призвание варяг на княжение, перечисляет призвавшие их народы: «русь, чудь, словени и кривичи и вси...». Если вспомнить, как русы смогли объединить многочисленные и разнородные племена, и сколько их присоединилось в дальнейшем и оставило свой след в русском наследии, — скифы, хазары, печенеги, татары и другие, то станет понятно, как складывался этот народ, какими живительными соками питались его корни.

Идея (Осмысление)

Крым для современной России стал ее национальной идеей. Он ее сакральный источник одухотворения и вдохновения. Крымом она объединилась в едином порыве вернуть и отстоять этот оберег. Крым, ставший последним рубежом раскола и великого исхода русских после братоубийственной гражданской войны, становится символом примирения. Крымом Россия возвращает себе достоинство и самоуважение.

ДУДАРЕВА МАРИАНА АНДРЕЕВНА

литературовед, фольклорист, доктор культурологии, член Союза писателей России, *Москва.*

ФРЕСКИ

Божьи очи

тих фресок может быть много, а может не быть вовсе, они со-здания духа человека, которому завещал сто лет назад Велимир Хлебников вести духовный дневник. Припоминаю его слова: «Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа». Каждый поворот головы может стать роковым, а может просто обернуться еще одним днем или ночью. Ты точно не знаешь, где Оно тебя поджидает, но в глубине души своей все-таки рассчитываешь когда-нибудь с Ним, с Другим, встретиться, как русский Иван-дурак, который идет туда, не зная куда, ишет то, не зная что. Итак, фрески. как Крохотки, как Швы¹ жизни, из которых складывается необъятное бытие и невыразимое инобытие.

времена года

Весна

Сухая трава полонит землю, где длинными, где редкими волосами устилает ее. Ты ищешь зеленую

¹ Были же «Крохотки» у Солженицына, «Швы» у Кржижановского, «Цвет граната», арабески – у Параджанова. Культурологическая проза для ценителей эстетики Серебряного века. В этой прозе Другое становится личным. Работа 2022 года, частично публиковалась в журнале «Москва» (№1, 2023), вторая часть «Божьи очи» передана в журнал «Нижний Новгород».

былинку, но еще рано, погоди. Полюбуйся этой картиной и подумай — уже весна, но поля пока пустые, жухлые, как осенью, но с надеждой они ожидают дождя и солнца. Весна и осень сошлись в цвете и свете, и в этом схождении, рождении чего-то необыкновенного великая тайна — недавняя спячка трав, цветов и корений, их смерть обрывается... жизнью. Значит, смерть — сон. Мы привыкли, что жизнь обрывается смертью, но ведь природа нам показывает и другие метаморфозы. Сонная трава, у которой нет никакой надежды стать яркой и сочной, становится вдруг полезной мамушкой для молодняка.

Эх, молодость. Вечная молодость.

Лето

А чего ты ждешь от лета? В самый зной, днем, ты прячешься в тени любого деревца, которое попадется по дороге домой. Куда ты идешь? В обе стороны — дом. Один — твой, привычный, хорошо знакомый, обжитый, другой — в лето, в поле, которое дает надежду на новую жизнь, на праздник. Ведь скоро Купала. Русский человек всегда ждет этот день, пахнущий кострами, сорванными цветами в сочных венках девушек и звездами. Лето уносит надежду. Лето — зима наоборот. Живешь и радуешься, и тоскуешь, зная, что буйство чувств всегда недолго длится. Лето — это сон наяву, день ночью, когда хочется жить наоборот. Сон. Легкий сон. Сон-дурман, сон-горюн.

Спим днем.

Осень

Почему люди не радуются утру, просыпают его? Немного схватило землю, подернуло инеем, но былинки-травинки ведь еще прорастут по весне... Мы любим этот переход, в этой смерти, постепенном угасании есть сама жизнь. Мы любим эту мерзлую землю, когда она уже коричневая и тусклая с маленькими островками первого снежка на ней. Вот сидит мальчик, улыбается, кажется, искренне. Хорошо бы чайку. Поезд трясет и будит дорожные настроения. Дома, дома, дома... Хватаешься то за то деревце, то за это, а нет его уже, и только впечатление наполняет сердце. Совсем светло, земля не стыдится своего инея, он скоро сойдет.

Хорошо на белом свете.

Зима

Начинаешь замечать людей на белом свете. Они по-особенному черные, не такие, как летом или осенью. Теперь видно. Бредут в белом поле, тонут в белой каше. Чувство тревоги, потом тоски будоражит душу. Так продлится еще долго, потерпи. Посмотри на прохожих, в их мерзлых лицах недоумение и отрешенность. Подумай о вечном. Зима приносит необходимый покой, который отняли лето и осень со своим буйством. Приготовил шубу? Хорошо, иди в поле-море. Нет конца ему? Хорошо. Ты уже плывешь, твой глаз не ищет опоры, ты лодка. А в городе? Люди ищут тепла, прячутся в дома, пропадая в пасти подъездов. Зима отрезвляет. Зима приносит надежду. На родство. Скоро елку поставят. Близкий и далекий соберутся.

Нет чужих. Нет лишних.

БРЕМЕНА ЧЕЛОВЕКА

Младенчик

еще не знает жизни, но уже знает смерть. Рождение – процесс наоборот. Пахнет молоком и сеном, близок к земле, к матери-земле, которая воплощает вечный круговорот жизни-смерти. Все его любят, лежит на волнах космоса – горизонтально.

Белый и чистый.

Юнец-семилетка до сорок сороков

прорывает пространство так же, как стебель воздух наполняет своими листьями, источающими аромат (ведь если прорасти глазами, как эти листья, в глубину). Сорняком или резедой? Пока не знает сам, но для нас приглядно и то и другое. Одно – в землю, обратно, к предкам на переплавку, другое — в небо, осчастливить и одурманить нас, не помнящих родства, своим ароматом. Чего ждем от него? Пока ничего, наблюдаем за его развитием, предощущаем метаморфозы.

Зрелость

дается трудно, не всех постигает.

Старость

знает жизнь, но еще не знает смерти, которая суть рождение наоборот. Жалеем, но не должны потворствовать жухлой траве, которая заслоняет солнце молодым побегам. Необходимый круговорот, порука жизни-смерти, для дальнейшего цветения-нарождения планеты, в котором мы перемалываемся, обстругиваемся, закаляемся, чтобы стать не просто листьями травы, а могучими сильными дубами.

Покой. Предощущение нового детства.

цвета без цветов

Черный

Боимся и включаем свет, не всматриваясь в самую черную ночь, которая на самом деле радует утомленный глаз и подготовляет встречу с ярким полдневным солнцем. Не верим, никогда не верим перед рассветом. Если не будет черного, то не увидим и белого (а полюбите нас черненькими). Черное солнце Шолохова, черные ворота в Дрездене, черный человек Есенина, черный свет в суфизме. Купальские красные цветы в темноте легко отыскать. Черный свет потенциален – тайный свет.

Белый

Не ценим, не видим очевидных вещей днем, поэтому нуждаемся в оплодотворении, в одухотворении черным. Черные локоны Пушкина на смертном челе, «Черный квадрат» Малевича, кубачинское древнее чернение... Белый цвет — цвет мертвого и только в слиянности с черным дает нам живительную влагу жизни, когда «сосет под ложечкой», когда начинаешь ценить белое лицо (потец на челе).

ие люди

Дерево

Давно его не слушаем, а оно нас слышит и видит, босховский лес с открытыми глазами и ртами, есенинское «все от древа». Человек издревле сплетался с ивой и дубом, завивал березку, бережно вырезал орнамент для избы, одушевляя предметы. Мировая ось, оставленная человеком, засыхает, плачет — о нас. В «Петре и Февронии Муромских», помните, дерево, срубленное топором, не страдает, а превращается в эфир. Мы за него пострадать, поболеть должны. Оно нас воспитывает. Отец-лес.

Небо

Лишь звездное небо над головой поражает меня... Но и беззвездное, облачное небо тоже должно поражать. Кто знает, какое *облако* спустится к тебе прекрасной девушкой или грозным духом, в напоминание о мире духовном. К. Аксаков. Облако.

Поле

Как и небо для русского человека. Идешь и дороги не видишь, что и не идешь вовсе. Море цветов, которое твое испытание и твоя награда. В нем

работаешь, даром, но оно и невидимо *благо*дарит тебя. Ходишь с цветами – и сам как цветок в этом волновом космосе. Поле – пространство смерти, иди преодолей, выплыви, и выйдешь другим человеком. Чехов. Степь.

Цветы

Что мы можем дать этому миру, у которого все есть? До нас, при нас и — после нас. Это он смотрит на нас, цветы — глаза земли, живые иконы земли, которыми она плачет о человеке, забывшем небо, ибо мир един, что на небе, то и на земле. Цветы напоминают нам об этом. Но мы их не видим, даже больше — не срываем, мы топчем и идем дальше. И в этом ходе не бег коня Алексея Толстого, в этом ходе только ходьба-молотьба, отбивание жизни, а должно бы быть хождение, хожение, прилучение земле. И небу.

ПОЛОДНИ

Час вечерний

настораживает и завораживает нас. Час с золотым мягким светом на закрывающихся бутонах цветов и листьях деревьев, когда можно увидеть настоящий эфир этих цветов, трав, деревьев, ибо последний луч солнца передает им свое тепло. Огонь на деревах. Есенин. Душа грустит о небесах.

Час невечерни

апофатический час, когда не знаешь о судьбе своей. Ночной холод отступает, но новый день еще не зарделся. Густой утренний туман покрывает дорогу, последние звезды слипают очи. Любой день начинается до дня, с этого мистического страшного часа, когда уже не спишь, но сон длится. Это полоденный сон.

Полодни — дыхание земли весной, над которой застыл молочным облаком пар. Это можно увидеть рано утром, в предрассветный пушкинский час, когда упреждаешь зари восход. Сны без снов. Сны наяву — обмирания, ни жив ни мертв. Земля дышит, когда мы спим. Наблюдает за нами.

Полуденный час

Ночной мрак уже не пугает воображение. Все можно разглядеть пристально, все доступно тебе, все вещи говорят и учат тебя. Не пуста дневная дорога! Левитов. Степная дорога днем.

Полуночный час

– Черноморов. Дорога превращается в путь. Дорога чернеет, как река течет, неизмеримая в пределах своих. Левитов. Степная дорога ночью.

ВатоауР

Одиночество

Это земное чувство. Мы забываем, что у нас есть и цветы, и шмели, и травы, которые безмолвно приветствуют нас на заре утренней, открывая свои объятия этому миру, и на заре вечерней, напоминая о таинстве сна, к которому должны приобщиться и мы.

Любовь

Не знает смерти, потому что непреходяща. Она наполняет сердце как чашу, она изменяет существо человека, который становится на путь богослужения, — любовь не требует и не заставляет, человек сам начинает жить во благо другого, во благо этого мира.

Смерть

Смерть как солнце, приближаясь к которому плачешь, а отдаляясь – понимаешь как необходимость, как данность.

СМЕРТЬ

Отчего же мы неизбывно грустим о смерти? Нам не дали правильного представления о ней. Нам не объяснили, что в тьме недостаток света, а не отсутствие такового. Смерть – краткий миг подлинной жизни для человека наших дней, поскольку только тогда он начинает чувствовать и ценить последнее по-настоящему. Смерть – момент жизни, озаренный тьмой. Мы должны достойно приветствовать ее, и только тогда она нам ответит с оливой в руках. Боратынский. Ап. Григорьев. 200 лет.

Божьи очи

Он погладил траву, там лежали тихие звезды, млеющие, мерцающие молочным светом. У нас — то, что на небе, то и на земле. В холодной росе отражается блеск звезд, которые зовут и напоминают о вечном, о душах, оставивших дольнее. Он не мог дотянуться до них руками, но мог сердцем маленького человека позвать, окрикнуть падающую звезду и прошептать ей «Стой!». Звездное небо над головой и росистый ковер под ногами поражали его

детское воображение простором и чистотой, давая надежду на жизнь со всеми, с целым миром Божьим. Светает. Затворяют звезды очи. И папа тоже закроет их уже в последний раз. Что на земле – то и на небе. Этот нравственный закон он запомнит так же, как то звездное небо, тогда вошедшее в его душу в ту беззвездную ночь.

Невольно вспоминается ответ великого Анаксагора бедняку, вопрошавшему «для чего жить»: «Ради возможности смотреть на звезды!».

РОМАНОВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

кандидат философских наук, *Подмосковье.*

кое-что о родине и блоке

езусловно, эмблема Вечной Женственности, которую Александр Блок нёс на своем знамени вслед за трубадурами средневековья, вслед за Пушкиным и Вл. Соловьевым, должна была рано или поздно манифестироваться в мире поэта образом России. Прекрасная Дама, как чистый свет, встретилась с Незнакомкой, чистой тьмой, и, наконец, совершился великий синтез — явилась «Родина», женская ипостась и одноименный цикл стихотворений. Вспомним сентенцию Пауля Целана, что «родина поэта — его стихотворение». И в этом смысле Блок, в стихии стиха стремившийся выразить полноту движения души, выразил саму стихию стиха. Да, он не смог бы этого без признания и узнавания Родины.

Но нам сейчас важно именно слово «стихия». В древнегреческом языке «о отоіхос» означает ряд алфавитных букв. Начала слов. И пусть позитивизм бросит в нас камень, когда услышит, что основной вопрос наш здесь такой: «Какая стихия довлеет в России? Какие литеры проступают на стенах ее палат? С чего она начинается?». Пусть камни позитивизма канут в воду, украсив ее абрисом нимба.

С чего начинается Родина? – это проблема редукции. Она требует от нас сверхусилия, смелости отбросить всё содержание, накопленное веками, в стремлении к началу.

Мы согласны, что легче подхватить, чем начать, продолжить — чем породить, повторить — чем сотворить. Да, но не разумея законов творчества, даже не стремясь их разуметь, любое воспроизведение и повторение по готовым образцам чревато отклонением. Мы знаем, что ямб звучит пе-

вуче, а хорей радостно, но не зная букв, никогда не напишем ни певучего, ни радостного. Знаем, что каждый седьмой день – воскресенье, но, если не владеем счетом, любой плут сумеет нас запутать и привести на торжище вместо брачного пира. И всякий бахвал внушит, что традиция – это «дважды два равно шесть».

Вопрос о начале, о первородной стихии — это вопрос о традиции. Несчастная и милая традиция! Сегодня слово это звучит на любом торжище звоном монеты. И как удобно бывает этим могучим ярлыком прикрывать страстишки мелких личных амбиций, подобно софисту, что торгует истиной. Сколько вообще можно вложить значений в понятие «традиция», на сколько голосов заставить его петь, скольким господам кланяться, чтобы склонить его служить сиюминутной прихоти! Однако Аристотель предостерегает: «Иметь не одно значение — значит не иметь ни одного значения».

Пора, наконец, исправлять имена. Пора возвращаться к истокам.

В цикле «Родина» (1914 г.) у Блока есть стихотворение «Задебренные лесом кручи», развернувшее тему истока. Литературовед евразийского уклона Д.П. Святополк-Мирский справедливо заметил, что Блок — поэт стихийный, певец хаоса (от Тютчева), и «транслятор» трансцендентного слова, простому человеку неслышимого.

Иррациональный хаос у Блока символизирован стихией воды. Да и не Блок здесь первый – вода вообще есть суть первобытной бездны. Безвидного нечто, еще не заключенного в сосуды, в формы

привычного нам мира. Так встречается всюду – от шумерского эпоса до книги Бытия, от индийских вед до грека Фалеса. Наконец, в Новом Завете водой этот мир обновляется, готовится к новому порядку – уже не к наказанию, коим был потоп, а к жертве любви.

Что мы знаем о чувстве стихий наших дальних предков? Вот истоки нашей цивилизации:

Рубили деды сруб горючий И пели о своем Христе

Почему так важно, что сруб именно горючий? Потому что колыбель, в которой все родится, обступил огонь. Влажное лоно, из которого семя выходит цветущим деревом, чтобы питаться дождем и давать сок, охвачено кольцами голодного змея. Пена жизни тонка над океаном энтропии, и чудо, что мы просто есть, наперекор логике бесконечной машины – так называемого «космоса». Огонь жжет нас, но заставляет бороться, одолевать, а значит жить. Новорожденного, если тот не желает дышать, шлёпают, и тот вскрикивает. От крика набирает в лёгкие воздух, и те впервые расправляются, как надувной шар. И воздух обжигает их, поскольку это вовсе не воздух, а огонь материального мира. И ребенок выдыхает, чтобы не жгло внутри. Но теперь он схвачен циклом, ему надо снова обновить кровь, и снова вдох - и боль. Но с ней вместе борьба. Ещё плещется в нём материнский океан, и влажны его утробы. Но огонь... Алексей Ремизов назвал это «огонь вещей» - давление космического механизма на малый винтик.

А что же Христос? Голос, возвестивший о надежде, логос огня, что для одних — свет истины, для других — мука совести, нестерпимое жжение.

¹ См. этимологическое исследование Б. А. Рыбакова в труде «Язычество древних славян» (1980 г.), где выявляется единый корень слов «влага» и «волшебство».

Так было у истоков.

Затем наступает некое «Теперь», которое поэт понимает как сонное растворение в тишине.

Теперь пастуший кнут не свистнет, И песни не споет свирель. Лишь мох сырой с обрыва виснет, Как ведьмы сбитая кудель.

Теперь – апофеоз болота, где мхи, ведьмы, тени и «печальные цапли». Самое же характерное тут то, что водная стихия смешана с земной. Это трясина, в которой материнство земли, пресыщенное мистической и даже магической влагой¹, теряет интенсивность порождающей силы, а тайный огонь жизни ослабевает до предела. Потому что он отделен от внешнего огня землей-могилой. Это «Теперь», видимо, историческое теперь, и в данном смысле Блок – наш современник.

Но невозможно плоду всегда жить в утробе, ребенку — в колыбели, Илье Муромцу — на печи. Также и земле с водой пребывать в смешанном субстрате болотной дремы можно лишь как в точке перехода. В этой точке нет музыки — «песни не споет свирель», и некуда двигаться народам и племенам — «пастуший кнут не свистнет». Всюду нерешаемая амбивалентность. Трясина. Нет твердой почвы под ногами, нет системы целей. Мутна отправная точка пути, негде пустить корни², ориентир — блуждающий призрак.

Это и есть то, что теперь — и это признается и традиционалистами славянофилами, и либералами-западниками. Мы все бредем в трясине вместе с Родиной. Конечно, и болото тоже необходимо экосистеме. Оно необходимо и сказке как атрибут инициации. Но его всегда нужно пройти. Одна из главных ипостасей его — неосвещающий свет гниения (субтильность огня) и ржавчина.

Но вот огонь внутренний усиливается, провоцируемый огнем внешним. Отделяется от земли стихия воды. Это уже не морочная влага, но еще не родник. Это – ржавые капли. Благостный пот земли.

Но в каждой тихой, ржавой капле – Зачало рек, озер, болот.

² Корень в болоте превращается в *ризому*, т.е. в питающую систему, ориентированную не на стержневую структуру, которой в трясине негде утвердиться, а на рассеянную в горизонтальной плоскости. Понятие «ризомы» активно используют постмодернисты.

Это рождение человеческой индивидуальности. Сильная личность - путь из трясины. Рождаемая ей, с благодарностью к родному лону, она всё же рвёт путы-пуповины. Мы много говорим о примате обшего над частным, в традиционалистских кругах иногда слишком резко клеймят индивидуализм. Меж тем уже Августин Блаженный сохраняет весь объективный мир, все общее и универсальное в индивидуальности субъекта, помещает всю вселенную вместе со всеми временами и пространствами в душу каждого конкретного человека. Николай Кузанский указывает на ту же конкретизацию вселенной в каждом человеке. И без уникальности частного, его трогательной ущербности, без всего многообразия субъектов не будет и целого. И святой Серафим Саровский говорит, что воскресение совершается в каждом человеке - ни одного не убрать. Соборность, слияние без поглощения миллионов капель диалектически ведет к струению родника.

И тут снова скажем о Родине. Мы часто слышим эпитеты материнства, родящей земли относительно неё. Иной раз её образом или метафизическим телом выступает сама Богородица. Однако всё это вполне согласуется с водой — ведь и земля-мать «сыра», и Дева Мария чиста, как небесная роса. Но не будем забывать, что и блудница Апокалипсиса сидит «на водах» (см.: Откр. 17:15), под которыми Иоанн Богослов понимает племена и народы, подвластные ей.

Нет, чтобы вода могла стать живой или святой, ей надо выйти из пассивного слияния с такой же немобильной землей. Иначе всё закончится заведением в болото, когда в топях канут не только Сусанин и поляки, но и все, ради кого Сусанин совершал свой подвиг.

Вспомним ещё один важный контекст, связанный с надеждой и водой. Ею крестит Иоанн Предтеча, призывая сделать пути наши прямыми, тропы не

зыбкими, а стандарты не двойными. Почему же Вечная Женственность, суть пассивный элемент служения, вдруг меняется здесь на что-то деятельное, движимое («по-двиг»), по сути мужское? Не потому ли, что грядущий после Предтечи, Тот, кого Иоанн приглашает окунуться в реку, будет крестить «Духом Святым и огнем» (Мф. 3:7-12)? И те, которые ушли от огня в горючие срубы, чтобы там сохранить и продолжить жизнь, поклонившись Матери Сырой-Земле, живы были и нам жить завещали ожиданием вновь грядущего огня.

И капли ржавые, лесные, Родясь в глуши и темноте, Несут испуганной России Весть о сжигающем Христе.

Позитивисты вновь обвинят нас в мистической метафизике стихий и метафорике поэтических структур, не выдерживающих великого суда аналитической философии. Мы бы посоветовали подобным судьям чаще путешествовать в звездные пустыни Аравии, и не обделять вниманием остальную пятую часть суши, где нет источников воды. Или хотя бы некоторые известные в свете последних событий агломерации, жители которых стоят с баклажками в очередях под обстрелами. Но не будем сражаться с позитивистами навязанными ими же методами мертвящей логики. Вл. Соловьев уже разбил их однажды, и мы «можем повторить».

Нет, дело не в воде. И даже не в земле, хотя физически все это ценно и важно. Дело в том, что начало — Родины ли, жизни ли, песни — это всегда надежда на продолжение, и на обретение своей полноты. Предтеча выходит из воды, идет навстречу огню. Чтобы указать всем племенам и народам на свет. И то, что мы сберегли в «горючих срубах» — капля за каплей, долго запрягая, медленно сползая с печи, — несем теперь, как вырванное сердце света над болотами.

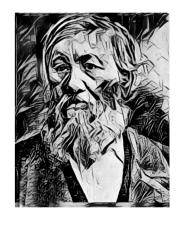
КОРОБКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

поэт, эссеист, основатель новых научных направлений «Фаэзия», «Хоротопия», Севастополь.

данилевский и хлебников: коды российской цивилизации

оссийская цивилизация как особая локальная цивилизация со своим многовековым историческим опытом, системой ценностей, культурными традициями, была впервые представлена философом Николаем Яковлевичем Данилевским эпохе Просвещения как сложившаяся система, эволюционирующая из нескольких культурных цивилизационных пластов. Века существования на грани тектонических разломов с различными соседствующими цивилизациями дали возможность российской цивилизации сохранить свои автохтонные языческие культурные корни. Глубинная модальность взаимодействия с византийством обусловила православное христианство как один из духовных истоков российской цивилизации. О туранском истоке, евразийстве, активно заговорили уже к началу XX века. При создании образа будущего, «всеславянской федерации», Николай Яковлевич включил в этнический состав футурологического проекта наряду со славянскими народами и финно-угорские, и мусульманские народы (татар, башкир, казахов, горцев Северного Кавказа), в состав вошли и язычники (унангуны, бельтиры, бирары, гиляки, гольды, иезиды, нейдальцы, ороки, самоеды, самагарцы, тушины). Одним из «законов исторической жизни» Данилевский считал богатство разнообразия этнографического материала, из чего следует, что культурно-исторический тип, включающий разнообразные этносы и субэтносы, способен к большей творческой активности, нежели этнически однородный. Данилевского, как ученого, как этнографа, исследовавшего Россию в многочис-

ленных экспедициях. привлекали самобытные системы верований, религиозные практики коренных народов Севера. Он считал, что религиозный строй нового культурно-исторического типа, включивший в единую систему религиозной культуры вероисповедания неславянские элементы, будет свидетельство-

вать об исторической творческой силе и активности самой российской цивилизации. Николай Яковлевич, исследовавший вопрос об историческом взаимодействии русских (славян) с туранскими (уральскими, алтайскими) народами в России, обозначил некоторые исходные коды протоевразийства.

В исторической реальности процесс формирования славянского культурно-исторического типа не отрицает цивилизационного развития иных народов России. Данилевский отмечает, что у народов России появляются «передовые личности», у которых «зарождается сожаление о прежней политической самобытности их нации, невозвратно погибшей в историческом круговороте, или мечта о будущем ее возрождении». Он признает, что ходом национального возрождения народов порождаются новые силы: «порождаются, — например, — молодая Армения,

молодая Грузия, о которых мы недавно услыхали, а, может быть, народятся и молодая Мордва, молодая Чувашия, молодая Якутия, молодая Юкагирия, о которых не отчаиваемся еще услышать» 1. Мы, следовательно, видим мыслителя, разглядевшего творческую историческую силу становления славянского культурно-исторического типа, обусловившего появление новых национальных сил у тюркских и финно-угорских народов, населяющих Россию.

Переход к циклу русского космизма эпохи русского возрождения начинается во втором десятилетии XX века. В сфере развития идей евразийства, предтечей которого стала система положений Данилевского «евразийство России», можно обозначить две знаковые для нас фигуры: ученого-лингвиста. вдохновителя евразийства Николая Сергеевича Трубецкого и поэта Велимира Хлебникова. Время экспериментальной поэзии отца русского футуризма Велимира Хлебникова и время лингвистических экспериментов Трубецкого и Якобсона. Эти явления близки по сути. Фонологические идеи Трубецкого, идеи обнажения языковых корней, реконструкция праязыка на уровне фонем, отдельных звуков речи, близки экспериментальному творчеству Хлебникова. Его возврат к праязыку и создание универсального языка на основе букв азбуки:

«Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращенья всех славянских слов, одно в другое, — свободно плавить славянские слова, вот мое первое отношение к слову. Увидя, что корни лишь призрак, за которым стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки, — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку»².

Невозможна полнота цивилизации без развития внутри неё малых этносов, вымирание этносов начало пути к упадку самой цивилизации. Все возвращается к Данилевскому. Невозможна полнота духовности цивилизации, её творческая сила, без разнообразия внутри неё религиозных практик малых этносов, вовлеченных в путь развития внутри этой цивилизации. И творческая сила именно в полноте этого многообразия. А языки этносов, алфавиты? Хлебников строил универсальный язык, проникая к буквам сквозь узор корней. В «Детях Вы-

дры» он строил общеазийское сознание, опираясь на древнейшие в мире предания орочей, древнего амурского племени. В «Свояси» Хлебников пишет: «В «Девьем боге» я взял славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна). «Вила и Леший» — союз балканской и сарматской художественной мысли»³. Хлебников как предвестник евразийства в некотором ключе сближает себя с Азией, находит себя в Азии. Интересно замечание Парниса, что для Хлебникова слово «Азия» — контаминация двух слов, (древнерусского) «Аз» и «Я»⁴. Хлебников считал, что в истории России славянское начало сливается с азиатским:

Ах, мусульмане те же русские, И русским может быть Ислам. ('Хаджи Тархан'; 1968-1972, I, т. 1: 120)

Исследуя родовые корни поэта, Степанов пишет об Астраханском крае девяностых годов XIX века: «Своеобразный край ее хранил в то время восточный колорит. Астрахань с ее оживленным базаром с незапамятных времен была местом торговых встреч славян и народов Востока». Он добавляет: «К этим впечатлениям детства восходит тот интерес к Востоку, который в дальнейшем сказался во всем творчестве Хлебникова»⁵. С этническим своеобразием края был прекрасно знаком Николай Яковлевич Данилевский, будучи в Астрахани в третьей экспедиции по делам исследования состояния рыболовства в начале шестидесятых годов XIX века.

Данилевский считал необходимым условием для становления российской государственности нашествие татар. Он считал ордынскую систему данничества наиболее легкой формой зависимости и

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991, стр. 278

² Хлебников Велимир. Творения. – М: Советский писатель, 1986, стр. 37.

³ Там же. С. 36.

 $^{^4}$ (Новые материалы) // Народы Азии и Африки. 1967. $^{\circ}$ 5, стр. 162.

⁵ Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. – Москва: Сов. писатель, 1975, стр. 8.

период московско-ордынских отношений рассматривал как переход власти из России удельной к московским князьям и царям, период становления Московской России, в результате переход власти из Орды в Москву. Вслед за Данилевским Трубецкой развивает саму идею правления монгольского ханства. Она предстает в его трудах в форме изначального геополитического единства Евразии. где различные народы жили бок о бок полноценно. Эту форму правления Трубецкой находит в продлении в Московском княжестве во времена правления Ивана Грозного в обрамлении ортодоксальной идеологии. Западной демократии противопоставляется евразийская форма правления - идеократия, в основе которой «общая идея-правительница», ценимая всеми и каждым.

У Хлебникова же находит развитие идея «всеславянской федерации» Данилевского. 21 апреля 1917 года, вместе с приехавшим из Астрахани в Харьков Хлебниковым, Петников написал знаменитое ритмизованное «Воззвание Председателей земного шара», опубликованное в том же году в Москве в сборнике «Временник—2» за подписью: В. Каменский, Г. Петников, В. Хлебников. Поиски мирового заумного языка сопровождались у Хлебникова созданием платонического футурологического проекта «Председателей земного шара», в состав которого для руководства миром входили бы лучшие люди планеты.

Хлебников пишет в статье «Октябрь на Неве»:

«Ранней весной 1917 я и Петников садились на московский поезд.

Только мы, свернув ваши три года войны в один завиток грозной трубы, поём и кричим, поём и кричим, пьяные дерзостью той истины, что Правительство Земного Шара уже существует. Оно – Мы.

Этим воззванием был начат поэтический год, и с ним в руках два самозваных Председателя земного шара вечером садились на поезд Харьков-Москва, полные лучших надежд.

Нашей задачей в Петрограде было удлинить список Председателей, открыв род охоты за подписями, и скоро в список вошли очень хорошо отнёсшиеся

члены китайского посольства Тинь-Э-Ли и Янь-Юй-Кай. молодой абиссинец Али-Серар, писатели Евреинов. Зенкевич, Маяковский, Бурлюк, Кузмин, Каменский, Асеев, художники Малевич, Куфтин, Брик, Пастернак, Спасский, лётчики Богородский, Г. Кузьмин. Михайлов. Муромцев. Зигмунд. Прокофьев, американцы – Крауфорд, Виллер и Девис, Синякова и многие другие».

Число членов это-

го утопического общества правителей Государства Времени было обозначено Хлебниковым равным 317. Впоследствии, в 1960-1980 оно превратилось в литературную игру Председателей. Эта игра завершилась трагически, убийством последнего четвертого председателя земного шара, киевского поэта Юрия Каплана. Проект был завершен.

Будучи ученым и философом, Николай Яковлевич Данилевский первым исследует коды протоевразийства на основании бытия множественности локальных цивилизаций и особенностей славянскоправославной и российско-евразийской цивилизаций, создает методологию познания системных закономерностей развития собственно России как уникальной отдельной цивилизации. Хлебников же, будучи поэтом, занимается наукой, вводя ее в свое творчество. Евразийские коды в его творчестве явлены непосредственно в образах и идеях. Его интуитивное постижение реалий своего времени звучит пророчески, его образная поэтическая стихия, данная в лингвистических кодах, так же революционна и парадигмальна, как и открытия ученого и философа Данилевского.

ЦАРЕГОРОДЦЕВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Московского университета им. А.С. Грибоедова, *Москва*.

демонтаж советской литературы: причины и последствия

емонтаж советской литературы как наиболее «идеологизированной» составной части культуры СССР начался с перестроечного времени. 90-е годы – время активного «продвижения» новой литературы, когда издали книги писателей Серебряного века, признали постмодернистов (Вен. Ерофеев, В. Аксенов, С. Довлатов, Э. Лимонов, Ю. Мамлеев, В. Нарбикова, С. Соколов, И. Бродский, С. Гандлевский и др.); а рядом с ними выделили концептуализм (Г. Сапгир, Д. Пригов) и даже поэзию...куртуазных маньеристов (В. Степанцов, Д. Быков (признан иноагентом), К. Григорьев, В Пеленягрэ), творчество бардов (А. Городницкий, В. Долина, Ю. Ким, Н. Матвеева, Б. Окуджава и др.) и рок-поэзию (А. Макаревич, Б. Гребенщиков (признаны иноагентами), В. Цой и др.) стали относить к литературе.1

В предисловии к хрестоматии для средней и высшей школы по современной русской литературе (1985-1995 годов) говорится, что русская литература 80-90—х годов была создана в недолгую горбаческую перестройку, в период распада СССР, демонтажа социализма в России. Авторы нового учебного пособия по современной литературе провозгласили «творческое банкротство и уход с исторической арены социалистического реализма».²

На этой волне из школьных и вузовских программ исчезли «Молодая гвардия» и «Разгром» А. Фадеева, очерк «В.И. Ленин» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая це-

лина» М. Шолохова, «Чайка» Н. Бирюкова, «Сын артиллериста» К. Симонова и т.д.

«Отца» советской литературы, М. Горького, не совсем исключили из школьной программы по литературе, а «отправили» на самостоятельное изучение. Например, романы «Фома Гордеев» и «Мать, пьесу «На дне» и цикл очерков «Несвоевременные мысли» поставили в список летнего чтения для 11 класса. В этом же списке оказались и такие произведения, как «Сотников» В. Быкова, «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева, «Судьба человека» М. Шолохова, «Василий Теркин», «По праву памяти» А. Твардовского, повести и рассказы В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина. Очень сомнительно, что эти книги современные школьники прочитают и осмыслят самостоятельно. А ведь, как известно, любим мы то, что понимаем, а понимаем то, чему нас научили.

Что же в учебниках теперь пишут о советских писателях, как в современных вузовских учебниках представлена творческая биография и личность, например, М. Горького? Авторы многих учебных

¹ Современная русская литература (1985-1995). Хрестоматия для средней и высшей школы. /Сост. В.Н. Гвоздей, М.Ю. Звягина, Г.Г. Исаев и др. – Астрахань, 1995. – 647 с.

² Там же, С.4.

пособий для студентов пишут, что до перестройки «основоположника социалистического реализма» представляли в «отредактированном» виде как человека «безупречного и непогрешимого». В «новые времена, когда появились любители справлять поминки по советской литературе, обошлись с Горьким не менее круто. Его сбросили с пьедестала и надругались над его памятью «...» Оба эти подхода совершенно несостоятельны, и задача заключается в том, чтобы воссоздать истинный облик великого русского писателя во всей его противоречивости и трагичности»³. Далее автор главы о Горьком (в 1994 году) предлагает издать скрывавшиеся ранее письма и статьи Горького и, прежде всего, «Несвоевременные мысли».

К 2023 году «Несвоевременные мысли» М. Горького уже неоднократно издали, их включили в школьную программу, и они фактически «заменили» очерк «В.И. Ленин», который изъяли из изучения. Но для «неидеологизированного» подходца к оценке личности и творчества М. Горького нужно изучать оба эти произведения, чтобы сложилось действительно объективное представление о родоначальнике советской литературы.

А осталось ли хотя бы одно произведение о Ленине в новых учебниках? Конечно, не осталось. Современные дети пишут о Ленине абсурдные сочинения, которые распространяются в Интернете как некий юмор. Но смешно ли это?

Вспоминается, как в дни Майдана из Киева стали раздаваться ультимативные требования: в десятидневный срок снести памятники Ленину во всех городах Крыма. А если это не будет выполнено, памятники снесут устроители оранжевой революции. Было понятно, что за антисоветизмом кроется русофобия, поэтому в Ялте памятник Ленину вы-

ходили охранять сотни жителей города. Особенно много людей собиралось по ночам.

Заголовки севастопольских газет того времени: «Будущее Севастополя – с Россией», «Сила города-героя в единстве севастопольцев!», «В обстановке острого противостояния в обществе», «Севастополь не сдается»... Запомнились слова в «Севастопольской правде» от 3 марта 2014 года: «Жизны прожить нужно так, чтобы после смерти враги боялись твоего памятника».

23 февраля 2014 года на митинг в Севастополе пришли более двадцати тысяч человек, и площадь Нахимова не смогла вместить всех желающих. Многотысячный хор исполнил гимн «Легендарный Севастополь». На этом митинге говорилось: «Советская армия уже сломала один раз хребет фашизму. Но сейчас он утверждается на Украине. Новая власть пытается показать, кто в городе хозяин, и снести памятник Ленину. Но пока здесь будут стоять Нахимов, Ленин и Екатерина — будет стоять Севастополь».

Во время событий на Майдане крымчане не позволили снести памятники Ленину ни в одном крупном городе. А когда появились «вежливые люди», на постаменте памятника Ленину в центре Симферополя кто-то прикрепил лист бумаги с надписью: «Руки прочь от нашего вождя».

Были и «тихие атаки» на памятники: так, в Ялте был облит красной краской бюст русскому художнику-пейзажисту Ф. Васильеву.

Почему памятники всему, что связано с русской и советской историей, – и особенно памятники Ленину – так важно уничтожить? Что хотят стереть из памяти людей? Уничтожить старые мифы и заменить их новыми?

По мнению А.Л. Топоркова, «для носителя традиции миф является также объектом веры, и как таковой не нуждается в верификации; скорее, наоборот, миф всячески оберегается от тех явлений действительности, которые могли бы посеять в нем сомнение. Мифологический объект выше критики, выше всего, что окружает человека в повседневной жизни, и в то же время он придает ей смысл и приобщает к сакральным ценностям».⁴

Получается, что эффективное оружие в борьбе с мифом как объектом веры — уничтожение или подмена.

³ Алексеева Л.Ф., Егоров В.М., Журавлева А.А. и др. Очерки русской литературы XX века (после 1917 года). Уч.пособие. Ч. II. – Чехов. 1994 г. – 278 С.

⁴ Топорков А.Л. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика// https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm

В Казахстане советские памятники снесли еще в 90-е годы. На фоне смены государственности это произошло без возмущения и открытых протестов. Например, на главной площади Усть-Каменогорска (административный центр Восточно-Казахстанской области) снесли памятник Ленину, который был установлен в 1958 году. Казахстанская журналистка Елена Балова вспоминает об установке памятника в 2006 году: «Увековечить образ великого вождя поручили знаменитому скульптору Евгению Вучетичу, у которого уже был необходимый опыт: за пару лет до этого мастер изготовил памятник Ленину, установленный в Алма-Ате.

Изваяние в Усть-Каменогорске должно было быть ничем не хуже алма-атинского, поэтому на его изготовление израсходовали шесть тонн бронзы. Отливали скульптуру в Подмосковье, а затем доставили в Усть-Каменогорск и торжественно открыли монумент.

На первый взгляд, очень хорошо, что в Казахстане вспомнили об установлении памятника, но смущает лексика автора статьи: «изваяние» - это неудачный синоним к слову «памятник» или намеренно подобранное слово со сниженной коннотацией? А главный вопрос к автору статьи: почему не рассказано о том, что на месте памятника Ленину был установлен памятник Абаю? Почему не упомянуто, что родоначальник казахской литературы Абай начал публиковаться при поддержке Евгения Михаэлиса (1841-1913 годы), отбывавшего ссылку в Казахстане? По совету Михаэлиса Абай выучил русский язык, прочитал книги русских классиков, европейских писателей и философов: Гете, Спенсера и др. Журналистка, готовя материал о памятнике Ленину, обходит острые углы и почему-то не использует культурные «скрепы» между представителями народов, живущих в Казахстане.

Где же сейчас находятся советские памятники, демонтированные в Казахстане? В Усть-Каменогорске есть целая аллея снесенных советских памятников. Памятники СССР нашли приют в Восточно-Казахстанском областном архитектурно-этнографическом и природно-ландшафтном музее-заповеднике, где стоят теперь многочисленные Ленины, Дзержинский, Киров, Жданов, а рядом с ними на «свалке

истории» оказались М. Горький, В. Маяковский и Л. Толстой...

Почему происходит демонтаж советских памятников (а заодно и памятников русским писателям) в бывших союзных республиках, какие политические силы стоят за этим, где находятся настоящие кукловоды и к чему это приводит – предмет отдельного исследования.

Добавлю лишь еще один факт. В современной Турции на главных площадях городов стоят памятники Мустафе Кемалю Ататюрку (1881-1938 годы) современнику Ленина. После его смерти тоже говорили о культе личности, но сейчас его почитают как создателя Турецкой Республики. В 1920-1922 годах Советская Россия оказала турецким борцам за независимость существенную помощь, и в этом решающую роль сыграл Ленин. В одном из писем Ататюрк писал: «...в общей связи с историей, наполненной шумом кровавых войн, столетиями проходивших между турками и русскими, такое быстрое примирение между нами изумило другие нации. Турция значительно ближе к России, особенно России последних месяцев, чем к Западной Европе. [...] Турция не отступит от своего курса по отношению к Советской России, и все слухи о противоположном лишены основания. Я уверяю вас, что никогда мы не подпишем соглашения и не войдем в альянс, прямо или косвенно направленный против Советской России» 5. Далее отношения между СССР и Турецкой Республикой развивались не просто, но в современной Турции достойно уважения то, что к Ататюрку относятся с должным почтением как создателю сильного государства. Прошлым летом в Мармарисе мне запомнился разговор с молодой турчанкой Демет, которая без запинки перечислила, какие регионы Турции отошли бы европейским странам, если бы Ататюрк не одержал победу. А также Демет, как и многие другие в её стране, считает, что создание светского государства дало

⁵ Гашков И. Союз России и Турции. Как Ленин пришел на помощь Ататюрку.100 лет назад большевики помогли Анкаре отстоять свою независимость // https://tass.ru/obschestvo/8631339

женщинам право на образование и самостоятельность в решении многих жизненно важных вопросов. Не оставляет сомнения, что такие взгляды сформированы государственной политикой Турции в области образования, культуры и литературы.

Являются ли современная отечественная литература и особенно СМИ свободными от идеологии? Случайно ли, что к столетию пионерии, когда наметились тенденции к возрождению этой детской организации, вышла провокационная книга «Лето в пионерском галстуке»? Этим фактом были возмущены З. Прилепин и Н. Михалков. Председатель комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Н. Останина направила в Роскомнадзор просьбу о проверке содержания книги с перспективой возбуждения в дальнейшем уголовного дела. Дело не открыли. Более того, было опубликовано продолжение этой сомнительной истории. Коммерческий успех в обществе потребления преодолевает любые этические и эстетические преграды. Да и чего греха таить, если «Лето в пионерском галстуке», по мнению Захара Прилепина, – порно-букс, то, как можно оценить рассказ Владимира Сорокина «Открытый урок», где смакуются подробности растления подростка учительницей? Рассказ в 1995 году был опубликован в хрестоматии для средней и высшей школы. Подобные «произведения» и есть замена советской литературе? Такие произведения нужно изучать вместо повестей «Белеет парус одинокий» и «Сын полка» Валентина Катаева?

Мы сами вычеркнули из «героев» русской литературы молодогвардейцев, Павку Корчагина, Василия Тёркина, Тимура с его командой и получили новое инфантильное поколение, которое воспитано на ценностях общества потребления.

Через несколько лет после развала СССР начался процесс реабилитации советского искусства.

Одними из первых были вновь признаны такие виды искусства, как живопись, декоративно-прикладное искусство, кино и особенно мультипликация. В начале нулевых во многих городах России возникли музеи СССР, стали проводиться выставки советских художников, возник интерес исследователей и коллекционеров к советскому фарфору; на фоне кукольного бума начали изучать историю производства игрушек и творчество художников, которые создавали образы советских кукол. Так, Дарья Соболева заинтересовалась творчеством одной из самых талантливых художниц «Ленигрушки» Марианны Ивановны Мотовиловой (1929-2019 годы). Когда Д. Соболева обратилась к М. Мотовиловой за материалами для книги, художница была удивлена интересом к ее куклам: она не считала, что куклы можно отнести к произведениям искусства⁶. Но именно сейчас, когда советское прошлое стало представлять большой интерес для осмысления, пришли к пониманию, что «куклы Марианны Мотовиловой обладают лицами эпохи»⁷.

На фоне возрождения советского искусства наиболее задержанным оказался процесс «реабилитации» литературы СССР. Очень медленно начинается возвращение в школьную программу лучших произведений советской литературы. По сообщениям прессы, с января 2023 года роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» включен в перечень обязательных к изучению в школе произведений. Возвращение романа о молодогвардейцах подготовлено широким резонансом в прессе, который связан с 80-летием образования организации «Молодая гвардия».

Современная литература после демонтажа соцреализма «переболела» постмодернизмом с его всё уничтожающей иронией и сейчас переживает поворот к метамодернизму и «новой искренности», отвергающих иронию и принимающих парадигму, в которой доминирует этическое начало, связанное с поиском подлинных ценностей. Новые культурные поиски порождают новые смыслы и дают надежду на противостояние пост-правде и «возвращение» лучших произведений советской литературы к современному читателю.

⁶ Соболева Д. «Куклы Марианны Мотовиловой». – СПБ, 2012. – 39 с.

⁷ Мои куклы. Марианна Мотовилова. // https://kotomysh. livejournal.com/479888.html

ПИПИЯ ОДИССЕЙ МАМИЕВИЧ

Президент «Фонда содействия развитию науки, культуры и кино – Одиссей», предприниматель, магистр культурологии, Руководитель крымского отделения Общероссийской общественно-государственной организации « Ассамблея народов России», лауреат премии Государственного Совета Крыма, Симферополь.

дорогу осилит идущий

Занимаясь общественной деятельностью, погружаясь в нее, я все чаще делаю для себя некоторые открытия, которыми хотел бы поделиться.

На мой взгляд, в стране идет серьезный поворот государства в сторону общества. Сложно, противоречиво, но тем не менее системно. Рост популярности Президентского фонда среди общественных организаций, рост количества подаваемых ими заявок тому явное подтверждение. Вслед за этим фондом внимание гражданскому обществу начали оказывать регионы, в том числе и Крым. Ряд министерств также начали на конкурсной основе выдавать гранты общественным организациям на общественно-полезные проекты.

До этого стали формироваться общественные советы при государственных учреждениях. Несмотря на то, что процесс их формирования, критерий отбора участников, на мой взгляд, требуют доработки, тем не менее сам факт такого процесса свидетельствует о формировании новой государственной политики в данном направлении. В этом ряду, как кульминационный момент, стало создание Общественной палаты Российской Федерации и ее региональных партнеров.

Все это, безусловно, необходимые, но еще не достаточные условия для серьезной отдачи уже от самого общества в поддержку и корректировку политики государства по всем направлениям — от социальной, культурной до международной.

Хотел бы обратить внимание коллег на фундаментальное обстоятельство. Оно затрагивает основы нашей жизни, социального благополучия. Какое-то время я думал, что мое критическое отношение к происходящим событиям разрушения нашего культурного уклада и даже культурного кода, это вопрос поколенческого восприятия и оценки, проблема отцов и детей. Но со временем пришел к выводу, что все намного серьезнее и глубже.

Я имею в виду вопрос о наших традиционных ценностях. После того, как народ поддержал ряд поправок к Конституции на общероссийском голосовании в 2020 году, я понял, что мы, общественность, весь народ, должны теперь встать на их защиту. Извините за возможно излишний пафос, но это так. Прежде всего я имею в виду следующие поправки.

- Упоминание Бога, защиты исторической правды, признание детей важнейшим достоянием, установка приоритета семейного воспитания;
- Установление русского языка государствообразующим;
- Признание культуры Российской Федерации уникальным наследием;
- Введение положения о самобытности культуры народов, закрепление защиты прав и поддержки соотечественников за рубежом;
- Включение молодежной политики в ведение субъектов Российской Федерации, добавление пункта о защите семьи и материнства;

- Приоритет Конституции РФ над международным правом;
- Закрепление мер по международному поддержанию мира;
- Поддержание Президентом мира и согласия в стране.

Легко сказать, «поддержать» эти поправки, но трудно сделать. Во-первых, надо самим осознать, что мы не ущербны по отношению к Западу. Это он демонстрирует свою несостоятельность, так как практически отказывается не только от своей веры, но и культуры в целом перед актами растления и вседозволенности, забвения собственной истории или ее перекройки. В своей, так называемой современной культуре Запад уничтожает уже естественную природу человека. Мы, народ со своей многовековой системой ценностей, которую вправе и обязаны отстаивать. Во-вторых, такая поддержка предполагает создание механизма защиты, то есть соответствующих социально-гуманитарных технологий. И позитивно скажется на творческой активности самого общества и его организованных структурах - общественных организациях. Этот процесс начался, но требует активной поддержки и развития.

С удовлетворением хочу отметить, что мои предложения рожденные собственными размышлениями, предпринимательской и, особенно, общественной деятельностью, вступают в перекличку с мыслями известных в России интеллектуалов, например, Изборского клуба или моих коллег по Ассамблее народов России.

Гражданское общество в России в известной степени окрепло. Общество, пройдя через лихие девяностые, сегодня в состоянии осознанно действовать во благо своей страны. Причем, что важно, и молодое поколение подключается к этому процессу. Доказательством этому может служить разворачивающееся волонтерское движение.

Вопрос настолько актуальный и важный, что им, например, озаботился советник министра обороны А.М. Ильницкий в своей статье о «ментальной войне», опубликованной в августовском номере «Военной мысли» за 2021 год. Хотел бы обратить внимание на то, что статус проблемы поднят на уровень безопасности страны. Но трудно согласиться с тем,

что мы должны обороняться от внешнего влияния Запада в нравственной и, шире, в духовной сфере. Нам надо осознать значимость нашего культурного потенциала и не только его отстаивать в межцивилизационной схватке, но и предлагать миру нравственную перспективу. И здесь России действительно есть что предложить. Например, идею справедливости в ее многообразном измерении как в социальных, так и международных отношениях.

Россия может и должна стать оплотом экологии человека и культуры, которым угрожают псевдоценности, навязываемые Западом всему миру. Речь идет об ЛГБТизме, демократизме, ультрафеминизме, черном расизме, отрицании истории и корней. Это новая форма колониализма, но уже в духовной сфере — порабощение умов.

После выхода в ноябре 2022 года Указа Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» многое из отмеченного получило серьезную законодательную поддержку. Главным теперь становится созидательная работа в отмеченном направлении. Значимость ее трудно переоценить, так как она касается нашего культурного, духовного суверенитета.

В свое время мы создали «Фонд содействия развитию науки, культуры и кино - Одиссей». Главной целью было найти пути взаимодействия бизнеса с областями интеллектуальной и творческой активности, которым приходится очень сложно в трансформирующейся социально-политической и экономической среде. Там, где нам удавалось создать и реализовать совместный проект, наблюдался синергетический всплеск. Вдруг обнаруживалось, что все выигрывают от такого сотрудничества. Мы могли бы привести множество примеров такого успешного сотрудничества. (https://fondodissey.ru/o-fonde/). Но приведем только один – площадку МИР-Инфо - межнациональный информационный ресурс, который презентует Россию и, в частности, Крым как евразийское пространство Русской цивилизации. Все больше убеждаюсь, что мы должны уходить даже от разделяющих нас слов, например, «межнациональный», переходя к словам и стоящими за ними смыслами, объединяющими нас вокруг ядра этой цивилизации - русского народа.

IIPO3A

ГОМОНОВ ЮРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ

член Союза писателей России, член Российского философского общества, *Волгодонск.*

я русский

Я русский. Что происходит во мне, когда я произношу эти слова? Вспоминаются слова Лермонтова: «Люблю Россию я, но странною любовью, не победит её рассудок мой...».

Нет. Тут дело не в любви. Любовь обманчива. Даже зла. Тут что-то другое. Это как в сказке: «Сим, сим – открой дверь». И что-то действительно открывается. Я чувствую невидимый поток энергии, живой родник, который еле ощутимо наполняет меня. Что это? Ответа нет. Но есть результат. Распрямляется спина, грудь глубоко и с наслаждением вдыхает воздух. Я русский. Как хорошо! Меня не окружают берёзки. Я живу на Дону. От горизонта до горизонта Великая степь. Декорации не соответствуют ощущениям. Но это не важно. Я русский казак. И какие-то новые чувства наполняют меня. Ковыли, как знамёна, развеваются на просторе. Степь. Русская степь. И в душе с размахом пробуждаются слова: «Ой, да степь широкая...». Широкая, как русская душа.

Мне двадцать лет. Отслужив два года срочной службы, на поезде еду домой. По пути сцепился с группой пьяных кавказцев. Их десять, я один. Они затащили меня в тамбур, и я понимаю, всё – конец. И вдруг что-то внутри взыграло во мне. Нет страха. Одна мысль устойчиво бьётся в мозгу: «Пусть смотрят, как умрёт русский человек». Меня возмутила мысль, что эта пьяная свора думает, что может напугать и унизить меня, русского человека. Сейчас мне шестьдесят шесть лет, и я часто вспоминаю эту историю. В тот момент я стоял против

Посвящение Дарье Дугиной

них не за себя, а за Россию, за честь русского человека. Если бы это касалось только меня, я может быть, испугался. Но на кону стояла честь народа, и я не мог дать слабины. Это было всё интуитивно, изнутри, без какой-либо подготовки, на сущностном уровне. Я русский, и я не могу себя вести по-другому. Что-то помимо направляет меня, и я не могу и не хочу противиться этому. Смерть не страшна. Страшно бесчестие. Бесчестие в глазах собственного народа.

Сербия. Натовская бронеколонна движется по трассе и упирается в российский блокпост. Требует пропустить. На блокпосту пять десантников. Они созваниваются с командиром, и тот приказывает колонну не пропускать. Натовцы удивлены и говорят десантникам: «Нас же больше!» А те отвечают: «А мы русские!». Натовцы звонят в свой штаб. Объясняют ситуацию. Им отвечают: «Но вас же больше». А те в ответ: «Да они же русские». Колонна разворачивается и уходит. В восторге от ситуации я за двадцать минут пишу новую песню. Она начинается словами:

«Я не один на поле боя! За мной великая страна! Вскипает за моей спиною Побед могучая волна!

И руки наполняет сила. И душу покидает страх. И роет сам себе могилу Без боя побеждённый враг!

Я русский! Я русский!»

Южная Осетия. По трассе идёт грузинская бронеколонна. Навстречу ей выходит какой-то маленький башкир с большим пулемётом и посылает эту колонну в очень русском направлении. Грузины явно не согласны. Перспективы оказаться там, куда их посылает башкир, их явно не очень радуют. Но деваться некуда. Других вариантов он им не предлагает. Грузины покорно разворачиваются и идут туда, куда их послали. Свидетелями этому были иностранные журналисты. На следующий день в Европе выходит статья - «Трёхсот не надо. Достаточно одного». Его осетины несколько лет искали, чтобы наградить. Нашли. Наградили. А он и не догадывался, что совершил подвиг. Как это по-русски. Но он же не русский, он башкир. Нет, чёрт возьми. Он русский. Земля тут, что ли такая. Или ещё чтото, что очень не просто понять.

Что двигало мной? Что двигало десантниками? Что двигало башкиром? И таких ситуаций в истории России миллионы!

А что двигало этой девочкой — чистой, умной, красивой. Дашенька — зачем тебе Донбасс? Что ты там искала? Может быть то, что многие из нас потеряли — достоинство русского человека? А потом взрыв, а потом боль, а потом смерть. Потому, что искала то, что искать запрещено. Потому что нашла. Нашла! И заплатила за это жизнью.

Я мало что знал о тебе – Дарья Дугина, достойная дочь достойного отца. Нас познакомила с тобой твоя смерть. Ты ушла из этого мира, но душа моя стала полней.

Общаюсь с учёным, математиком. Работает в КБ «Сухой». Он говорит мне: «Нас было трое. Двоих убили». Общаюсь с доктором наук П.П. Гаряевым. Он мне говорит: «Чтоб меня не убили, я всё публикую». Когда Жарникова стала заниматься русской темой, её предупредили, что эта тема смертельно опасна. И вот уже незадолго до смерти она сказала: «Меня теперь поздно убивать. Я уже всё опубликовала». Она умерла от рака. Задорнов заикнулся о русском, тоже умер от рака. Мне тоже писали и угрожали, что если я не заткнусь, то меня ждёт судьба Задорнова и Хворостовского. Я не заткнулся. Пока живой. И жить буду долго. Не так уж они всесильны.

Принцип — убей лучшего из русских — действует по сей день. Потому что русских не должно быть. Потому что есть в них что-то такое, что не позволяет преступной своре обрести всемирную власть. И это «что-то» было и в десантниках, и в башкире, и в Дарье Дугиной. Вопрос, что это такое — пока остаётся открытым. Но мы попытаемся приоткрыть эту тайну.

Великий русский князь Святослав, окружённый войсками Ионана Цемисхия, обратился к своим войскам с такими словами: «Поляжем костьми, но не посрамим земли русской, ибо мёртвые срама не имут!» Его воины сняли доспехи, оголились по пояс, взяли мечи и вышли на свой последний бой. Бой чести. Император понял, что победить-то Святослава он сможет, но какой ценой?! И русских отпустили.

Что оставляют люди после себя на этой земле? Домохозяин – потомство. Торговец – богатство. А воин – имя. Имя, которое все последующие поколения будут повторять с трепетом и придыханием. Имя как образец чести и бескорыстного служения Родине.

Пересвет готовится к бою с Челубеем. Челубей победил во всех предшествующих поединках. У него длинное копьё, у Пересвета короче. Становится ясно, что с таким оружием победить его невозможно. И что же Пересвет придумал. Он сни-

мает с себя все доспехи. Расчёт на то, что когда Челубей пронзит его своим длинным копьём, Пересвет сможет дотянуться до него своим коротким и убить его. Доспехи не дадут легко пройти копью Челубея сквозь его тело. Для этого их нужно снять. Какой дьявольский расчёт русского монаха! И Челубей повержен. Пересвет тоже умирает, но он успевает вернуться к своим. Он победил. Русские вдохновлены и готовы к великому подвигу.

Что двигало язычником Святославом и христианином Пересветом? Чувство ответственности за целое. Чувство ответственности за Россию, за народ. Личное не имеет значения, когда на карту поставлена судьба и честь народа. Вот эта способность

поставить судьбу своего народа выше собственной и является одной из самых значительных черт русского человека.

Дарье ведь тоже угрожали. Обещали перерезать ей горло. Но если человек служит чему-то большему, чем он сам, его это не очень пугает. А она служила большему. Она служила России. А когда так живёшь, — умирать легко.

Как было у казаков — «сам умирай, а товарища выручай». Помните, как в Сирии наш сбитый лётчик Роман Николаевич Филиппов подорвал себя вместе с бандитами со словами: «Это вам за пацанов!» На Западе почти никто не понял этого поступка.

Помните наше русское — умрём за Родину. Умрём вместо Родины, а она пусть живёт. Способность к самопожертвованию — это удивительно русская черта. Она присуща многим народам, но в нас она выражена наиболее ярко. Когда я читал воспоминания маршала Чуйкова, меня потрясли его слова о солдатах: «Я посылаю вас на смерть, а вы прикрываете меня своими телами!» Я почувствовал, какое потрясение испытал сам Чуйков, когда писал эти строки. Этот железный человек, с грубыми мужскими чертами лица.

Если мы проведём линию от Святослава до настоящего времени, то увидим, что ничего существенно не изменилось в русском характере. Жертвовать личным ради целого — это наша общая национальная черта. В этом наша главная сила, но не только в этом.

Лев Гумилёв писал, что русские позже других народов вышли из Золотого Века и потому сохранили в себе некоторую наивность и веру данному слову. Путин очень точно назвал Запад империей лжи. Ложь — это то, что сделало Запад великим. А у русских всегда была непонятная цивилизованному Западу тяга к справедливости и правде. Изучая греческую мифологию, я заметил одну очень странную вещь, имеющую значение и в настоящее время.

Греческие боги победили титанов с помощью обмана и лжи. Главным их оружием были страх и молва. Это вам ничего не напоминает? Страх и молва — это оружие современного Запада, который всегда поклонялся греческой культуре и по все-

му миру понаставил идолы греческих богов. Титаны, как и асуры ведической мифологии, вообще не умели лгать. Гермес, с помощью обмана, приковал Атланта к небу. Вишну, с помощью обмана, отнял у асура Балу все миры. Одиссей, с помощью обмана, взял Трою. А в Махабхарате сказано: «Война достойных, это война без хитростей и обмана». Кауравы у Пандавов с помощью обмана отняли царство. С помощью обмана был развален Советский Союз.

Так что титаномахия продолжается, господа! Борьба богов и Титанов. Уже много тысячелетий на земле существуют два фронта: фронт правды и фронт лжи. И фронт правды в настоящее время проходит по территории современной России. Мы, как и древние титаны, всё время ищем правду, и, как они же, постоянно ловимся на лжи. Видимо, не зря Нострадамус называл Россию страной титанов. Да и не только он.

Что делала Дарья на Донбассе? Она искала правду. За что её убили? За то, что она её нашла! В наше время за правду приходится платить очень дорого — кровью наших детей.

Стремление к правде и самопожертвованию объединяют в одну нить все поколения русского народа. Я не хочу здесь писать о том, что смерть Даши не напрасна, и тому подобное. Всё это понятно и достаточно банально. Мы живём так потому, что по-другому не можем и не хотим. Стремление к правде записано в нашем генетическом коде и за неё мы можем пожертвовать всем, чем угодно, потому что мы такие. И другими быть не хотим. Такими нас создал Бог. И мы не можем поступать по-другому, иначе перестанем быть русскими.

У Единого Бога есть планы на каждый народ, и, если он в кого-то вложил воинский дух, а в кого-то торгашеский, значит, так нужно. У каждого народа, как и в оркестре, в руках свой инструмент. Каждый народ в единой симфонии мира играет свою партию, и в результате звучит прекрасная музыка жизни. Если из оркестра убрать какой-то инструмент, партитуру нужно будет менять, и симфония станет беднее. А если в нём останется только гражданин мира... сами понимаете, что произойдёт. Будет унылый и монотонный звук.

Пусть звучат над нашей землёй мелодии самопожертвования и стремления к правде! Мелодии русского духа. И в этом дивном звучании мне слышится голос Дарьи — звонкий, девичий, как звон серебряного колокольчика, в котором звучат иногда и стальные ноты. Смерть на поле боя молодой красивой женщины — это укор всем нам — мужчинам. Мы не уберегли девушку, женщину... Тяжело это осознавать. Но таковы реалии современного мира.

Кроме выше перечисленного, есть и другие особенности русского племени. Достоевский писал о некой странности русского человека. О его умении с испанцем быть испанцем, с немцем — немцем, и так далее. Немец — он везде немец, англичанин везде англичанин, а с русскими всё иначе.

Когда были события в Беслане, я написал стихотворение о происходящем и принёс его в информационный центр. Его прочитали и спросили: «Вы осетин?» «Нет» – ответил я. Они снова спросили: «У вас там родственники?» Я снова ответил отрицательно.

Когда я читал это стихотворение осетинам, они мне сказали, что я в нём выразил то, что пытались выразить осетинские поэты, но не смогли.

Когда я армянам читал своё стихотворение «Посвящение геноциду армян», они мне сказали, что такое стихотворение невозможно было написать, не пропустив всю эту боль через себя.

Когда я сам читаю стихотворение, посвящённое атомной бомбардировке Хиросимы, у меня у самого появляется полное ощущение того, что я там был.

Я всегда думал, что это какая-то моя индивидуальная особенность, но после слов Достоевского мне стало ясно, что всё это происходит со мной потому, что я русский.

И дело тут не в способности к сопереживанию, а в способности оказаться в нужное время в нужном месте и пропустить конкретное событие через себя так, как будто это происходит с тобой — армянином, осетином, японцем, хотя при всём при этом ты остаёшься русским.

Ты находишься там. Ты один из них. И всё это ты видишь, чувствуешь, ощущаешь потому, что ты русский.

Есть древнее ведическое: «я – это ты, ты – это я». Если это происходит с тобой, значит и со мной – ибо всё едино. Вот это чувство единства отдельного со всеобщим и является отличительной чертой русского человека.

Быть русским — это значит быть всем. Среди русских никогда не приживалась идея о некоей собственной избранности, исключительности, потому что где-то подспудно было глубокое ощущение, что всё едино, что всё это есть Бог.

Бог упанишад, сотворив весь мир, сказал: «Я есмъ творение!». Весь этот мир и есть Бог. И в русском человеке где-то в сокровенных глубинах души живёт это чувство неотделённости индивидуального «Я» от единого «Целого». И потому нет чужой боли. Нет чужой радости. А есть единый мир, в котором всё со всем связано.

Есть ещё один интересный момент, почему среди русских так и не прижилось чувство национального превосходства. Попытки такие были, но они ни к чему не привели. Так почему же?

Я думаю, это связано со способностью русского человека видеть мудрость и красоту там, где она есть, невзирая ни на национальную, ни на расовую принадлежность оной.

Русский человек может равно восхищаться музыкой Моцарта и поэзией Мацуо Басё. Философией упанишад и африканскими ритмами. Живописью Ван Гога и Цы Бай Ши. Арабскими танцами и русской раздольной песней.

Мы интуитивно не делим прекрасное на своё и чужое. Культура, она и есть культура, а какой народ является автором того или иного шедевра для русских не имеет значения.

Вот из этой способности видеть прекрасное там, где оно есть, и выросла невозможность чувства национального превосходства.

Ценя своё, мы можем ценить и чужое, и потому фашизм и нацизм у нас невозможен. Все эти «измы» выросли из неспособности того или иного

¹ «Велесова книга» — крайне спорный по своему происхождению текст, среди любителей древности и неоязычников считающийся частью «славянских вед» (прим. ред.) народа объективно оценивать окружающий мир. Это и породило чувство особенности и исключительности.

Есть ещё одно очень интересное качество русского народа, которое отсылает нас в глубокую скифскую древность.

Скифы считали себя хранителями мирового равновесия, а Крым — центром мирового равновесия. Если мы внимательно присмотримся к нашей истории, то увидим, что вольно или невольно мы тоже являемся хранителями равновесия в мире. Мы во все времена ставили на место тех, кто пытался его нарушить. Для всех одержимых идеей мирового господства последним препятствием всегда была Россия. Это происходит и в настоящее время.

Безумный фашистский Запад, одержимый идеей собственной исключительности, опять стремится к мировому господству. И опять на его пути несокрушимая Россия.

В девяностых Россия лежала в руинах. С ней было уже покончено. Но у нас есть такая игрушка – Ванька-встанька. Как его к земле ни прижимай, он всё равно встанет. В «Велесовой книге» сказано: «Сто раз гибла русская земля и сто раз возрождалась». Что-то не так с нашими победами. При всём видимом превосходстве врага, в конечном счёте, мы всегда побеждаем. И это наталкивает меня на некоторые не совсем научные размышления.

Сущее возложило на каждый народ свою особенную миссию. И если русские, как и скифы, действительно являются хранителями мирового равновесия, то по всей видимости, то же Сущее, в экстремальных исторических ситуациях даёт русскому народу дополнительные силы для исполнения той миссии, которая на него возложена. Думаю, здесь разгадки всех русских побед, да и феномена русского — в целом.

Мы никогда не стремились к мировому господству. Суть русского характера выразил скифский царь в диалоге с Александром Македонским. Он сказал ему: «Мы ни над кем не хотим властвовать, но и над собой властвовать никому не дадим». Это было сказано очень давно, но мы до сих пор так живём.

В настоящее время мировое равновесие снова нарушено. Опять взбесившаяся западная свора

рвётся к мировому господству. Чувство собственной неполноценности они пытаются компенсировать абсолютной властью над миром. Полноценным такая власть не нужна. И опять на линию огня выходит русский народ, а вместе с ним на борьбу поднимаются и другие народы, чьи ценности созвучны с нашими ценностями.

И снова воины Святослава оголяют могучие торсы и берут в свои руки прямые мечи. И снова могучий Пересвет готовится к последнему бою. И снова двадцать восемь панфиловцев сжимают в своих руках противотанковые гранаты. А вместе с ними, – погибшими, но воскресшими, – идёт девушка Даша. Она прижимает к груди свою книгу. Это её оружие. Это её меч. Это её граната. Почему она здесь? Да потому, что она русская. И где ещё быть русскому человеку, когда в опасности Родина?

Вспоминается кинохроника военных лет. Камера медленно показывает цех, в котором куётся оружие победы, затем станок, около станка постель, а в постели...кукла! Шок! Эта девочка сутками работает у станка, около него спит, обнявшись с куклой, и снова работает. Страна в опасности. Иначе нельзя. А почему нельзя иначе?

Вспоминается фильм, основанный на реальных событиях. Война. Не успели эвакуировать детский дом, и группа вооружённых мужчин выводит детей лесными тропами к своим. Это чужие им дети. Они не только разных национальностей, но и разных рас. Но для вооружённых мужчин это не имеет значения. Для них они всё равно дети, и их нужно спасти. А за ними идут представители цивилизованного Запада. Они хотели отправить этих детей в концлагерь для того, чтобы выкачивать у них кровь для представителей «высшей» расы. Но наши им этого сделать не дали. В постоянных стычках с фашистами мужчин становится всё меньше, но оставшиеся всё-таки доводят детей до своих и спасают их жизни, пожертвовав своими.

Эта история является для меня глобальной метафорой происходящего. Это война людей с людоедами. И именно поэтому нельзя иначе. Именно поэтому девочка спит у станка. Необходимо перенапряжение всех человеческих и нечеловеческих сил всего нашего народа «от мала до велика».

А это мы делать умели и умеем. Именно поэтому Пересвет снимает доспехи, девочка спит у станка, а Дарья Дугина едет в Донбасс.

Мы такие, какие мы есть, и не хотим быть другими. Быть русским — это значит хранить равновесие в мире. Эта миссия возложена на нас самим Богом. А для этого нужно жить правдой, быть способным к самопожертвованию и понимать всех, как себя. Не устанавливать дистанцию между собой и другими народами. Пока мы такие, какие мы есть, — Земля в безопасности. Миру быть. Умрёт русский народ, умрёт и Земля. Со смертью русского — в неэтническом понимании этого слова — нарушится равновесие в мире. А там, где нет равновесия, нет и жизни. В разные исторические периоды хранителями равновесия в мире были разные народы. В настоящее время эта миссия возложена на нас.

С годами мне всё тяжелее смотреть старый советский фильм «А зори здесь тихие». Он мне всю душу вымотал. Пять девчонок и смешной старшина уничтожили элитный немецкий отряд. Девчонки погибли все, а старшина остался с вечной мукой в душе. Что-то подобное чувствую и я после смерти Даши. Говорят, мы живём не одну жизнь. Мне очень хочется в это верить, и дай тебе Бог родиться снова в другое время в этой же стране, но без этой войны и боли. В стране, в которой не нужно будет жертвовать жизнью за правду.

ШЕВЧЕНКО ОПЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

доктор философских наук, доцент, *Евпатория.*

GRET BO THME

Здесь Аджимушкай...

Здесь боли тишина и стойкости печаль,

Здесь детские игрушки – под грудой ржавых гильз.

Здесь судороги ушедших - страданий и обид,

Здесь смерть и мрак несбывшихся надежд.

Здесь душ измученных - истерзанный венец.

Здесь плачь камней, впитавших боль людей.

Здесь! Будущего! НЕТ!

Здесь настоящее – лишь трепетная тень.

Здесь шорох камня, растущего с глубин,

Здесь небосвод раздавливает плечи,

Здесь штольни, штреки, тьма и стоны призрачных теней.

Здесь газовый дурман и слабый свет геройства детских тел,

Здесь мысли тонут, а чувства просят воли...

Здесь нет пустот, но и физических объектов тоже нет.

Здесь все пространство полно боли...

Здесь Аджимушкай,

И этого, пожалуй, куда как более довольно.

- Ма-а-ма! Мамочка! Ты где!?
- Я здесь, малышка. Тише.
- Мамочка, а ты не уйдешь?
- Нет, мое солнышко.
- Мамочка, а где бабушка?
- Она... она...
- Ушла?
- Да, мое золотце.
- Она ушла смотреть на солнышко и слушать птичек?
  - Да.
  - А мы? Когда мы посмотрим на солнышко?
- Ты ведь уже взрослая. И знаешь, что нам нельзя. Там. Наверху. **Фашисты**.
  - Они нас скушают?
  - Нет. Просто убьют.
  - Как папу?
  - Замолчи. Папу не убили. Он просто... просто...
  - Ушел?
  - Да.
- Мамочка, но ведь тогда все, все ушли. И папа,
   и бабушка, и Мишка, и командир папы... Все. Все.

Тяжкий вздох.

- Мамочка.
- Тише. Тише. Я здесь рядышком. Просто молчу.
- Мамочка, не надо молчать. Бабушка тоже сначала молчала, молчала... а потом ушла. Не молчи, а то ты тоже уйдешь.
- Хорошо, Настенька. Я не буду молчать. Только о чем тебе говорить? Хочешь сказку?
- Хочу. Мамочка, расскажи сказку о том... про то... Мамочка, скажи, а звезды бывают?
  - Да.
- Скажи, а ветер это когда, когда... когда нет темноты и все улыбаются?
  - Почему ты так думаешь, малышка?
- Раньше. Когда мы не пришли сюда. Когда мы жили наверху. Я помню, мамочка, что все улыбались, а когда улыбались, был ветер... И солнце было. Мамочка, я помню солнышко!

Тяжкий вздох.

Мамочка, а вот звезды я плохо помню. –
 Всхлип. – Я была такой глупенькой.

Мамочка, я, я не хотела смотреть. А сейчас я бы только смотрела... и папу

слушалась. А он ушел, потому что я была плохой?

Тихий сдержанный стон.

- Мамочка... мамочка...

Тишина.

Грубый мужской голос.

- Тише, малышка, тише.
- Ой,.. мамочка, где ты, где? Скажи.
- Не надо. Тише.
- Но где ее ручка? Мама, дай ручку. Мама, ты где?
- Она... она...
- Ушла?
- Да...
- Но я ведь только о солнышке говорила. Она обиделась, что я помню ветер и птичек?

- Нет, что ты! просто... просто... она ушла искать папу.
  - И бабушку?
  - Да... бабушку.
  - А вы кто?
  - Друг. Друг твоего папы. Фоменко.
  - Ты политрук?
- Да. Пойдем со мной. Глубже. В убежище. Скоро будет газовая атака.
  - А что это ты мне даешь?
  - Это противогаз. Возьми.
  - А ты?
  - А я так, сквозь тряпочку...

Из официального отчета судебной медицинской экспертизы

«...В 2007 году в одной из штолен Аджимушкайских каменоломен поисковой группой из Одессы было найдено два тела. Мужчина крепкого телосложения в форме младшего политрука и девочка 3-х-4-х лет. На девочке был противогаз, на

лице мужчины ветхая тряпица. Их тела указывали на газовое убежище, до которого они не дошли 70 метров...

Судя по положению костяков, мужчина упал первым. Затем упала девочка (экспертиза показала, что противогаз в силу большой концентрации газов не смог защитить тело от отравления). Последними движениями мужчины были судорожные попытки толкать лежащую девочку в направлении газового убежища. Согласно проведенным анализам грунта, мужчина сумел продвинуть тело девочки более чем на 80 метров от места ее падения.

Моделирование на вычислительной технике исходя из параметров, поддающихся учету (относительная концентрация газа, его тактико-технические данные, уровень поглощения, анализ степени накопления газов в костяках и т.д. - всего около 60 параметров), вывело однозначный результат: падение мужчины было вызвано нервнопаралитическим воздействием газа. Результатом такого воздействия являются сильнейшие судороги конечностей, непреодолимые фантомные боли в нервных окончаниях с остановкой сердечной мышцы в течение 3-6 минут с момента падения тела. Пояснить. как в таких условиях была возможна осознанная целенаправленная деятельность, требующая большой точности моторики и концентрации физических усилий, - не представляется возможным.

Главный судмедэксперт

Восточного отделения Главка МВД в Крыму Деборин Г.А.»

почем нынче хоккайдо?

- Как вы смотрите на то, чтобы Россия потеряла город Благовещенск?
  - Отрицательно смотрю.
- Готовы ли вы ради города Благовещенска пожертвовать стихотворением Михаила Юрьевича Лермонтова «Умирающий гладиатор»?
  - Конечно! Тем более, что я его и не знаю-то...

А, *значитца*, не велика потеря... Да и кто знает-то? Вот если бы вы Бородино назвали-то, вот тогда бы я отказался. Так-то!

Хладнокровный, сухощавый, совсем не похожий на инопланетянина, — если бы не лицо вечернего голубоватого снега, — продавец, понимающе наклонил голову. А рослый, с дорогущим перстнем на пальце, покупатель гордо улыбнулся в кинокамеру. Ему было чем гордиться. Он отстоял для России целый город, и эта его улыбка сейчас светилась на всех электронных таблоидах, на всех телевизионных экранах, на всех планшетах, смартфонах. Айфонах и иной многочисленной электронной орде, имя которой — легион. Светилась вне всякого спроса со стороны владельцев электроники. Принудительно. Снежнолицые обладали воистину великими технологиями. И они всегда предлагали второй тур.

- Не желаете ли увеличить размеры и мощь вашей Родины?
  - Хочу! Очень хочу-то. Я Патриот!
- Как вы смотрите относительно покупки острова Хоккайдо?
- Ну, нормально-то... А... А можно сыграть на Аляску?
- Пожалуй, нет. Но мы можем предложить вам часть Аляски. Правда, не большую, но обладание этой частью превратит Берингов пролив де-факто во внутренние воды России. Скажем, на 150 километров от Берингова пролива вглубь Аляски. Плюс острова Алеутской гряды.
  - Сколько-то?
- Быть может, тургеневскую «Асю» и стихотворение «Век» Осипа Эмильевича Мандельштама?
- Идет! Согласен. Какую-то слезливую хре.. ху... фигню и стишки жиденка? Конечно, согласен.
- По условиям сделки вы обязаны прослушать одно из произведений, чтобы убедиться, что вы понимаете, чем жертвуете. И по итогам прослушивания вы можете изменить свое мнение.
  - А какое произведение короче?
    - «Век»
    - Ну, его-то и давайте. Век мой, зверь мой, кто сумеет Заглянуть в твои зрачки И своею кровью склеит Двух столетий позвонки? Кровь-строительница хлещет Горлом из земных вещей,

Захребетник лишь трепещет На пороге новых дней. Тварь, покуда жизнь хватает, Донести хребет должна, И невидимым играет Позвоночником волна. Словно нежный хряш ребенка Век младенческой земли -Снова в жертву, как ягненка. Темя жизни принесли. Чтобы вырвать век из плена, Чтобы новый мир начать, Узловатых дней колена Нужно флейтою связать. Это век волну колышет Человеческой тоской, И в траве гадюка дышит Мерой века золотой. И еще набухнут почки, Брызнет зелени побег, Но разбит твой позвоночник, Мой прекрасный жалкий век! И с бессмысленной улыбкой Вспять глядишь, жесток и слаб. Словно зверь, когда-то гибкий, На следы своих же лап. Кровь-строительница хлещет Горлом из земных вещей, И горячей рыбой мещет В берег теплый хряш морей. И с высокой сетки птичьей, От лазурных влажных глыб Льется, льется безразличье На смертельный твой ушиб.

- И за вот это мы получим Алеутские острова?
- Да. За Асю вы забираете часть территории Аляски.
  - Согласен.

- СВЕРШИЛОСЬ.

С последним звуком на всех электронных устройствах человечества появилась карта, где новые территории были раскрашены в российский триколор. Все, кто населял территории, автоматически стано-

вились гражданами России. Но им можно было в семидневный срок покинуть территорию, отходящую к Российской Федерации, с личным имуществом — не более тридцати килограммов на человека. Со своих счетов можно было снять до трех средних зарплат по региону. Все остальное движимое и недвижимое имущество оставлялось. Финансовые счета, оборудование, дома, цветы в горшочках и все-все, чем обрастает человек за время своей земной юдоли. Порча имущества — категорически запрещалась. За неисполнение условий сделки предусматривалась только одна кара — смерть. Льдистые лица следили за этим строго, аккуратно, неукоснительно. Их инопланетные технологии обеспечивали стопроцентное исполнение условий сделки.

Сразу после сакраментального «СВЕРШИЛОСЬ» запускалось еще два очень стремительных процесса.

Первый процесс был грубым и физическим. Во всех библиотеках мира, во всех личных собраниях, на серверах, флешках, на всем электронном оборудовании... Везде: в казематах под землей, на орбитальных спутниках, в толщи океанских глубин, литературные произведения (и их переводы с языка оригинала), ценой которых покупалась мощь России, превращались в горстку чистейшего, почти невесомого, тончайшего, снежно-белого песка. Причем объем песка – меньше четверти спичечного ко-

робка — был одинаков: шла ли речь о килобайтах на флешке или бумажных килограммах в библиотеке.

Второй процесс был тоньше. Из всех людей исчезали образы, слова, эмоции, картинки, связанные с чтением этих литературных произведений.

После слова «СВЕРШИЛОСЬ», Сергей Иванович Булыгин смахнул с ноутбука песочек. Удивлен он был без меры, ибо до этого мгновения и не догадывался, что на его «рабочей лошадке» хранились такие тексты.

Инопланетные снеговики после окончания сделки рассылали в принудительном порядке на все электронные устройства список потерянных литературных произведений и их краткую аннотацию. После прочтения каждый был волен решать: сохранять присланный материальчик или удалять. Большинство удаляло.

Ноутбук тренькнул. Пришел файл о сделке. Сергей Иванович глянул на присланный текст:

- «1. М.Ю. Лермонтов. «Умирающий гладиатор» первая половина произведения вольный перевод из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд» (песнь IV). М.Ю. Лермонтов обратился к тем строкам английского поэта, в которых дано трагическое описание гибели римского гладиатора на потеху бездушной толпе. Вторая часть вполне оригинальна. Используя символические образы «развратного мира» и «жалкого раба», который погиб «бесчувственной толпы минутною забавой», М.Ю. Лермонтов размышляет о духовном кризисе европейского общества, сравнивая судьбу западной цивилизации с бесславной участью умирающего гладиатора.
- 2. О.Э. Мандельштам. «Век» стихотворение о том, как беспощадно революция сметает все на своем пути, и создается новый мир. Для Осипа Мандельштама «новый век» будет самым важным периодом жизни, так как он станет его певцом и его жертвой.
- 3. И.С. Тургенев. «Ася» это очень милая, добрая, нежная и лиричная история. Тургенев очень ярко представил персонажей как саму девушку Асю, так и ее брата и господина Н.»

Сергей Иванович пожал плечами:

«Ничего особенного, – подумал он. – Не очень-то и серьезная потеря. Никак не сравнить с потерей

нашей родной земли или приобретения форпоста на Аляске. Не убудет же. в самом деле. от нашей литературы из-за потери повестушки о девушке, псевдобайроновской поделке Лермонтова или жутковатой декадентщины Мандельштама? А взамен! Прибыль-то какова! Мы снова на Аляске! Хотя Лермонтов... Вот от кого бы я точно отказался, так это от всего поэтического творчества Слепакова, - продолжал убеждать себя Булыгин. – Я бы обменял его творчество на Мадагаскар или хотя бы на остров Маврикий, да хоть на безымянную скалу в Тихом океане или сопку в Маньчжурии. Все Отечеству прибыль. Так ведь нет. Не предлагают эти морозные хари Слепакова... или Акунина. Им подавай уже умерших писателей и поэтов. От современных они нос почему-то воротят. Вот отчего, а? Быть может, потому, что по фабуле автор вновь сможет текст сотворить? Или брезгуют инопланетяне нами, современниками? Не ясно.

Для Сергея Ивановича, как и для многих и многих землян, во всей этой истории были одни неясности. Только лишь география находилась в полной ясности. Бери или отдавай. И не балуй.

Если выкупил Благовещенск, — владей, — отчетливо подумал вдруг Булыгин и немного затосковал. — А жаль все-таки «Гладиатора»... Было в нем что-то такое... такое, жаль, одним словом. Хотя и Благовещенск потерять тоже ой как не хотелось. Стратегический город, однако, важный фактор в игре с Китаем».

Мысли понемногу опять затухали. Ведь следующая сделка будет только через неделю, в четверг, вечером, после обязательного пятиминутного всероссийского дождичка, который устраивали с маниакальным упрямством пришельцы.

С момента первой сделки прошло уже больше тридцати сделок. Многие стирали их результат так же, как Сергей Иванович, и не смотрели в статистику. Общими стали разговоры о потере культуры. Булыгин, как профессиональный гуманитарий, помнил еще худо-бедно, что была продана переписка Ивана Грозного с князем Курбским, а взамен Россия приобрела все побережье Финского залива. Нет больше на планете гончаровского «Фрегата «Паллада», но зато есть у россиян остров Мадейра. Нет

также ни «Войны», ни «Мира» Толстого, но плоть государства обросла шестьюдесятью процентами территории Польши: Висла — полностью русская река по обоим берегам и даже кое-где языки территории российской державы прикоснулись к Одеру.

«Вообще, - считал Сергей Иванович, - здорово мы, русские патриоты, морознорожих надурили. Исчезают ведь только книги и тексты, ну, там память о текстах исчезает. Но. помимо буковок, есть и иные тексты. Кино, например, чем не текст! Он, Булыгин, как философ, это любому докажет. Ведь «Война и Мир» Толстого экранизирована. Великий Бондарчук снимал! А кому хочется буковок - тоже не проблема. Исчезли ведь литературные произведения и цитаты из них, но аннотации, рецензии, обзоры, научные монографии и диссертации - остались. Читай не хочу! Поднимай культуру и возвращай Толстого в русский мир! Наверное, то, что написал Толстой, уже и не важно. Главное, что о нем думали и думают: режиссёры, критики, зрители. А взамен: Аляска, Финский залив, Польша – да мало ли что еще за время сделок Россия получила! Инопланетные льдышки следят за порядком, чтобы не было эксцессов. И почему они только с русскими сделки совершают? Весь мир трепещет. Одна мысль у иностранцев бьется в черепушке: «Какой следующая покупка будет: Калифорния, Берлин или... река Нил». Все что угодно может быть. Непредсказуемо.

В выборе покупателя тоже все очень просто. Случайным образом избирают любого гражданина России старше шестнадцати лет, живущего последние шестнадцать лет на территории России, не психбольного. Все. Могут даже человека при смерти вызвать. Временно отсрочивают гибель, совершают сделку и возвращают человека в его прежнее смертельное состояние. Один раз даже с

операционного стола ледяные кудесники достали. С того стола, откуда уготовлен один путь. - в морг. Так этот придурок, без пяти секунд труп, Евпаторию туркам отдал. И ради чего? - вновь начал заводиться Сергей Иванович. - Ради повести Чехова «Степь». Да зачем она нужна без Евпатории, «Степь» эта проклятущая! Но мало того, тот мужик еще и отказался от возможности сделать Каспийское море внутренним морем России. Могли ведь отжать себе все побережье на 200 километров! И было бы у России Каспийское озеро. И стоило это сущие пустяки: какая-то шмелевская «Неупиваемая чаша». Эх, - осерчал Булыгин, - сидя за ноутбуком и пялясь на белый песочек, который смахнул с ноутбука на темную полироль совдеповского письменного стола. - Потеряли Каспий и Евпаторию. Но ничего, все равно ту «Степь» сбагрили за казахский берег реки Урал (Сергей Иванович даже помнил ту девочку-конфеточку, которая на это пошла... из тех, кто под японских-няшек маскируется, аниме-кицунэ изображают). А на шмелевскую «Чашу» мы купили Шпицберген. Весь. Без остатка. В полный суверенитет.

Вот только Евпатория, — сокрушался Сергей Иванович. — Из-за того козла так и осталась турецкой. Ну, читал я критику той «Степи», ну, смотрел кино. И что? Едет сопляк с обозом по степи из точки «А» в точку «Б». Ну, болеет. Ну, типы всякие ему по пути встречаются, — мелочь, одним словом. А Евпаторию жаль. Я там не был, правда, — честно признался себе Булыгин. — Но, говорят, классный курорт, песочек горячий и мелкий, море теплое, ласковое. И вот туркам ушло. Может, выставят снова на продажу пришельцы морозостойкие? Я бы за него даже пушкинского «Пророка» отдал... хотя, нет. Жалко как-то. Но ведь Евпатория... песочек...».

ГУРЕВИЧ ИГОРЬ ДАВИДОВИЧ член Союза писателей России, *Архангельск.*

верблюд и дружба народов

Мы продолжали ехать на посевную. Бесконечно долго и весело. Впрочем, все когда-нибудь кончается. Веселье кончилось быстрее, чем долгая дорога в степи. Выпили все, что пилось и разводилось. Скакать по разгоряченным крышам на вторые сутки стало невмоготу. Песни под гитару шли по третьему кругу, тем более что выбор был не особо велик. Немного Визбора, немного эмигрантов и так, по мелочи. Самое неприятное в том, что иссякло курево. С этим так всегда. Сколько ни запасайся. А потому, что на одного запасливого, как ни крути, выпадал десяток стрелков. И ведь не угостить нельзя — не по-братски.

Все пять вагонов были забиты студентами-недомерками первого-второго курса, впритык по шестеро-семеро в плацкартных отсеках и по двое-трое в проходах. Квасить стали еще накануне ночной посадки. И, как полагается, команду «По вагонам!» выполнили далеко не все. В числе курьезов не выполнивший команду куратор второго вагона, аспирант-первогодок, отправленный надзирать за филологами. Остальные - физики, биологи-химики, географы и историки - своих вертухаев сохранили. Впрочем, помехой они особой не были. Некоторые, напротив, оказались очень даже полезны. Храня свежие воспоминания о веселой студенческой молодости и явно тоскуя о ней в скудной событиями аспирантской подневольной жизни, они не только с охотой вдавались в исторические экскурсы своего студенчества в гитарном кругу молодняка, не только подпевали, запивали, пригубливали, но и разливали из собственных запасов.

Гудеж продолжался всю ночь и весь первый день. Девчонок в этом мужском разгуле набралось на пару купейных отсеков. Их берегли. В задернутые откуда-то добытыми серыми застиранными простынями проемы не врывались. С приставаниями не лезли. В основе своей дамы были разобраны еше на большой земле. Они и брались на посевную в качестве поварих-посудомойщиц - по две на бригаду из двенадцати особей мужского пола. При этом в закрепленной бригаде каждая дама имела своего героя - избранника сердца. Мужское заблуждение заключалось в том, что нам казалось, будто это всё было наоборот. Во время затянувшегося следования к месту назначения дамы нас в этом не разубеждали. О чем-то без умолку шушукаясь в своих занавешенных купешках, вызывая по очереди на разговор воздыхателей, позволяя полюбоваться собой, они периодически присоединялись к компаниям, пригубливали дрянное винцо, извинялись и отплывали в сопровождении все тех же заплетающихся в собственных ногах воздыхателях. Некоторые, как моя Ольга, позволяли себе слегка расслабиться на один-два захода. Но это была лишь дорога.

О, женское вероломство! Они лучше нас знали, что все когда-нибудь кончается землей, чертой оседлости. А там, когда уже нет риска «за борт в набежавшую волну», там уже наступали их законы. И сила красоты сводила сума двенадцать озабоченных мужиков, беснующихся без армейской

компотной добавки... И наши вмиг превращались в охотниц за привидениями, выискивали себе жертв и получали удовольствие по полной: один таскал цветы, другой пел романсы, третий писал стихи, четвертый тайно от первых трех утешал разгоряченную бабью плоть. При этом надежды питали все, поскольку поцелуи, раздаваемые каждому, за грех не считались. Потом все четверо странным образом узнавали о подвигах и надеждах друг друга и устраивали ристалища, и не только словесные. Дама обмахивалась веером и бросала перчатку победителю. Интеллигенция...

«Да набейте вы ей морду!» — мудро советовали местные. Но мы лицами темнели, разливали, заглатывали, выходили на воздух поговорить на двоих, курили до тошноты, наносили хук справа недавнему другу, но им — избранницам, которых мы же выволокли в эту широкую степь, чтобы без нас не тосковали, — им, дамам нашего сердца, таким нежным и преданным еще недавно в дороге, «фейсов» не чистили, даже вожжами по крупу не охаживали. В общем, вырожденцы советского строя, да и только!

А может, и не так все? Может, на самом деле просто гусары, рыцари чести, настоящие мужчины? Заур в этом ни на минуту не сомневался. Мужчина на женщину руку не поднимет. Мужчина не плачет. Мужчина не предает. И вообще, настоящий мужчина — грузин.

От похмелья Заурий не страдал и в поисках курева вагоны не шерстил. Во-первых, кроме того, что красив, был высок, широк в плечах, в питии вынослив, а к куреву вовсе не пристрастен. И потому, не оценив нашей тоски по вчерашнему веселью, он отправился к даме сердца по имени Наташа. И был допущен ею с согласия попутчиц в отсек на чай с сухариками, поскольку перегаром и табаком не пах, имел вид опрятный и свежий, на зависть оставшимся по ту сторону занавески.

- Грузин, резюмировал Вовка. И полез остужать голову на крышу вагона. Одна радость сегодня было прохладно и свежо после утреннего дождя.
  - Надолго ли? К полудню солнце все выпарит.
- Заткнись. Не умничай, Вовка улегся на спину. Я остался сидеть, согнув и обхватив руками колени.

Поезд дернулся. Встал. Степь. Серо-зеленая. К запаху полыни от влаги примешивалось еще чтото сладкое.

- Смотри, ткнул я Вовку. Верблюд.
- Ну, и что.
- Верблюд лежит. У него два горба, наполненные. Можно забраться.
  - Иди, забирайся.
  - А ты?
  - А мне плохо.
  - И мне плохо.
  - Тогда, какого ...
- Но ведь верблюд. Лежит. Помнишь, «Джентльмены удачи»?
- Я еще и «Двенадцать стульев» помню, пробурчал Вовка.

Заур не дал развиться больному трепу похмельных придурков на крыше вагона. Красивый, широкоплечий, свежевыбритый, приятно пахнущий грузин, спрыгнув с вагона, шел через степь к застывшему, подогнув под себя ноги, верблюду. Шел уверенной размашистой походкой, по-хозяйски. Его заметили. Над вагонами стали всплывать гудящие головы. В проемах дверей появлялись опухшие лица. Кое-кто сполз по поручням на землю. Верблюд повернул голову в сторону Заура. С крыши не было видно, но казалось, у верблюда глаза расширились и шикарные ресницы вспорхнули вверх. Во всяком случае, жевать верблюд перестал, это точно. Нижняя челюсть так и замерла где-то внизу, приоткрывая тупые крупные зубы. Ни у кого из зрителей, в том числе у верблюда, не вызывало сомнения то, что Заур направлялся к несчастному животному с какими-то пакостными намерениями. Для владеющих человеческим языком и находящихся в районе второго вагона эти намерения были яснее лунной ночи - в тихо поющем степном пространстве отчетливо раздавалось женское сопрано:

- Заурчик, приведи его ко мне.
- Во что с мужиком делает! возмутился я.
- Он не мужик, он грузин. К тому же не болеет, прокомментировал Вовка.

Не болеющий грузин достиг верблюда и встал возле него в раздумье. Ни на морде, ни на шее верблюда ничего, даже отдаленно напоминающего уздечку, петлю или просто веревку, не было. Заур погладил животное по шее и что-то стал ему говорить. С крыши слышно не было.

- Как ты думаешь, он с ним по-грузински или по-русски разговаривает? поинтересовался Вовка.
  - По-казахски, наверное.
  - Силен!

Верблюд, однако, на поглаживания и уговоры отреагировал однозначно. Поскольку от подошедшего человека явной угрозы не исходило, и вел он себя не шумно, даже ласково, верблюд возобновил жвачку и отвернулся в противоположную сторону. Заур повернулся к вагону.

- Ну, Заурчик! - пропело оттуда.

Заур зашел к верблюду со стороны отвернутой морды и взял животину за уши.

Опа! – цирк обещал стать зрелищным. Народ вокруг взбодрился.

Верблюд резко мотнул головой, но миролюбивое лежание продолжил.

- А ты сядь на него, посоветовал кто-то.
- Давай, давай, стало раздаваться со всех сторон.

Заур решительно взялся за передний горб и перебросил ногу.

Со стороны второго вагона раздались аплодисменты и радостное девчачье повизгивание:

- Ой-ой, здорово! Веди его сюда.

Заур сел в межгорбие плотнее и начал настойчиво колотить верблюда по бокам. Корабль пустыни продолжал терпеливо жевать. Лежа.

Вдруг паровоз дал надрывный гудок, рванувший в больных головах как бомба:

У-у-у-а-а-а!

Верблюд, наверное, тоже болел. Может, вчера переутомился, может, воды перепил — вон горбы какие! Так или иначе, резкий паровозный рев ему, как и нам, не понравился. Он вскочил на ноги — резко, практически без подготовки, — и оказался неимоверно высоким. Я, во всяком случае, со своим ростом вполне прошел бы под ним, лишь чуть наклонившись. Но испытать не удалось. Обнаглевший паровоз взревел второй раз и начал трогаться. Обалдевший верблюд чуть не подскочил на месте и рванул с ходу рысью или иноходью. Бог знает, как

это у них называется. Главное — побежал, быстро, резво, и, что особенно пикантно, в сторону диаметрально противоположную движению паровоза, который словно стремился наверстать упущенное за прошедшие сутки. Между горбов верблюда во все стороны болталась широкая спина Заура, на глазах уменьшаясь, источаясь. Верблюд входил в игольное ушко степного пространства, растворяясь в нем. Вместе с ним растворялся смелый, уверенный в себе грузин, настоящий мужчина.

- Зау-у-а-а-а! крик заглушил очередной третий и прощальный рев паровоза.
- Вот стерва! сплюнул Вовка. Пропал мужик. Вокруг была степь. Голая, пустая, пропахшая полынью, безлюдная, дикая, чужая степь. Ни холмика, ни домика, ни дымка. Только паровоз и дура Наташка с ее бабьими прихотями стрелой неслись через гончарный круг ковыльной поволжской равнины или низменности кому охота, пусть уточняет у географов в четвертом вагоне. И одинокий грузин на верблюде мчался неведомо куда по этой степи. И только бог один мог ответить, когда встретятся и встретятся ли верблюд и паровоз. Заур и Наташка.
- Земля круглая, резюмировал Вовка. Пошли.
   И мы полезли вниз в вагон, рискуя на полном ходу свалиться в эту ставшую в один раз такой опасной степь, поглотившую нашего боевого товарища.

Заур трясся на несущемся верблюде, верный себе и своей мужской выдержке. У всего есть начало и конец. Верблюды тоже люди и имеют свойство уставать, тем более от бессмысленной скачки. «Синяки будут, — подумал Заур по-грузински. — Хорошо, не по горам скачем».

- Стой, скотина! - крикнул по-русски.

Скотина даже ухом не повел и продолжал свою иноходь. Тем временем впереди появились смутные очертания то ли большого шалаша, то ли приземистого круглого домика. Степь оказалась не такой уж ровной — обман зрения. Спуски и подъемы, небольшие овражки открывались неожиданно и лишь тому, кто передвигался по этой степи. Заур скосил глаза вправо-влево, рискованно оглянулся назад. Железки и плетущегося по ней паровоза и след простыл. Даже верхушки столбов и строчки прово-

дов не маячили – исчезли за бугром. И опять – во все стороны ровный гончарный круг.

Не прошло и получаса, как верблюд замедлил бег и замер у самой юрты. Это была именно юрта. Заур с межгорбья сползать не спешил: все же высоковато. Полог откинулся, и на свет вышел низкорослый узкоглазый мужичок в высокой странной шапке и полосатом кафтане. Заговорил фальцетом громко, почти закричал, задрав лицо к Зауру. Верблюд почтительно переступал с ноги на ногу, наклонял голову и сопел. Прокричав что-то не по-русски и, явно, не по-грузински, мужичок похлопал верблюда по шее, назвал его Васей и добавил еще чтото. Двугорбый стал послушно опускаться на колени: сначала передние - Заур качнулся вперед и вцепился мертвой хваткой в горб, потом задние - Заур выпрямился. «Интересно, как он тогда вставал?» подумал Заур. Ни черта не помнил – настолько все быстро произошло!

Васька улегся и опять зажевал, посапывая и грубо мурлыча — не иначе. Заур сполз на бок. Почувствовал дрожащими ногами землю. Узкоглазый подскочил и ткнул грузину прямо в левый глаз правым сухим кулачком. Крепко ткнул. Грузин промолчал. Отвечать не стал.

Только спросил: «Ну, и что?»

Низкорослый мужичок глянул снизу вверх и вдруг рассмеялся:

- Шайтан, грузин что ли?
- Заур, протянул руку.
- Айтуган, ответил. И добавил Казах.
- А почему Айтуган?
- Мать в новолуние родила. А Зайыр по-нашему «который на самом деле», можно не сомневаться. Ты на самом деле?
  - Я Заур. Но можешь не сомневаться.
- Заходи, казах откинул полог. Садись, указал на подушки сбоку от входа. Сам сел напротив.

Взял белую пиалу. Плеснул из бутылки что-то – Заур не заметил, в глазах еще бегали мушки от недавней скачки. Протянул гостю:

- Выпьем за знакомство.

Заур принял сосуд. Посмотрел на прозрачную жидкость. «Кумыс, – подумал, – а выглядит как водка». Залпом выпил. Поперхнулся:

- Совсем как водка.
- Конечно, водка. А ты что подумал, кумыс?
   У меня Васька. Василиса его дома осталась.
  - А ты чего тут?
  - Путешествую, уклончиво ответил Айтуган.
  - Я тоже путешествую, сказал Заур.
  - Пешком?
  - На паровозе.
  - Э?
  - Студент. На посевную едем.
  - А верблюд причем?
- А! Женщина попросила, махнул рукой на свою глупость.
- Выпьем. За женщин, хозяин разлил водку. Разломил краюху черного мягкого хлеба. Подал луковицу. Выпили, закусили. Стало хорошо и уютно. На посевную уже не хотелось.
  - Что все-таки делаешь?
- По-разному. Сейчас баранов, овец пасу. Потом сено косить буду.
  - Косой?
- Зачем. Трактор, косилка. А ты чему, молодой, учишься?

Заур посмотрел в безбородое маленькое личико казаха.

- Не моложе тебя. Русский язык с литературой.
- Это хорошо, непонятно к чему задумчиво произнес казах и разлил по третьей.
- У меня отец на войне погиб. Как раз в конце.
   Сегодня поминаю. Выпьем.

Выпили. Помолчали. Казах оказался старым.

- Извини, сказал Заур.
- Что извиняться? Мне два года тогда было.А у тебя кто?
  - Дед. Киев освобождали.

Помянули деда. Выпили.

В степи раздался звук, похожий на стрекот мотоцикла. Затрещал у самой юрты и заглох.

Петро, – улыбнулся рожденный в новолуние и выросший без отца.

Полог весело отлетел в сторону. В проеме показалось большое круглое лицо, нос картошкой, густые седые усы концами вниз до края подбородка. Крупная голова наголо выбрита. Глянешь – не ошибешься.

- О, ты дывысь! Казах, грузин. Хохла ждете?
- Ждем, ждем, обрадовано зачастил Айтуган.
- А вы как узнали?
- Во-первых, не вы, а ты. Ну, а во-вторых, ты себя в зеркало видел? Ну, а как только слово сказал, то и в зеркало смотреть не надо. Отца помянул, Айтуган?
  - Помянул.
  - И деда моего вспомнили.
- Налейте и мне, хлопцы. И у меня деды. Оба. Налили. Выпили. Айтуган откуда-то достал инструмент: полугруша с длинным на вытянутую руку грифом. Ущипнул две струны по очереди. Зачастил пальцами быстро, энергично вступление. Остро запахло степью. И затянул песню. Долгую. Монотонно-грустную. Как будто дым стал вплетаться в глаза. Грузин зажмурился. Украинец откинулся на подушки. Не заметили, как затих тонкий гортанный голос. смолкли звуки домбры.

Заур без перехода запел «Сулико». Первый куплет по-русски, потом перешел на родной язык.

Сталин любил, – прокомментировал Петро.

Заур, выводя очередную руладу, кивнул. Дотянул. Умолк, как будто выдохся.

- Эх, махнул рукой Петро. Начисляй. –
   И достал из-за пазухи очередные пол-литра.
- А теперь дозвольте мне завершить этот концерт дружбы народов, – набрал воздуху побольше и грянул, как целый хор, аж тент задрожал:

Распрягайте, хлопцы, коней...!

Смеркалось. Поезд дотягивался неспешно до полустанка. С реальным семафором, маленьким вокзальчиком и пышногрудой тетенькой со скрученным флажком в поднятой руке. Первое человеческое явление архитектурное и биологическое в пустынной степи за последние пять часов. По вагонам поползла неведомо откуда взявшаяся пропитая проводница, роняя на ходу заплетающимся языком: «Сы-тоянка пи-ять минут».

В густеющих сумерках посреди перрона возвышались три фигуры. Большая, с опущенной на могучую грудь черной кудреватой головой, маленькая — справа, в подпоясанном халате и островерхой шапке — и явно лихого вида, приземистая, но ширококостная, плотная фигура бритоголового запорожца

с подобающими усами, в расстегнутой рубахе на голое тело, спортивках, обвисших на коленях, и сандалиях на босых огромных ступнях. Фигура посередине подняла голову, взглянула на остановившийся поезд, качнулась. Казах и украинец крепко сжали грузина с боков.

- Стоять, шайтан!
- Тримайся, хлопец. Твои приихалы.
- Гамарджоба, гаркнул Заур и снова опустил голову.

Мы посыпались из вагонов. Двое с трудом подводили Заура к ступенькам. Вдруг Заур вскинулся, повернулся к Айтугану, приподнял — откуда что взялось! — поцеловал в морщинистое лицо молча. Так же, молча, сграбастал за шею Петра, чмокнул куда-то в бритую макушку. И, видно, потратил остатки сил, стал обмякать. В вагон затаскивали всем тимуровским отрядом. Паровоз свистнул резко, истошно.

- Гарный хлопец.
- Настоящий грузин.

Повернулись, пошли, покачиваясь, к стоящему поодаль мотоциклу.

Зауру освободили нижнюю полку. Свалился. Запрокинул голову.

- Заурчик, девичья моська с покрасневшим от слез носом вынырнула из-под чьей-то руки.
- Уйди, женщина, простонал, приподняв окончательно свинцовые веки.
  - Поняла? Цирка не будет, перевел Вовка.

Наташка упорхнула, обиженно всхлипнув.

Поезд монотонно стучал на стыках. Наступила вторая ночь пути. Мрак навалился резко, неожиданно, плотно. Глаз выколи! В степи так всегда. Но вскоре разлился лунный свет. Где-то над поездом серебрился Чумацкий шлях — Млечный путь. А в поезде спал богатырским сном настоящий грузин. И снились ему он, Айтуган и Петро в гимнастерках, в окопе. Улыбались, смотрели друг на друга и улыбались. Или это были не они?

- Роспрягайте, хлопци!.. крикнул спросонья.
- А ты говоришь, он не полиглот, заметил Вовка.
  - Ничего я не говорю. Пошли курить.

И мы опять полезли на крышу. Два еврея. Под звезды. Утром нас ждала посевная.

- Жаль, нас там не было. Вышла бы полная дружба народов, мечтательно произнес Вовка, затягиваясь.
  - А я тебе говорил: смотри верблюд!
  - А Зауру Наташка говорила. Вот так.

Анонимная надпись

На заре своей службы в комитете я успел застать «пятый отдел». Был такой, если помнишь. Для помощи на местах. Звучало это следующим образом: «Розыск авторов анонимных антисоветских документов и листовок, проверка сигналов о фактах терроризма, помощь местным органам госбезопасности по предотвращению массовых антиобщественных проявлений». Во как. Особо обрати внимание на то, что авторов разыскивали исключительно «анонимных». Это ключевое место в истории, которую расскажу, пока мы тут зависли с этими Хэ... льсинками.

Так вот, где-то на переломе власти, когда Горбачев начал тренировать страну на заучивание слов «плюрализьм» и «консенсус», в один из районных пятых отделов нашей области был направлен молодой и перспективный оперуполномоченный Г. Ну, допустим, Гришковец. Не, такая фамилия не пойдет. Лучше Громушкин. Точно. Не совсем Громыко, но с перспективой. Располагался ж этот самый пятый отдел в комнатушке три на два при местном районном отделении милиции.

Не успел молодой лейтенант госбезопасности по фамилии Громушкин оглядеться, — пара недель прошла по прибытии к месту службы, — как ему подфартило: в аккурат дело по его компетенции проклюнулось.

Пришла информация... Как пришла, спрашиваешь? Сорока на хвосте принесла, что на белой, девственно чистой — недавно обновляли — стене пакгауза, что вдоль железной дороги у самой станции, кто-то сажей написал: «Смерть КПСС». Крупно, заметно написал. Поезда перед станцией притормаживают — читай не хочу. Даже по слогам можно, не спеша. Что? Слогов там говоришь, нет. Еще лучше — по буквам читай. На том месте еще и столб с железнодорожными прожекторами сиял, и светофорчик, потому как рядом стрелка — раз-

ветвление путей. Так что хоть днем, хоть ночью – любо дорого: сажей на чисто-белой нетронутой стене! Залюбуешься.

Оперуполномоченный наш, как представил себе в красках эту картину, аж слюну сглотнул: точно диверсия, к маме не ходи! Откуда, спрашиваешь, знаю про слюну? Ну, это я так, для образности, чтобы ты прочувствовал. А Громушкин тогда прочувствовал до кишок, это точно, потому как даже пяти минут себе не дал подумать, схватил трубку – дзинь-дринь – по спецсвязи доложил наверх: так, мол, и так, идеологическая анонимная диверсия.

Наверху, знать, тоже без дела живого затосковали — сидели, гадали: со всей этой намечающейся свободой слова останется «пятый» или как? Многие ставили на «или как». И тут такая удача. Обрадовались, конечно, оживились, и тоже шибко задумываться не стали — качнули информацию в Москву, прибавив от себя: проводим следственно-розыскные мероприятия, лучшие силы.

В Москве информация пришлась ко двору: похвалили и – на доклад. Короче, в течение часа дело уже на контроле ЦК КПСС оказалась.

Громушкину поступила команда: незамедлительно начать следственно-розыскные действия с привлечением местной милиции. Завтра старшие товарищи приедут, а ты, молодой, давай, не откладывая в долгий ящик, проявляй рвение. И намекнули про поощрение. Последнее было лишним: Громушкин и так копытом бил от нетерпения. Еще труба не остыла, помчался он поднимать дежурного следака. Надо было поспевать. На дворе стоял месяц ноябрь, поздняя осень. А в наших краях, сам знаешь, темнеет и того раньше. До сумерек оставалась пара часов.

Однако тот злополучный день, как назло, совпал с Днем доблестной милиции. Из чего вытекало, что редкие кадры, оставшиеся на посту в здании РОВД, были, мягко говоря, не совсем адекватные. Линейные, оперы — еще куда ни шло. А всякая штабная шантрапа — отмечала.

Дежурный следователь, не загруженный делами, уже наотмечался крепко и с нетерпением смотрел на расплывающиеся фосфорные стрелки на часах, периодически капая в дежурную стопку коньяк из дежурной фляжки, крякая и заедая лимончиком, когда к нему ввалился гэбэшник и вместо поздравления заорал: «Собирайся, немедленно! Едем на место».

Когда дежурный следователь по фамилии... ну допустим Перевертайло... узнал, что речь идет даже не о поножовщине, то, махнув рукой, спросил лейтенанта: «Будешь? Нет? Тогда я сам» — и опрокинул очередную стопку... Ну, что ты пристал? Воображение у меня хорошее, вот всё в красках и описываю. Ты слушай, не перебивай.

Громушкин, однако, парень был настырный и крепкий. Тряхнул следака хорошенько, и тот, скрипя зубами, собрал следственный портфель: перчаточки, ручку, пинцетики, пакетики — в общем, всё, что положено.

– Ты, главное, фотоаппарат не забудь, – наставлял оперуполномоченный пятого отдела. А сам, как учили, аккуратненько под копирочку, разграфил листы с заголовком «Карта следственно-розыскных мероприятий». Главное место отводилось описанию места преступления. Сложил листки в папку, взял следака под руку, – чтобы не вихлялся и не шлепнулся, не дай Бог, – и потащил с собой пешком. Транспорта свободного в РОВД на тот момент не оказалось, а молодому районному оперуполномоченному свой иметь пока было не положено – не дорос.

В общем, выдвинулись. Благо, станция находилась рядом с РОВД. Шустро добрались. Смотрят – действительно: стена, белая, а на ней крупно сажей, красивым почерком вензелями, но разборчиво – «Смерть КПСС». И жирный восклицательный знак в конце.

 Красиво нарисовано, – заметил следователь Перевертайло. Думаю, при этом еще икнул, чтобы убедительнее было.

Громушкин следака торопит, подпинывает: нечего, мол, тут любоваться, не картинная галерея. Стал следак место события осматривать, надпись с разных ракурсов щелкать на фотоаппарат. А лейтенант госбезопасности между тем эту самую надпись карандашом простым перерисовывает на карту следственно-розыскных мероприятий, старательно, аккуратно. И опять же, подложив копировальную бумагу, так что на втором листе синяя копия оста-

лась. Во когда навык, приобретенный в художественной школе, пригодился... Ну, это я так себе представляю, что в детстве он в этой самой школе учился: мама у него учителем рисования была ... Наверное.

Следак посмотрел на рисунок лейтенанта и пришел в восторг:

– Один в один! Ну, ты, Громушкин, мастер! Зря в органы пошел, надо было сразу – в союз художников. Не пойму: зачем я фотоаппарат-то брал?

Громушкину похвала следака польстила, но на замечание по поводу органов он обиделся, нахмурился и всю обратную дорогу в отдел молчал. Думал про себя: придем, напечатаем фотографии и спецпочтой в область отправим — успеваем. А с этим пустобрехом больше говорить не о чем. Завтра сам приступлю к следственно-розыскным мероприятиям. Или, может, даже сегодня еще успею дорожное начальство потрясти: эти обалдуи, небось, еще даже и не ведают, что у них под боком творится.

Так он думал, предвидя свой первый успех, просто предчувствуя, как он всё быстро и ловко раскроет. Областные товарищи, даст Бог, завтра только к вечеру подъедут, а у него всё готово: на блюдечке с голубой каемочкой – пожальте: имя, фамилия, адресок анонима этого самого.

Но всё пошло наперекосяк. Во-первых, в отделе выяснилось, что следак забыл вставить в фотоаппарат пленку. Пришлось звонить в область, сообщать. На том конце провода зависла гнетущая, не обещающая ничего хорошего тишина.

- Я надпись зарисовал. Получилось точно.
- Это хорошо, без эмоций сказали Громушкину.
- Вышли спецсвязью. Прямо в Москву. Но фотографии чтобы были. Предъявишь завтра спецгруппе.
  - Есть.

У нас так всегда спокойно говорят, когда шутки кончились. А тут они и не начинались еще.

Так что стали искать пленку. Вернее, следователь искал. Потом вставлять. Вернее, вставлял следователь — трясущимися руками, в кривой фотоаппарат.

А Громушкин между тем вызвал курьера спецсвязи, и пока тот ехал, уложил в пакет незавершенную карту следственно-розыскных мероприятий с рисунком, красиво исполненным самолично им, Громушкиным. Копию оставил себе. На всякий случай. Прошил все секретной строчкой, как учили, так что, если вдруг попытается кто в пакет проникнуть — обратно так не зашьет. Начертал на пакете «Сов. сек.». Затем перевязал, нагрел имеющийся для этого случая сургуч и капнул на соединенные концы перевязочной бечевы, и тут же, пока не остыл сургуч, приложил имеющуюся у него для таких случаев печать. Курьер принял пакет, оставил расписку и отбыл, успевая на проходящий поезд.

К тому времени следак все еще заканчивал вставлять пленку в «кривой» фотоаппарат.

В общем, провозились больше часа.

Потом еще минут пятнадцать шли обратно. Добрались до места — и... не узнали стену. Она была девственно белой, первозданной: никаких надписей. Не то что надписей, — даже черточек никаких. Потрогали стену — запачкались, побелка была свежей.

Громушкин громко произнес подходящие по этому случаю слова. Было ясно, что стену вымыли и забелили.

Как позже выяснилось, недоучел Громушкин возможности и прыть тех, кого, по молодости своей отнес к обалдуям. Ему бы с них надо было начать – привести к этой самой стенке, поставить и сфоткать под надписью. А потом сказать, чтобы охраняли до приезда начальства из области, но так, чтобы при этом ни одна собака то, что написано, не прочла. Можно не сомневаться, это самое начальство собственными бы... телами надпись эту укрывало и согревало. А там, если аноним не сыщется, – можно было бы этих самых героев к делу присовокупить.

Но молодому хотелось всё самому, так, чтобы оперативно, и — эх! — всех на лопатки. М-да... Не подумал лейтенант, что за этими самыми обалдуями, на чьей территории надпись появилась, стояла та самая, в адрес которой эта надпись была исполнена. А угрозы в свой адрес честь, ум и совесть эпохи воспринимала крайне болезненно — и реагировала быстро и жестко. В конце концов, в Москве куда вся информация слилась? Ну, и всё.

Начальнику отделения железной дороги позвонил разъяренный первый секретарь райкома с подхо-

дящими к этому случаю словами. Начальник, не дожидаясь второго звонка, тут же подорвался, пристегнул зама и парторга, подхватили они по ведру с водой да краской, тряпки-кисти и помчались к злополучной стене. Моментом смыли, забелили, пока народ не разглядел, — и на рабочие места, делать вид, что ничего не случилось.

Между тем Громушкин растерянно стоял у стены и не знал, что предпринять.

 Давай возьмем уголь и напишем, как было, а я потом сфоткаю, – предложил следователь.

Громушкин прикрыл глаза и на минутку представил, как лейтенант госбезопасности и следователь – капитан милиции вырисовывают красивым каллиграфическим почерком с вензелями на абсолютно белой стене, крупно, под светом софитов «Смерть КПСС!». А за стеной собираются случайные зрители, подбадривают, аплодируют и требуют на «бис!».

Мимо, притормаживая, потянулись вагоны московского поезда.

В окнах торчали лица пассажиров, разглядывающих пристанционные строения, девственно-белую стену и двух субъектов на ее фоне — одного в милицейской форме, другого в штатском.

В общем, хватило ума идею следака отвергнуть как неосуществимую.

Уныло побрели обратно в отдел. Перевертайло канючил всю дорогу:

 Лейтенант, отпусти ты меня домой. Сегодня праздник, а у меня жена молодая. Совсем.

Громушкин в конце концов не выдержал:

 Вот доложу по инстанции, а потом – иди ты куда хочешь.

Опытный Перевертайло попытался было опять посоветовать:

– А, может, не надо сегодня никуда докладывать,
 а, лейтенант?

Но оперуполномоченный так грозно глянул на следователя, что тот пресек все дальнейшие разговоры.

Как и предполагал Перевертайло, сверху доклад Громушкина встретили не просто молчанием, а гробовым долгим молчанием. Громушкин держал трубку возле уха. На лбу проступили бисеринки пота.

В конце концов, трубка холодно и железобетонно задала вопрос, не требующий ответа:

- Ты идиот, лейтенант?
- Никак нет.
- Я не спрашиваю, сказала трубка. Разъясняю для идиота: Москва в курсе. Твой рисунок как раз туда едет на скором. Его там ждут, как..., трубка немного замялась, подбирая что-нибудь особенно едкое, улыбку Моны Лизы. Ты видел улыбку Моны Лизы, Громушкин? Завтра прибудет группа, с московскими для усиления. Так что, чтобы фотографии живые имелись. Понял?
  - А надпись?
  - Что надпись?
- На стене, дрожащим голосом произнес Громушкин, с ужасом представляя, что сейчас поступит команда исполнить то, что предлагал Перевертайло.
- Точно идиот, резюмировала трубка, не меняя тона. Стену не трогать, но фотографии чтобы были. Ясно?
  - Так точно.

На том конце провода послышались гудки.

Перевертайло посмотрел на лейтенанта: совсем мальчишка – и пожалел.

– Слушай, у меня есть бабка. У бабки большая русская печь. Беленая. Там места сколько хочешь. Пойдем к ней и напишем, что следует, и сфотографируем, – предложил он.

Это было хоть какое-то решение. На этот раз Громушкин упрятал в глубь бессознательного все свои сомнения и только спросил:

- А там, кроме бабки, никого?
- Никого, одинокая. А окна зашторим. И дверь на щеколду закроем, – успокоил его Перевертайло.

Когда они пришли к бабке и сообщили, для чего им нужна ее печь, старуху чуть кондратий не хватил, стала креститься и причитать:

- Свят, свят!
- У нее отца, когда еще маленькой была, раскулачили с концами, шепнул следователь Громушкину на ухо. Всё помнит.

Пришлось Громушкину вмешаться:

 Это дело государственной важности. Никто не должен знать. Можете нас оставить, чтобы не присутствовать,
 и для пущей убедительности удостоверение бабке в руки дал. Бабка удостоверение, как раскаленный уголь, ему обратно отбросила, еще раз перекрестилась, накинула плат, цигейку — и за дверь.

- Не сдаст? заговорщицки спросил Громушкин.
- Не, она сама перепугалась до смерти. Выпьет с соседкой винца, чтобы забыть, и забудет.

Занавесили окна. Закрыли дверь на засов. Следак взял уголек, написал на печи: «Смерть КПСС!».

Оперуполномоченный сравнил со своей зарисовкой – вышло не похоже:

- Надо переписать.
- Какая разница?
- Что значит «какая»? Я ж всё с точностью зарисовал и наверх отправил.
  - А ты скажи, что зарисовал неправильно.
- Ага, вот так, с вензелями? и Громушкин ткнул следаку под нос свой рисунок из карты.

Следователь опять залюбовался работой и зацо-

– Талант, ничего не скажешь. Твоя правда, если не совпадет, скажут, не иначе удовольствие получал, когда переписывал.

Следователь взял рисунок лейтенанта и стал аккуратно перерисовывать на печь. Но навыка, очевидно, не хватало. Опять вышло не похоже.

– Дай я, – и Громушкин сам взялся за работу. На этот раз вышло тоже не удачно: буквы разбегались, интервалы были нарушены, пропорции не совпадали...

Короче, через сорок минут бабкина печь была вся исписана жизнеутверждающей надписью «Смерть КПСС!». Остался один единственный нетронутый клочок.

– Соберись, – сказал Перевертайло. – Как йог: глаза прикрой, вдох глубокий, резкий выдох, вдох медленно, выдох резко.

Громушкин послушно проделал дыхательную гимнастику.

А Перевертайло продолжал:

- Не открывай глаза. Почувствуй третий глаз посреди лба. Есть?
  - Есть.
- И вот теперь этим глазом, мысленным взором рисуй, как там на стене: «Смерть КПСС!» По бук-

вам выводи, не спеши: эс, эм... Почувствуй каждую букву. Ну?

- Кажется, готов.
- Кажется?
- Точно, готов.
- Тогда с Богом! благословил капитан милиции Перевертайло. Лейтенант госбезопасности, ровно дыша, сохраняя железное спокойствие на лице, решительно пошел к печи с углем в руке и, не отрывая взгляда от оставшегося последнего белого пятна, не моргая, уверенно вывел красивым почерком с вензелями: «Смерть КПСС!». После чего, отдав последние силы, Громушкин весь обмяк и, покачиваясь, добрел до бабкиного дивана, на который и рухнул, чуть не плашмя, лицом.

Наступившую тишину прервал ор Перевертайло:

– Есть! Получилось! Ты талант, лейтенант! настоящий герой – просто один в один!

Через несколько минут все было закончено.

 Будешь? – следователь достал из нагрудного кармана коньяк.

Лейтенант кивнул. Фляга оказалась почти полной.

– Это я, пока мы в отделе торчали, добавил из запасов, – похвалил сам себя Перевертайло.

Флягу уговорили быстро, закусывая бабкиной капусткой со стола, видать, старая до их прихода присела подсолиться в охотку – не дали, паразиты!

Посмотрели еще раз на дело рук своих: на печи красовалось штук двадцать анонимных надписей.

- Надо бы убрать, вяло предложил Громушкин.
- Не надо, бабка сама вымоет, остановил его Перевертайло. Это ей поручение государственной важности. А я завтра забегу, забелю.

Вот так молодой лейтенант госбезопасности Громушкин на заре своей карьеры при содействии местных органов милиции в лице следователя-капитана Перевертайло спас честь пятого отдела.

Приехавшая группа, разглядывая фотографию, допытывала лейтенанта:

- Есть ли у вас предположение, чьих это рук дело может быть?
- Никак нет, четко докладывал лейтенант. Аноним.
- В Москве завели дело «О посягании...». К делу приложили план широкомасштабных следственных мероприятий. Оперуполномоченному Громушкину объявили первую в его профессиональной карьере благодарность. Но автора и исполнителя надписи так и не нашли. На моей памяти это был единственный случай, когда наша «пятерка» так и не установила анонима...
- О, кажется, наш объявили. Пошли что ли? В самолете сядем рядом, я тебе еще пару баек расскажу.

ПОПОВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

член Союза писателей России, *Архангельск.*

не бойся, я с тобой

Ово задрёмывал под утро. Забирался на русскую печь или в тёмный угол за печную трубу, подсовывал под голову шапку Ерёмы и задрёмывал. Шапка пахла табаком и старой, пересохшей кожей. Ерёмы давно не было на свете, четвёртый десяток, а горьким табаком по-прежнему пахло. Просто Ово хранил кисет Ерёмы, испорядку доставал его из укромного места, насыпал щепотку табаку в Ерёмину шапку, сворачивал коробочкой и дремал на ней, подложив под голову. И снился ему Ерёма, снилась его прокуренная трубка с искусанным мундштуком, снились узловатые пальцы с жёлтыми ногтями, и дым, и борода. И во сне они переплетались друг

с другом, как переплетаются ветви, и глаза Ерёмы глядели, как из куста, и улыбались.

Табак Ерёма ростил на грядке, осенью сворачивал в тугие свитки, катал крепко между ладонями, потом резал ножом на еловой ставице и сушил на повети. Ово ворошил табак, пропускал сквозь пальцы, пересыпал из ладони в ладонь, чтобы проворнее сох, и терпеливо сидел на скрипучем стуле, слушая острым ухом, как шевелится и подсыхает табачная кроха.

Табак сох медленно и так же лениво, как порой шёл дым из Ерёминой трубки. Тогда Ово, теряя терпение, дул на него и громко чихал. Невестка Саша вздрагивала и говорила:

- Еремей Ефимович! На повети кто-то чихает!
- Кот! Кто же ещё?
- Кот дома, испуганно оглядывалась Саша. –
   А там тогда кто?
- Да мало ли кто! отвечал Ерёма и подмигивал. Ночью Ово выколачивал трубку о край скамьи, вытрясал твёрдые угольки, острой щепинкой протыкал мундштук, дул сквозь него воздух, и губы потом весь день хранили горечь табака. А ещё бывало и так, что сидел Ово на взвозе всю ночь, покусывая, пыхтел в выскобленную трубку и представлял, что он и есть сам Ерёма.

Давно нет Ерёмы, но есть его сын Овдей. Ово уже семьдесят людских лет при нём, при Овдее. И Ово очень нравится, что у них такие схожие имена.

 Овдей! – зовёт Ово, пропевая первый звук его имени. – Овдей! Овдей старый и живёт сам по себе, как ему можется, и никому не мешает. Он один в деревне, и все дома вокруг уж который год пустые — кому мешать-то?

Овдей просыпается рано, ворочается долго, поскрипывает железной сеткой кровати, потом встаёт. Льёт воду в китайский чайник, нажимает кнопку. Раздёргивает занавески и глядит в окно.

На что там глядеть? – думает Ово. – Всегда одно и то же.

Но и сам глядит, тычется макушкой под локоть Овдея.

 Ну и, слава Богу, – говорит Овдей. – Ещё один день. Вот так всё понемногу.

А чайник гудит, шумит, как самолёт в небе. Золотит солнце доски стола. Ово садится возле Овдея на лавку. Ему и глотка довольно, и от крошки хлеба сытно. Ему просто посидеть рядом...

Осень нынче чистая, как промытое стекло. Что ни день, то небо синее, смирное, но всё равно не та синева в небе, а ровно старая, нажившаяся. Ветер, как синица, возится, то здесь, то там стряхнёт листья. Затолкётся листик, заколотится, туда-сюда падая, и на землю свалится. И так ослепительно тихо. И от чистоты и тишины этой всё вокруг ещё бреннее кажется, печальней, словно последняя эта чистота, последняя грусть, последняя возлюбленная тишина. Ово хрустит листьями — подморозило. Подкрадывается к муравейнику. Втыкает острую травинку и глядит, как муравьи лезут на самый кончик, а один, самый первый, поднимается на задние лапки и стоит собачкой.

- Овдей! говорит Ово. Снова ведрие будё!
- Хорошо, откликается Овдей, хотя и не слышит Ово. Набирает охапку дров и в избу тащит. Ово бересту подкладывает, лучину подсовывает. Спичка чиркает. Огонёк занялся. Будет Овдей кашу варить, в звонкостенном чугуне картошку ставить.

Сидит Овдей, на пламя глядит. Прогорела за годы его борода, белой стала, как бумажный пепел. И кажется Овдею, что всё, что было с ним прежде, как бы и не с ним было, чужим стало, посторонним, по ту сторону, и теперь закрыто наглухо. А настоящее только и есть, что этот день с этим огнём, с этим чугуном, где в горячей пене шипит картошка.

Вот это только и осталось... А ведь таким же утром лет десять назад Саша поставила на стол глиняную крынку с пшенной кашей, надорвала пальчиками жаркую корочку и уронила с ложки жёлтое масло, и он так отчётливо запомнил и клеёнку клетчатую, и где лежал хлеб, и где стояла его кружка, и чашка Сашина. И как она подошла и опустила ему на плечо руку.

Овдей наклоняется, подхватывает чугун, тычет щепинкой в картоху: нет, тверда пока! Ладно.

Ово чувствует, что плохо сегодня Овдею, не такой он, наломался вчера на поле. Давеча говорил Серёжа Мурин, зачем тебе ростить картошку, много ли тебе одному надо, мешка три? Так я привезу!

 Так на всю деревню-то одна полоска и осталась. Жалко! – кручинится Овдей. – Зарастёт травой-то!

Когда Овдей премалым был, расплачется, расстроится из-за чего-то, Ово ночью придёт, затянет песенку, заплетёт в косичку мягкие волосики, и успокоится всё, уладится. А теперь как? Сиди и вздыхай только, посматривай в глаза Овдеевы.

Вчера вместе картошку докапывали, не стал Овдей Мурина ждать. Ворошил керкой уже прохладную, рассыпчатую землю. С гнезда мало пришло, однако, всё крупная, тяжёлая, белая. Нароет Овдей картохи, а потом бродит по полю, собирает в вёдра. Тихо на поле. Хоть бы ветерок какой! Или птица. Брякает картошка о стенку ведёрышка, одна, другая... Стукоток одинокий далеко по горе слышен. Бросит картошку Овдей, и Ово бросит. Овдей оглянется: нет никого! Но говорит, улыбаясь:

- Ну, давай, давай, пособляй маленько!

Вчерашнее кострище подгоревшими сухарями пахнет. Полоска земли в густой траве горестная, тихая и словно небу жалуется. Овдей на прежнем месте костерок разводит. Сидит на опрокинутом ведре, нажигает золу да угли — картошку на паужну печь. Продрался где-то локоть, вата горелая из рукава торчит. Сухим блеском трава длинная переливается. И небо выгнулось над головой, синее, глубокое, и горько-сладкой листвой пахнет от берёзы, и томит осенней пустотой сердце.

Засыпает Овдей картошку калёными углями и землей, щурит от дыма глаза, и глаза у него сейчас, как у Махси, такие же покорные.

Сохнет земля на изрытой полоске, светлеет, запекается корочкой.

Безмолвно поднялся с запада самолёт, блеснул серебряной стрелочкой, пошёл в гору, а следом и гул поднялся, побежал свою стрелочку нагонять. Выпрямил Овдей спину. Запел пронзительно телефон в кармане.

- Принимай самолёт, Овдей! закричал в трубке Дмитрий. Принимай! «Азия Эрлайн» летит. Аэробус А350 тире 941. Из Лондона в Сеул. Слышишь?
  - Слышу, щурится в небо Овдей. Вижу!
- Я его тоже вижу! Как высоко летит! Сорок тысяч футов. Скорость 470 узлов. Хвост-то у него, знаешь, какой? Красно-жёлто-чёрный. Не увидать нам, правда, оперенья его, но ты представь только, Овдей, представь! Принимай!
  - Принимаю, смеётся в бороду Овдей.
- Здорово, Овдей! А? Оба один и тот же самолёт видим!
  - Да! Словно рядышком стоим.
- Рядышком! радуется Дмитрий. Всего-то сто тридцать километров до тебя! Чего там у себя делаешь?
  - Картошку докопал.
  - И я тоже. Уродилась ли?
  - Уродилась! У гнезда немного, но крупная!

Летит самолёт, скользит утягиваемый ветром, реактивными моторами на восток. За ним след, напруженный, на лету разматывается. А что у него под крылом? Лес бескрайний, болота жёлтые, ниточкой серебряной река Евда вьётся, солнцем вздрагивает. И никто из летящих в далёкий Сеул, где и ночь, поди, сейчас глубокая, про Овдея не ведает. Кто он для них? Персть лесная. Не разглядишь с такой небесной стрехи ни Овдея, ни его избы, ни его бедной полосочки...

– Ты позвони через часок мне, – просит Дмитрий. – От тебя ко мне самолёт пойдёт. Так я приму! Боинг будет, три семёрки. У него полоса синяя на хвосте. Курс, значит, сейчас погляжу, 162. Шанхай – Амстердам. Не пропусти только, позвони!

– Не, не забуду!

Блеснул самолёт над лесом и упрятался за край земли. А Овдей ещё долго сидел, уронив на колени руки, думал, как там Дмитрий у себя на Двине

живёт. Наверно, доски строгает для сарайки новой. Хрустит сосновыми стружками. Вот бы посидеть с ним за столом да махонькую выпить. Да и со стройкой помочь, самцы на столбы накинуть. А чтоб добраться, надо до Архангельска на север ехать, а оттуда на юг в обратную сторону скатываться. Два дня на дорогу! А ведь рядышком, на прямую-то, через леса да болота...

Пересыпал Овдей картошку в широкий кошель, в котором Саша сено таскала, повёз на подклет. Чивиликали колёса. Ветер тихий, как ручей, по траве стелился. Ово взади тележку толкал. Видел, как прихватило у Овдея спину...

Дремлет в печи твёрдый берёзовый уголь. Восьмой час часы пробили. Овдей сапоги как на силу надевает — ровно чужие с утра ноги. Шапку, не глядя, на печи нашаривает. Приставку к дверям ставит. И Ово то же: затянул Еремеев поясок потуже, оглядывается, не забыл ли чего? И спешит за Овдеем, знает, куда он пошёл.

Бредут они сначала мимо домов. Ветер отдувает полу куртки. Травой пахнет густой, перестоялой. Конский щавель вызолотился до ржана. Дорога совсем заколодела, заглохла. Если б не ходили по ней дважды в день, вконец заросла бы.

В рощицу входят, как в золотую камору. Овдей останавливается у худенькой осинки, запрокидывает голову, любуется на пролёты ветвей.

Сдал в эту осень Овдеюшко, ходит, как деревянный. С трудом сядет, с трудом и поднимется...

- Палки возьми, советовал вчера Дмитрий, как «Боинг» проводили. – О четырёх ногах будешь!
- C палкой-то совсем обезножу! Нет, с палкой я не пойду. Пока ходится, так ходить буду!

Вот так и ходят тихонечко: постоят да снова пойдут.

Трава шуршит под ногами Ово. Овдей обернётся — нигде никого, но словно тянется глазами к Ово. Идёт, куртка посвистывает, размахивает руками, загребает ладонями воздух, как воду черпает. Ишь, под горочку-то разошёлся! А ну, как в колене подломится?

Колокольня старая, шестнадцатого веку, восьмиугольная. Венцы понизу чёрные, будто обуглились. И к Евде вся наклонилася. У входа камень, широкий, огромный, в серебряных искорках. И следочки на нём махонькие отпечатались. И все в деревне, когда жили ещё, верили, что это ангел дивноочитый, двукрылый пробежал босыми ножками. Овдей кланяется камню, проводит рукой по следочкам, будто гладит. Ово за спиной топчется. Уж теперь он не выше травы стал, поглядывает в церковные окна, боится незримого, светом блещущего.

На верх колокольни, где огорожа, три лесенки ведут. Высокие, крутые. Овдей ещё в прошлом годе новые ступеньки, плашки, врубил. Из белой ёлки повытесал. Сейчас помолится. Голос-то у него, когда молится, шелестит, как солома. Подымется на колокольню с Божьей помощью, где на ногу встанет, где на коленку обопрётся. Отвяжет просмолённую верёвку, помолчит, подумает, да и ударит легонько. Старинный колокол, зазвонный, язычный, всего один и остался. Его, остальца, Овдей припрятанным в церкви нашёл, когда проверял своды. Выволок на свет белый, подивился письменам старинным, вычистил, выскреб да на колокольню поднял — оборвал спину, неделю после пластом лежал.

– Дон-н! – разнесётся, пробуя небо, над деревней. – Дон-донн! – полетит уверенней над полем, над лугом, над полоской раскопанной.

Звенит колокол. Радуется. Бьётся сердце. Жива ещё деревня. Жив ещё Овдеюшко, слуга божий, её насельничек. Каждое утро к девяти на колокольню приходит, топчет, топчет свою тропку девять лет, вся трава за лето повымнется. Звонит, звонит в зазвонный колокол.

Ово сидит внизу на заветном камушке. Вложил ладошку в следочек ангела, и будто греет что-то ладонь снизу и к сердцу тянется. А спиной чувствует, глядит кто-то, повернуться страшно, и знает Ово, кто глядит на него.

Устал Овдей. Заныла в плече рука. Опёрся на огорожу. Избы вдалеке, как серые камушки в траве текущей. Река синяя, и синь густая, уже по-осеннему, вода медленная, за собой тянет, вытягивает. А колокол гудит, звенит тонко, слабеет медным голосом, и Овдей слабеет, за колоколом в тишину утягивается.

Нагрелось дерево, и хорошо руке дрожащей от этого деревянного тепла, любви последней, и вся-

кий раз отчего-то думается, как назвонишься досыта, — наглядеться бы! Наглядеться! Не упустить ничего, ни большого, ни малого, чтоб потом, когда и привстать не сможешь, только и помнить вот это: Евду иссиня-синюю, небо с колокольни до боли близкое, рощицу с мягким шелестом, сосенку одинокую. В шелест бы этот уйти золотой, ветром стать... Господи, укрепи меня! Отчего всё так непоправимо?

Спускается вперёд спиной Овдей, ногой опору нащупывает, а раньше-то, раньше как птица взлётывал. Выбрался, Ово за локоть поддержал справа.

Вечером в шестом часу снова самолёт с востока над Евдой поднялся, заиграл на солнышке.

- Дмитрий! позвал в телефон Овдей. Принимай самолёт-то! На север гляди.
- Ну! крикнул Дмитрий. И представил снова Овдей, как выбегает сейчас Дмитрий во двор, выкатывается колобком. Вот и точно: хлопнул дверью, ступенькой скрипнул, травой зашуршал.
  - Дмитрий, не торопись, далеко ещё!
- Да как же? Не проворонить бы! Ой, вижу, вижу, Овдя! Серебренький такой? И ты видишь?
  - И я вижу, Митя!
  - И я вижу! Вместе видим, да?
  - Будто на одной горке стоим.
  - На той самой?
  - На той самой. Чего скажешь?
- Нашёл! радостно кричит Дмитрий. Вот он, на экранчике моём! Токио – Хельсинки!
- Токио? удивляется Овдей и с любопытством глядит на самолёт. – Ишь ты! Даль-то какая!
- Высоко! соглашается Дмитрий. Тридцать восемь тысяч футов. Курс 54. Скорость 541 узел. У него на хвосте синяя буква F. Близко ему лететь осталось: час и дома! А то и меньше. А! Время прибытия в порт восемнадцать тридцать семь.
- Восемнадцать тридцать семь... отчего-то повторяет Овдей и представляет ясно, как идёт на посадку, покачивая крыльями, самолёт, как светится сыро-синим иностранная буква на белом киле, как томятся нетерпеливой радостью утомлённые долгим полётом люди. И другая жизнь, неизвестная и счастливая, яркая и сильная, шумная, не его жизнь, видится ему. И становится горько и одиноко.

- Сейчас у тебя и второй поднимется! смеётся с восторгом Дмитрий. Смотри! Москва Мурманск! Аэробус А320. Зелёный весь, как огурец. Видишь ли его. Овдя?
  - Уже вижу, Митя, вижу.

Идёт колеёй ветер. Выдувает из рощицы облачко жёлтой листвы. Несёт-несёт, как птичью стаю. Светятся голубой слюдой окошки. Пуста до самого леса, до самого краешка дорога. И от пустоты этой, от сверкания листвы в солнечном ветре ещё горше ощущение одиночества. И не знает Овдей, что ему делать дальше?

- Овдя? Чего ты молчишь?
- Я не молчу!
- Ты не молчи, Овдя! Ты говори! Ты не думай ничего такого. Всё хорошо у нас будет. Я с Ниной говорил. Ты приезжай к нам, Овдя! Насовсем приезжай. Будем вместе самолёты встречать!
  - Да мы и так вместе встречаем.
  - А со мной по-другому будет!
- А ты и так со мной! И так рядом. Рукой подать! Гуси-то летят у вас?
  - Ни одного не слышно. Ты приезжай, Овдя!
- Не уезжай, Овдей! просит Ово и теребит рукав Овдеевой куртки.

Ночью Ово не спал, бродил по избе и, едва рассвело, пошёл к Махси. Дом у Махси съёжился, поджался и кровлей, и стенами, будто ему холодно стало. В избе сел на пристенную лавку, огляделся тоскливо. Пусто в избе. Молчит всё. Стоит в ковше нетронутая вода.

- Махси! позвал Ово, хотя знал, не ответит Махси. Качнулась полузакрытая дверь. Ветер метёлкой прошёлся по полу, вздул серебристые, как иней, пылинки. Уснула Махси.
- Махси, ты где? он вступил в полукружье белого света.

Где она? Во что она обернулась? Кто она теперь? Ладочка глиняная на выстуженной печи? Веретёнце в пустой корзинке? Пряслице белое на столе?

Шуршит ветер.

Плечики у Махси были узенькие, одно выше другого, за спиною горбик, словно котомочка.

- Я не могу, Ово, говорит она и тянется к нему взглядом, как и Овдей, знакомо покорным. Мне не уйти, Ово, мы никуда не сможем уйти мы приговорены к нашему месту. Я усну! она опускает голову, перебирает кисточки старенького платка, и в этом тихом перебирании столько тоски, что у Ово перехватывает от отчаянья сердце.
- Кто-нибудь да вернётся! она поднимает на него блестящие от слёз глаза. Кто-нибудь вернётся, и я снова буду. Люди порой возвращаются. Я прибралась заходи и живи...
- Они уже не вернутся, качает головой Ово. Мы это знаем. Уже и Кохта уснул, и Первый Оссе. Нигде никого не осталось. Если ты уснёшь, Махси, я останусь один.

Махси молчит, и молчание туго упелёнывает их. Редкие слёзы падают на её безмолвные руки.

- Как твой Овдей? спрашивает она и улыбается беззащитной улыбкой, как слепая.
  - Ноги болят.
  - А дочь?
- Всё равно, что нет. Она далеко, на той стороне земли, где вода без края. Ты переходи к нам, Махси! – он вглядывается в её лицо. – Переходи.
- Я не могу, Ово! Когда я проснусь, ты ведь будешь, Ово? Ты ведь встретишь меня, Ово?

Брякает надколотое стёклышко. Бьётся, бьётся прозрачным сердечком. Волосы у Махси были как трава увядшая. Глаза у Махси были длинные, как коса речная, светлые, как песок речной.

С понедельника потянулись другие ветра. Оголялись осенние рощи, но замирающий, сгасший свет ещё шёл от земли. Худоба обнажённых осинок удивляла Овдея и мучила. Он подолгу стоял у ворот, навалившись на прясла. И отсюда ясно была видима и накренившаяся колокольня, и беспризорная церковь, и потемневшая лицом река Евда.

Дни укорачивались. Черствели следы на песчаной дороге. Самолёты гудели в слепом небе за облаками невидимо и редко. Простуженный — теперь он простужался быстро — Овдей надевал зимнюю куртку, долго не попадал полой в замочек — дрожали руки — потом брёл до колокольни, и земля ему казалась гулкой и твёрдой, и громче чиркала

по окаменевшему песку палка, и резче скрипели ступеньки лестницы, и верёвка казалась тяжёлой и жёсткой. И даже колокол бил не так, постанывал на исходе, звенел жалобой, и вместе с ним постанывала и скрипела еловая балка над головой. Овдей останавливался, прислушивался к колоколу, и думалось ему, что колокол — это его сердце.

Как всё торопливо менялось вокруг: оттаивала крыша и капало медленно — то здесь, то там. И отблеск сырого, мигающего света вспыхивал и гас на лице Овдея. Борода серебрилась от капель воды. Он расставлял пошире ноги, приседал, будто раскачивал качели, тянул на себя верёвку, дёргался и раскачивался вместе с колоколом. Колено прожигало болью, и Овдей едва не плакал от немочи.

Ово порывался помочь, но не смел, он боялся и стоял внизу. Наконец всё смолкало, и Ово не знал, жив ли Овдей. Но вот скрипела первая плаха, потом вторая. Это Овдей ощупью слезал вниз, спускался, как в тёмный колодец, как в чёрную ступу.

Ово подставлял плечо. Оглохший Овдей спрашивал тревожно:

- Кто здесь?

Ово молчал. Они брели через рощу, через поле. Это поле Овдей когда-то пахал и хорошо помнил, как завивалась волной тяжёлая, перепревшая от тёплых дождливых дней земля, как падали, заваливаясь в борозду тонкие осинки и сосенки, и ему отчего-то их было жаль. Из кабины красногрудого трактора он видел родную избу, радостно взглядывал на неё, и от близости родного и доброго, и оттого, что Саша, быть может, сейчас смотрит в окно, ему хотелось петь и даже выскочить из трактора и плясать, — дурачась, размахивая руками, — столько любви неприкрытой билось в его сердце.

Овдей стоял и смотрел на поле. Над головой, за облаками, загремел, раскатываясь, самолёт. Овдей набрал номер, экранчик тотчас вспыхнул, но дозваться до Дмитрия опять не удалось. Три дня уж не отвечал Дмитрий.

На закат шёл ветер. Нёс стужу.

Серёжа Мурин приехал к обеду. И затаскивая коробки с едой в крыльцо, спросил, беспокоясь, Овдея:

- Ты чего, Еремеевич, приболел что ли? Хочешь, фельдшера привезу?
- Нет! махнул рукой Овдей. Что там фельдшер нового скажет? Старый я. Старость это. А какие таблетки пить, я и сам знаю.
  - Ты звони, если чего, попросил Серёжа.
- Я позвоню, пообещал Овдей. Чаю, Серёжа, выпьешь?
- Выпью! Вода у тебя в колодце вкусная. Я флягу привёз, воды твоей наберу.
  - Бери, не жалко! Воды у нас много.

Серёжа вытащил из машины флягу, запустил в колодец тонкий еловый шестик с ведром, вздёрнул, опружил проворно через край звончатую воду. Запела фляга.

- Тащи, батя, и свои бадейки. Наразу и тебе начерпаю.
  - В избе развернул туго стянутый платок.
- Пирожки, Овдей! Таня гостинцем послала. Ешь, ещё тёплые! Лакомься! На Покров к тебе приеду с друзьями, рябов погонять. Таня приедет. Столько их вспугнул, рябов-то, пока к тебе exaл! Примешь ли?
- Приму, Серёжа! Я тебе манок особый вырежу, на рябчика. И ещё, Серёжа, ключик-то от церквы у меня вот тут на гвоздике висит, шнурочек пёстренький. Вот он гвоздик-то, искать не надо. Так что знай...

Уехал Мурин. В избе полусвет, полусумрак. Дремлет Овдей за столом, всё голос молодой слышится. Белеют пустые кружки. Чайник ещё не остыл. Ово посидел рядом, пожевал корочку, на чердак убрался, вытащил из берестовой коробки манок — Ерёма, Еремей делал — приложил к губам и подул тихонько. Свистнул манок жалобно, тонко — вот так и рябчик посвистывает, летит сквозь веточки, летит-летит на зов краденый.

И помнил Ово, ровно вчера было: стоял Ерёма на крыльце, озябшей рукой ощипывал с кисти вымороженную рябину, шамкал, сглатывал громко горько-сладкую ягоду.

- Не ешь! Простудишь горло, укоряла невестка, а коли ешь, так во рту держи.
- Всё равно, отвечал Ерёма, спускался полубоком с крыльца, шаркал к амбарам и пряслам, сутулил плечи.

У прясел остро пахло растрёпанной копной, белые соломины, как коромыслица, висели в чёрной крапиве.

- Овдя! позвал он. Ов-дя! Маночек возьми! На ряба маночек, и шарил деревянной рукой в кармане. Я тебе маночек... А где ж он? Овдя? Я ж тебе маночек... и плакал, уткнувшись в колючее плечо Овдея. И Овдей растерянно ласково приобнимал отца и вскрикивал хрипло и обречённо:
  - Будет тебе, будет!

До полночи искал манок Ово, шелестел травой и нашёл-таки. Сел под окном, посвистел тихонько: слышит ли? Потом в избе вложил в слабеющую руку Ерёмы.

- Спасибо, Овдя!
- Я Ово.
- Ово? прошептал Ерёма. Спаси тебя Господь, Ово!

Лежит манок в ладони, тёмный, как корочка жжёного хлеба. Поглядел долгим взглядом в окно Ово: когда насовсем засыпать, загадалось ему, манком бы представиться. Придёт однажды, Бог даст, человек в дом, подует в него, а я и очнусь для жизни новой.

Спит дом. Овдей на кровать перебрался, укрылся покрывальцем латаным и спит. Пятки серые наружу торчат. Звёзды мелкие в небе то вспыхнут, то гаснут — будто камень из камня беззвучно искру выбивает. Это облака идут. Греется манок в ладони. Догорает на столе свечка. Ветром опять провода оборвало.

- Вот и ночь сошла в мою книгу, говорит Ерёма.
- Как же ты читаешь, ведь ни буковки не видно?
  спрашивает, клонясь к нему, невестка.
  - А я сердцем вижу.
  - Сердцем? А что читаешь такого?
  - Евангелие.
  - Ты же его всю жизнь читаешь!
- А я каждый день, Саша, новое нахожу. На память-то всё знаю, да только бабушка моя получше меня знала. Не так, говорила, на память прочёл, а вот так надо. Я потом по свету проверю: а вправду так надо, как она прочла. Непогрешима память-то у неё была.

Сжимается от жалости сердце Ово, садится в ноги к Овдею.

— Овдей! Ты не спишь? Не уходи от меня, Овдей! Столько всех от меня ушло! Как я без тебя буду? Хочешь, я громовый уголь найду? Положу в твоё изголовье, и ты на ноги встанешь! А грибов хочешь? Я соберу и грибов, пусть ты и подумаешь: Мурин принёс! Жарёху сделаешь, а мне и крохи довольно, да и той не надо. Лишь бы ты был! А помнишь, я утешал тебя, когда ты был маленьким, помнишь, я тебе песню пел...

Не спал Овдей. Сквозь убывающий шум дождя ясно и отчётливо слышен был стукоток частых капель. Потом и капли стихли, и тишина затекла в избу и в него втекла, будто он изнутри был полым, притаилась в глубине и ждала. Присел кто-то в ноги, навалился лёгкой тяжестью, зашелестел, как ветер в траве, и очнулось сердце, заколотилось гулко, и ушёл на время холод.

– Я – Ово, – вздохнул кто-то. – Я твой Ово.

Утром в каждую избу заглянул Ово, в каждую дверь посвистел манком.

- Махси, ты здесь?

Молчит Махси. Белеет пряслице на пустом столе.

- Кохта? Слышишь меня?

Не слышит Кохта. Гремит железка в печной трубе.

- Оссе? Что же ты молчишь?

И Оссе нет. И Клёцника нет, и Выгорек, пристенник извечный, пропал бесследно. Стоял во дворе одинокий Ово. Ходил против шерсти солнца студёный ветер, сверкал серебряным блеском.

Овдей на улицу вышел, навалился грудью на лыжные палки, посмотрел на дорогу.

– Нет Митьки, – сказал он громко. – Улетели его самолёты, унесли моего Митьку, прибрали. Меня одного в сторожах оставили.

Стоял, качался, потыкивал в землю палкой.

 Надо идти, – сказал твёрдо. – Позвонить ещё разик. Может, Митька меня там услышит, может, ждёт моего трезвона...

Далеко ли до колокольни идти? Рядышком она. Шатром осиновым накрытая светится. Чиркают по песку лыжные палки. До берёзки дойти — отдохнуть. До камня дойти — дух перевести. В рощице под осинкой отдышаться. Следочкам ангела поклонить-

ся. Набралось в пяточки воды. Возьмёшь ту воду, к глазам приложишь – и прозреют глаза. Полдела и сделано. По лесенкам и заберёшься как-нибудь. Сам ступени вытесал, своё, топором изваянное, и поднять должно.

Ово, не таясь, обнял со спины Овдея.

- Не бойся, я с тобой! - прошептал.

На колокольне Овдей уцепился двумя руками за верёвку, натянул её своим невеликим грузом и замер. В просветы колокольни заглядывал ветер, покачивал колокол, и вместе с ним Овдей покачивался, словно привязанный к небу.

– А ведь в последний раз, поди, на колокольне стою. Думал об этом, придёт однажды. А вот оно, время-то, и пришло. Что ж ты, Овдей Нажогин, готов ли?

Вот она, лежит перед тобой сиротина твоя, деревня. Поля твои, что пахал когда-то. Луг над Евдой, где сено ставил. Саша прибежит на угорышек:

- Овдя! Девять часов! Пойдём чай пить!

Обтирал косу травяным остромком Овдей, шёл к Саше на угорышек. И легки, и пусты были его руки, чтобы поднять Сашеньку над землёй, понести высоко над тропкою.

 Овдей! – зовёт Сашенька. Треплет ветер просвеченное солнцем платьишко.

И ударил в ответ колокол, словно ветер качнул – не Овдеевы руки, и разнёсся над Евдою горестный звон...

Как вниз сошёл, уж плохо помнил. Всё, как в тумане, всё, как во мгле. Ово заглянул в глаза Овдея и в них глаза Ерёмы узнал.

Дома прилёг Овдей отдохнуть, воды только и испил.

– Митька, – сказал, – я думал, первый помру, а ты вперёд собрался. Торопыга ты, Митька. Всю жизнь – бегом... Сразил ты меня, Митя!

В лесу падали последние листья. Пестовник под елями светился, усыпанный каплями. Грибы были дряблы и тяжелы от воды, разве они сгодятся для Овдея?

Всё дальше и дальше шагал Ово, давно далеко так не уходил от дома. К Посолодке вышел, где берёза стояла, прожжённая молнией. Показал ему

берёзу Кохта, сказал, от сей берёзы громовой уголь любую беду отвернёт. Отломил уголь Ово, сказал заветные слова и поклонился берёзе.

После дождей молчаливо становилось в лесу и неподвижно. Оседал вечерний свет на сосновых иглах. Багула шуршал под ногами, и шорох замирал за спиной, уходил в сумрак. И тревожно, и стыло на душе было. Боялся и не хотел верить Ово, что умрёт Овдей, уснёт, исчезнет, как сон, как свет, как исчезают звёзды, как исчезают воспоминания. И представил себе это Ово, с такой ослепляющей ясностью вдруг представил, что встал поражённый посреди леса, стиснул кулак до боли, и разломился в нём громовой уголь.

В избе Ово наклонился к Овдею, спрятал угольки в изголовье. Однако плохо под вечер стало Овдею. Замирало сердце и тут же в бег припускалось. Знобея, потянулся он к прозрачному флакончику с сердечком, но выпал тот из непослушных пальцев, под кровать укатился. Словил его Ово. Как Еремею, вложил в слабеющую руку, и спросил Овдей:

- Кто это?
- Не бойся, я с тобой. Я Ово!
- Ово! услыхал Овдей. Я помню, у тебя глаза зелёные, еловые.

В тот вечер нестерпимо ярко светила луна. Дорога белела, прихваченная морозцем. Бежал Ово к Мурину, летел серой птицею, скользил тенью, птицей и в окно стукнулся, забил по дереву, зазвенел стёклами. И услыхал Мурин, и догадался отчего-то сразу. Да не успели только.

– Не спи, Овдей! Встань, серебреюшко! – просил Ово, за руку дёргал, в глаза заглядывал, но пусто и холодно в доме уж было. Взял Ово Овдееву шапку, прижал к груди и в углу схоронился. Загремело в сенях – приехали.

Через два дня повезли Овдея на покоище. Снежок перелётывал, садился на жёлтую глину. Ово сидел под сосною, под ноги смотрел, гладил на колене Овдееву шапку. Вороны кричали, били в верхах тяжёлыми крыльями. Лопаты о белые камешки чиркали. Ово зажал ладонями уши, глаза зажмурил. После поплёлся за всеми, спотыкался

о комья мёрзлые. Тихо дышали и говорили люди. Сапоги шаркали.

В избе гремели умывальником, руки к тёплой печи прикладывали. Поели немного да водки едва выпили. На крыльце потоптались, замок навесили. И остался один Ово. Глядел вслед убегающим машинам.

Покачиваясь, прижал к лицу Овдееву шапку. Овдеем пахло, будто рядом стоял его Овдя.

– Махси! Больше нет никого. Вот я один и остался. Почему ты ушла, Махси?

Молчал дом. Молчала широкая печь. И двери молчали, и буфет с голубыми стёклышками, и пряслице молчало на холодном столе.

На ночь Ово забился за печь. Под головой шапка Ерёмы. У груди Овдеева шапка. За спиною совик Ефима. Под ладонью колпак Андрея. Все они тут. Федул, Мартимьян, и Марк, и Павел. Все вместе, все рядом. Никто не умирал. Никто.

Проснулся Ово. Снежок падал. И светло и бледно было в избе от раннего снега. Подтянул гирьку Ово, наобум перевёл стрелки. Натянул на голову шапку Овдея и, жмурясь, пошёл к колокольне. Скрипел снег под ногами. Белый, как заячья шубка. Растает скоро — оттого и скрипит.

Укрыл снег и дорогу, и рощицу, и следочки ангела присыпал густо.

Остановился Ово, храбро поглядел на окно церковное. Темнели окна.

Я – малый! – сказал Ово. – Я – низкого рода,
 но я хочу пройти. Нет никого. Я один остался.
 Я – последний. Овдея нет, теперь я за него буду.
 Я буду звонить в колокол. Дай мне пройти.

И отошёл, незримый и светлый, и потянул Ово на себя двери, и наверх поднялся, как три дня назад подымался Овдей. Отвязал верёвку — Овдей привязывал! На затылок сдвинул великую для себя Овдееву шапку, заглянул под колокол в зелёный сумрак и качнул било. Очнулся колокол, откликнулся тонко. Улыбнулся Ово и ударил в полную силу. И запел колокол, полетел звон над Евдою, полетел над рощею, над деревней.

- Меня зовут меня Ово. Я здесь живу.

ПОНОМАРЁВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

член Союза писателей России, *Пипецк.*

РОДИНКА

Нога нестерпимо болела, причём сначала боль была тупой, но время от времени её как будто кололи шилом с нескольких сторон, а потом тысяча чертей доставали ржавую двуручную пилу и принимались за дело. Андрей глухо застонал. Превозмогая боль, он достал из разгрузки индивидуальный перевязочный пакет, разорвал зубами оболочку и принялся неумело перевязывать рану. Нога вспухла и посинела, небольшое входное осколочное отверстие выше колена стало чёрным от запёкшейся крови. Ранение было глухим, железный осколок застрял где-то в мягких тканях бедра. Андрей бинтовал ногу, как учили, сверху потуже, ниже послабее. Медицинские бинты сразу же пропитались свежей яркой кровью. Боль стала отпускать. Андрей достал из кармана таблетку анальгина, положил под язык. Потом, перевернувшись на другой бок, снял с ремня фляжку. Отвинтил крышечку и запил таблетку водой. Глоток получился очень болезненным, как будто он проглотил верблюжью колючку. Ну, что ж? Ради такого дела можно и потерпеть. Андрей слегка закашлялся и обвёл взглядом помещение, в котором он находился.

Заброшенный сарай, сложенный из серого саманного камня, в нём, наверное, раньше держали скотину. Деревянные слеги, которые когда-то составляли крышу, поломались и рассыпались от дождей и ветра, и через прорехи проглядывало синее бездонное небо. Вокруг валялись охапки сопрелого сена, пахло овчиной и молодой травяной порослью.

Андрей очнулся от сильной боли недавно. Сколько он провалялся здесь и как сюда попал – он не помнил.

В висках застучало. Андрей вновь сделал глоток из фляги. Память потихоньку начала возвращаться к нему. Обрывки событий, случившихся сегодня, по очереди водили хороводы в его голове. Андрей попытался встать и, не удержавшись, рухнул на земляной пол, голова кружилась, как в детстве, когда на спор он прокатился на карусели три раза подряд...

Сегодня утром начальник разведвзвода, в котором Андрей проходил службу по контракту, сидя у костра и выхватив из него уголёк, прикуривал мятую «беломорину».

- Так вот, Трофимов, сказал он, и, обжегшись, бросил лучину, схватив себя за мочку уха, расклад такой, я говорю: вдвоём с Найруллиным выдвинитесь вдоль ущелья. Посмотрите что и как. Вечером один чабан говорил, что видел на тропе незнакомых людей.
- А чабану верить-то можно, товарищ капитан?
   Андрей достал сигарету из пачки, ловким движением пальцев размял её и прикурил у командира.
- Кто их тут разберёт можно им верить или нельзя. Тем не менее информацию нужно проверить. Намечается войсковая операция. Рисковать нельзя. Так вот, я говорю, сходите вдвоём и поглядите. Бойцы вы опытные, не первый год замужем. Прокрадётесь бесшумно и тихо. Не торопитесь, посмотрите как можно большую территорию. Если недобитки какие бродят, хрен с ними, я говорю, но крупную бандгруппу у нас в тылу мы прошляпить не имеем права. Ясно?
  - При обнаружении как действовать?

- Действовать по обстановке. Ноги-ноги уносите мою... Чего непонятного?
- Есть, товарищ капитан, засмеялся Андрей, тихо всё посмотреть и быстро унести зад!
- Только в случае обнаружения крупных неприятельских сил, я говорю, уносить-то, засмеялся вслед за ним взводный.

Айрат Найруллин был парнем молчаливым и, можно сказать, угрюмым. Спиртного не пил, в разговоры не вмешивался. Всё происходящее вокруг него Айрат воспринимал с невозмутимостью и некоторым даже безразличием. Только к гибели боевых товарищей он никак не мог привыкнуть. После того, как очередного «двухсотого» упаковывали в пластиковый мешок, Айрат уходил и подолгу скрипел зубами, сидя в одиночестве. В разведвзвод он попал недавно, после госпиталя, до этого он числился на погранзаставе возле Кодорского ущелья, но после того, как весь караул вырезали бандиты, возвращаться назад он отказался наотрез. Причём попросился добровольно в самое пекло. «Из огня, да в полымя», — так говорил про Айрата взводный.

Андрей шёл первым по тропе, Найруллин следовал немного позади. День был солнечным и безветренным, вокруг пели птицы, ароматы цветущих трав пьянили.

- Айрат, а ты в прериях бывал? и Андрей вполголоса запел, где среди пампасов бегают бизоны и над баобабами закаты словно кровь...
  - Не надо про кровь, отозвался Найруллин.
  - Чего, так молча и будем пёхать?
  - Да, молча. Так лучше.
- Как скажешь, и Андрей обиженно засопел, ты как думаешь, в нашей жизни случайности бывают? Или только закономерности?

Но Айрат ничего не ответил. Андрей прибавил шагу.

Сойдя с тропы, бойцы прочёсывали лес. Андрей не видел Айрата, но чувствовал его близкое присутствие. Вдруг он услышал, как справа от него три раза прокуковала кукушка. Это было условным сигналом. Андрей сел на землю, огляделся вокруг и пополз на звук. Айрат лежал в ложбинке и внимательно вглядывался вдаль. Андрей, подобравшись к нему, толкнул Айрата в бок. Тот посмотрел на

него и молча кивнул влево. Андрей поднял голову и выглянул из-за бугорка. Метрах в сорока вдоль горного распадка двигалась вереница вооружённых людей. Они несли тяжёлые рюкзаки, некоторые тащили на плечах пулемёты. Одеты они были в камуфляжи всех мастей и оттенков, на головах — зелёные повязки с арабской вязью. Вдруг первый остановился и поднял руку. За ним остановилась вся цепь. Человек огляделся вокруг, принюхался и вдруг посмотрел в сторону затаившихся бойцов. Андрей торопливо спрятал голову и, полежав пару минут, снова выглянул. Цепь вновь продолжала движение.

- Сколько их? шепнул Андрей.
- Штыков полтораста тихо ответил ему Найруллин.
  - Не соврал чабан!
  - Что, повернулся к нему Айрат.
- Вчера вечером их разведгруппа здесь шарилась. Проходы примечали. Всё, делаем ноги, и Андрей вновь толкнул татарина в бок.

До сих пор не мог понять Андрей, как они, – опытные и много повидавшие бойцы, – могли напороться на растяжку! Граната была хорошо замаскирована, а проволока натянута почти у самой земли, в густой траве они её просто не заметили. Но всё же! Не имели они права дать так себя облапошить! Не имели! Взрыв ухнул неожиданно. Найруллин свалился как подкошенный. А Андрея в ногу как-будто ужалил шершень. Он тоже упал, но, тряся головой, быстро очухался. Постучал себя ладонями по ушам, а когда, через несколько секунд, вернулся слух, взвалил на плечи Айрата и, пригибаясь к земле, побежал по лесу.

 Эй там, наверху, живы? – он тряхнул товарища, у Андрея по шее потекла горячая, липкая кровь.

Он снял Айрата и осторожно уложил его на траву. Найруллин с серьёзным выражением лица смотрел в голубое небо широко открытыми глазами. Осколок прошёл сквозь его шею, оставив глубокую рану, из которой клокотала алая кровь.

В нескольких метрах справа и слева у себя за спиной Андрей услышал незнакомую речь. Погоня шла по пятам.

 Прости, братан, – Андрей положил Айрата в яму и наскоро забросал ветками. Обернулся и дал очередь из автомата на звук голосов.

Андрей отстреливался долго. Целую вечность, так ему показалось. В него тоже стреляли. С какой стороны? Он не понял этого. Наверное, со всех сразу. Когда кончились патроны, он, зубами вырвав чеку, бросил гранату, за ней другую и третью. После чего вытащил нож и из последних сил бросился бежать...

Давным-давно, когда Андрей окончил второй курс института, — он с группой своих же друзей-студентов работал в стройотряде. В летние каникулы появилась возможность немного подзаработать. Ребята строили коровник в колхозе. Поселили их в старой одноэтажной гостинице, куда председатель колхоза селил всю сезонную рабочую силу.

Работали они с утра и до позднего вечера. Душа в так называемой гостинице не было вовсе, поэтому мылись студенты после работы в грязном, заросшем болотной тиной пруду.

Андрей разделся на берегу, уложил одежду и вошёл в воду. Намылившись, он принялся нещадно тереть себя мочалкой. Тело, не привыкшее к длительному физическому труду, приятно ныло.

- Друг, у тебя мыла не найдётся?

Андрей обернулся. На берегу стоял паренёк в тельнике, трико и сандалиях на босу ногу.

 Лови, – и Андрей кинул ему кусок скользкого хозяйственного мыла.

Парень ловко поймал его, затем положил на траву, быстро разделся и тоже медленно вошёл в воду.

- Спасибо, на Андрея смотрели чёрные весёлые глаза, – меня Ромкой зовут, а тебя?
  - Андрей.

Сложен Ромка был идеально. Высокий, стройный. Волосы цвета воронова крыла, правильно очерченное лицо, орлиный профиль, и только над переносицей — между глаз коричневой точкой висела большая родинка.

- Осетин?
- Чеченец, и Ромка принялся намыливаться, мы со старшим братом в садах яблоки собираем.
  - Платят хорошо?
- Мы натурой берём, Ромка засмеялся, пять ящиков наберём шестой наш.

– А мы здесь коровник строим. За молочной фермой. Видел?

После этого знакомства Ромка стал частым гостем у студентов. Он вместе с ребятами резался в нарды и футбол. Удар по мячу у него был хлёстким и плотным.

За «Терек» играл когда-то, – улыбаясь, говорил он.

Боялся Ромка только старшего брата. Слушался его он тоже беспрекословно...

Музыка играла громко. На поляне около правления колхоза отплясывали местные ребята и девчонки. Кругом царило веселье. Выходной как никак. Можно расслабиться и потанцевать. Студенты расположились отдельной группой. Ромка сидел рядом с Андреем на лавочке.

 Эй, черножопый, поди-ка сюда, – на Ромку зло смотрел взрослый парень, в зелёных брюках-клёш, он поманил его пальцем.

Раньше этого молодого человека Андрей не ви-

– Не связывайтесь с ним, – шепнула Андрею на ухо одна из местных девчушек, – это Генька Кривов, он недавно из тюрьмы вышел. Ой, что сейчас будет!

Ромка, улыбаясь, поднялся. Он смело смотрел парню прямо в глаза. Андрей тоже попытался встать, но парень толкнул его пятернёй, и он упал на лавочку.

 С тобой разговор позже будет. А сейчас я посмотрю, – какого цвета юшка у этого волчонка, – и он криво усмехнулся.

Андрей резко поднялся и встал рядом с другом, касаясь его плечом. Ромка оглянулся на него и, всё поняв, улыбнулся, затем нахмурился и вновь перевёл взгляд на Геньку.

 – А мы вместе, – и Андрей упёрся взглядом в круглые пьяные глаза...

Андрей услышал гортанную речь. Бандиты прочёсывали лес. «Сюда они точно войдут – пронеслось в голове, – не могут не войти. Ну, что ж умирать, так с музыкой».

Андрей пошарил рукой по полу и похолодел. Ножа не было. Он начал прощупывать разгрузку, затем карманы – нет.

Андрей почувствовал, как на него кто-то смотрит, и поднял глаза. В дверном проёме стоял здоровенный детина в камуфляже, в руках он держал АКС. Он внимательно разглядывал Андрея. Одной рукой он уже доставал из ножен кривой кинжал с костяной ручкой, повесив автомат на плечо. Рыжая борода топорщилась, надпись на арабском языке с двумя скрещенными мечами внизу белела в темноте.

По спине Андрея пробежал холодок, он молча опустил глаза и закрыл их, не в силах смотреть на свою смерть. Сейчас ему перережут горло. Как барану.

Бандит приблизился к нему и присел на корточки. Затем взял Андрея за подбородок и поднял

голову. Андрей приоткрыл веки. На него пристально смотрели чёрные глаза. Между ними, над переносицей висела крупная коричневая родинка. Несколько секунд они внимательно разглядывали друг – друга.

 Эй-а Ваит, хаски ву? – спросили снаружи, послышались приближающиеся шаги.

Бандит отпустил подбородок и торопливо поднялся, голова Андрея упала на грудь. Он приготовился к тому, чтобы умереть. Боль отступила.

- Эй-а доттага! снова крикнули снаружи.
- Вац, чеченец повернулся и медленно выходил из сарая.
- Спасибо, Ромка, прошептал Андрей, но тот только дёрнул плечом и исчез в дверном проёме.

РОМАНОВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

кандидат философских наук, *Подмосковье.*

слишком человеческое

Слава стоял на мосту. Тусклая железнодорожная ртуть стекала в дымную зарю. Та багряной ватой объяла горы новостроек. Бетонные волны мерцали, смывая с неба все до единой звезды. И вопрос «а где среди всего этого люди?» впервые не был банальной сентиментальностью.

Дорога к этому мосту началась год назад, когда Слава познакомился с Раей. Они были совсем разные. Он — крепкий высокий детина с лицом боксёра, но очень улыбчивый, со вкусом к простым радостям жизни. Она — хипстер эрудит с выбритым виском и шрамом на нём, крашеной косичкой, всегда в авторских платьях, холодным низким голосом била меткой иронией. Огромные зеленые глаза казались ещё шире от татуажа взведенных бровей. И ничего случайного ни в словах, ни в жестах.

Слава происходил из рабочей семьи, рано остался без родителей и с двадцати лет был полностью автономен. Чем занималась семья Раи, ему понять было трудно — возникало таинственное слово «биоэтика». Отец имел научные заслуги.

– Тылы у меня надёжные. Так что я – дауншифтер с уклоном в бэкпэкинг, – говорила Рая. Слава улыбался странным словам, но в расспросы не лез.

Не важно, что она говорит. Для него Рая была безупречна. В ней он видел венценосность человеческой природы, в торжестве которой и природные слабости обращались в достоинства. Божественность человека таилась не в демонстрации его силы, а в том, как меркнут его слабости на фоне сияющего духа, разумной красоты. Рая знала, как извлечь пользу из темных кругов вокруг глаз, из легкого шрама на виске, из желтоватой кожи — из все-

го, казалось бы, ущербного. Даже из иностранного сленга. И это гордо возвышенное, как бы снисходительное отношение к недостаткам своей внешности придавало ей благородства.

Форма – интонации, внешность, жесты, – возвышалась над содержанием, не умаляя его. То, что Слава назвал «породой». Главное же, – сила её ума, интеллект как идеальное дополнение к ресницам и бровям.

Восхищение ею было таким цельным, что ему иногда делалось страшно. Причину страха он никак не мог объяснить. Он никогда не боялся драк, даже неравных. Тяжёлый труд и телесный дискомфорт не пугали его.

Но тут было другое. Иногда в ночной час волны трепета накрывали его, и бессонница выводила из чёрно-фонарной бездны отворот её профиля, затылок, колыхание платья, всегда — спиной, удаляясь. А если то был сон, он всегда гнался за ней, падал, умоляя подождать, а она что-то мило и холодно говорила, никогда не оборачивая лица.

Страх стал, наконец, необходим ему для чувства жизни. Знала ли она, что он готов был рассыпаться перед ней во прах? Он не мог позволить себе ни фамильярности, ни вульгарной выходки, ни громкого дифирамба — благоговейно скованный, животно усмиренный. Она отнюдь не водила его за нос, не игралась в утверждении своей власти. «Ах ты, бедный, бедный, влюбленный великан».

В детстве Слава часто гостил загородом в деревне. Он всегда подчеркивал: «Не дача, а деревня». Где нормой было не встретить в лесу ни одной бутылки под ногой на много километров. Теперь

дом был продан, спальные районы обстали и душили его. Но Слава всё ещё не знал ничего лучше, чем вылазки в пригородный лес. Где ущербно робкая природа, как тусклый отблеск гиперборейского мифа, врачевала и тихо радовала своё отпавшее дитя.

Слава не знал ничего лучше, чем позвать Раю на прогулку в лес. Так пускают в алтарь вновь крещаемого — самая интимная встреча. Слава ступал по-хозяйски спокойно, но чутко. В камуфляже и высокого голенища сапогах. А Рая даже сюда явилась в платье с претензией на «деву северных лесов» — лён ворота под горло, раструбы рукавов скрывают плотный манжет. Он готов был нести её на руках, он купался в мифе, прекрасно ею источённом.

Они шли мимо душной пены ивняка, над ручьем в гниловато-сладком камыше, мимо лёгшей от долгой июньской засухи, но ядовито-молодой осоки. Наконец встали тенями шатры сосен, и далеко вперёд видны стали их лысые стволы. Того же цвета, что и столетний ковёр опавшей хвои.

Здесь было вольно говорить, и Рая вновь вернулась в свою стихию – языка.

- Всё это, она повела точеным подбородком,
  код русской культуры.
  - Деревья?
- Лес. Вот возьми скандинавский эпос. Почитай саги про Мюрквид. По-русски «тёмный лес» значит. Священное почтенное место.
- Так то скандинавы, Слава по-боксёрски робко улыбнулся.
- А штука в том, что они так наше Полесье называли. Географическая привязка есть. И вот через него летят юные девы – прясть лён судьбы на балтийском берегу.

Полные губы скептически сжаты.

- Это наши леса. Зайцы с опятами. А для жителей фьордов сущий ужас, лихой железный лес.
- Девы летят, значит? он перенес ее через жижу сухого русла.
- Для русского сознания важен код леса. А для них код дерева жизни. Отсюда культ Иггдрасиля, на котором Один повесился. Вёльва называет его «древом предела». Мир понятен и хорош, когда у него есть предел очертаний, мера. В беспредельности только хаос и страх. А когда деревьями так гу-

сто, как в наших лесах, то и миров много — страшно потеряться. Но вот древляне, да и все, кто тут жил раньше, — заплутавшие. Скандинавы их потому собрали в города. Кстати...

Она выпутала ветку из голубой косички.

- Кстати, город тоже скандинавское словцо.
   «Град» на славянский манер, или «гард» на западный. Славянская страна звалась ими Гардарики. Просто цепочка огражденных сёл среди вот этого всего.
  - Очень интересно.

Он сказал так из вежливости. Скорее, даже – от восхищения, желания быть хорошим, как ученик перед ликом мудрой праматери учительницы.

- Не просто интересно. Это то, как прописано наше сознание.
  - Как это, «прописано»?

Когда он начинал таким образом задумываться, что-то тревожило его, и глубоко он не лез.

- А так же, как компьютерная программа. Коды, цепочки кодов, кластеры. Как грозди данных, а их соединяют перемычки дискурсов. Сейчас вот у нас дискурс цифрового капитализма, рынок перемыкает смысловые пучки.
- Наверное, я ещё глупый. Кодов не вижу только деревья.
- Тебе просто не хватает объёмного зрения. За деревьями не видишь леса.

Слава на миг потерял улыбку, собрал на лбу складки.

– Ну, так лес у меня в голове, а деревья – вот они, реальные. Одно дело – как-то себе объяснять вещи, другое дело – видеть их как они есть. Первое самовольно, второе реально.

Рая взглянула с нежным удивлением. Она редко смотрела нежно.

- Да ты претворяешься. Всё-то ты понимаешь, но делаешь вид.
- Серьёзно, я никогда об этом не думал. Хотя это вообще просто. Без всякой философии.
- Есть люди, говорила Рая, которые видят деревья, другие лес. Для первых существует чтото здесь и сейчас, без разницы, как он это назовёт. Что-то всегда новое и удивительно разное. Но такие люди наивны и ведомы. Им можно навязать любую модель описания того, что их удивляет. Да,

они тоже нужны, иначе в мире было бы совсем душно от правил. А вот правила устанавливают другие — те, для которых существует лес. Вечный, как легенда. Деревья рождаются и умирают, они непостоянны, и их как бы нет совсем. Ты показал на него пальцем, — сиреневый лак её ногтя мистически блеснул на рыжей коре, — а это уже другое дерево. Не то, что было миг назад. Иное дело — лес.

- Но лес тоже можно вырубить.
- Можно вырубить конкретно этот лес. Но сама идея леса, сознание леса останется в вечности.
- Получается, есть мир конкретно этих деревьев, на которые можно указать пальцем, а есть какой-то другой, где растет вечный лес?
- А ты хорош, она прищурила точеную бровь, взяв его за локоть.
- Ну а если в тот вечный лес, или как бы его назвать...
  - Идея леса, поправила Рая.
- Ну да, если в этот идеальный лес, который во вселенском сознании живёт, кто-то придет с идеальной пилой? Тоже с вечной и нерушимой. Кто тогда победит? Лес или пила?

Рая остановилась и долго посмотрела ему в глаза. Чудесные зеленые цветы с чёрной сердцевиной. Ему опять стало страшно и вместе с тем благостно.

- Человеческое, она улыбнулась одним уголком губ, – слишком человеческое.
  - Как ты сказала?
- Я говорю, разум человека не может вместить это. У тебя тут, – она легонько щёлкнула ему по лбу, – прибор, который служит двум господам одновременно.
  - Каким таким господам?
- А это из Библии. Короче, разум человека плут и лицемер. Мне не нравится разум человека.
   Он слишком много тратит на заботу о куске хлеба.
   Он говорит, что все вещи одновременно и конечны, и бесконечны.

Слава хмыкнул и взял её за плечи:

- Ну да, иногда лучше довериться не разуму, а чувствам.
- Как животное? она поглядела исподлобья, дерзко вздув ноздри. Она была хороша как никогда.

Вскоре они вышли на дикую поляну. Паркая таволга душно белела под зноем, точно нетающий снег.

- Но если на разум нельзя положиться, спросил Слава, пробивая тропку, зачем тогда его развивать? Зачем читать книги, учиться?
- Чтобы взломать этот самый разум, увидеть, как он устроен.
  - Я думал, чтобы сделать жизнь лучше...
- Жизнь, усмехнулась Рая, пока остается вопрос смерти, жизнь теряет всякий смысл. Единственное, что должен сделать разум человека перестать быть разумом человека. Стать просто разумом.

Слава сорвал пару острых листьев таволги и пожевал их. Так пахла бабушкина мазь.

- То же самое, что с лесом? спросил он. –
   Уйти от настоящего дерева к абстрактному?
- Просто перестать тратить время на частное, уйти в регион вечных принципов. Перестать быть человеком. Стать разумом, блаженным и свободным от границ. Посмотри, она указала пальцем куда-то, и Славе сперва показалось, что на цветущие кусты рябины, всё тлеет. Распад суть жизни, которой и нет вовсе.

За рябинником он увидел почернелый от грибов и насекомых ствол мёртвого дерева. Он не разглядел его сначала, потому что ствол казался тенью прорех в кипучей чаще. Так человек не замечает стёкла очков, мелкие царапины которых незаметно, но верно утомляют зрение. Обглоданный труп дерева раскинул немощные когти и дразнил небо сколом верхушки.

- Ну, так это нормально, Слава пожал плечами, если б не было смерти, жизнь не была бы так... ну, интересна, любима. Род продолжается.
- А что такое род? спросила Рая, отражение вечности во временном. Рождение детей попытка вписать бессмертие в смертного индивида. Короче говоря, мне кажется, надо растворить свою личность в чём-то вечном и едином. Нет, я не хотела бы говорить, что это для всех. Предлагать проекты всеобщего благоденствия и бессмертия два шага до шовинизма. Каждый выбирает сам. Но современность уже чревата ответом, технологии есть.

Слава не слышал её последних слов – длинной палкой он спугнул в траву чёрную гадюку с тропы. Солнце отразилось белёсо на мелкой чешуе, и ту-

гая грация змеи на миг очаровала его. После чего захотелось взять Раю за руку и тем восстановить все узы и мосты.

Осенью стали говорить о близости очередной пандемии. Неведомое поветрие обещало запереть по домам всех горожан под страхом суда. И Слава решился, пока не закрылись нужные инстанции, сделать Рае предложение и форсировать все церемонии.

Был день её рождения, который традиционно справлялся в кругу семьи. Да и где ещё его справлять – круга друзей у неё не было. Вернее, был, но виртуальный.

Слава решил сперва сообщить о своих намерениях её отцу, добродушному представителю последней советской интеллигенции с горьковскими усами, которые Рая называла ницшеанскими. С утра выходного дня отец был в лёгком хмелю и расположен к откровениям. Пока женщины плавали в кухне, он и Слава сидели на огромном диване, созерцая на не менее огромной плазме боксёрский поединок.

- Всё же наш боец похож на тебя, сказал отец
   Раи, ты сам боксом не занимался?
  - Нет, не приходилось.
- Ну, может быть, ты забыл, у боксёров так бывает, он хохотнул собственной шутке и умильно потрепал Славу по плечу.
- Может быть, улыбнулся Слава, но вот что я не забыл, так это такое дело. К вам. Просьбу одну. Вернее, как бы сказать...

Не отрываясь от экрана, отец пробасил из-под усов:

- Да так и скажи.
- Я хотел бы сделать вашей дочери... ну, в общем.

Неожиданно отец Раи поднял ладонь и прикрыл глаза. Вместо ответа он трижды цыкнул языком.

- Вы против?
- Меня тут нет.

Слава чувствовал, как горят щёки.

Иди, скажи ей. И странно, что ты не знаешь.
 Все эти игры. Иди-иди.

Клинч разрешился ударом гонга, и под крики толпы Слава направился в кухню. Он всё представлял не так, но в кармане брюк ощупывал бархатистую коробочку с кольцом. И сжимал её, как залог того, что реальность не развалится.

Рая заметила его смятение и пригласила поговорить в коридор.

- Эй, она провела ладонью перед его лицом, там все живы?
  - Всё хорошо.
  - А чего ты такой?

Слава ощутил запах мясного пирога и решил взять себя в руки. Лучше он сделает это за столом, официально и чинно. Но она не отпускала его, вглядывалась и мрачнела. Этой мрачности он допустить не мог и начал:

- Твоему папе сказал вот. А тебе как-то сложно.
- Нет уж, теперь не отвертишься.

Он достал мокрую от ладоней коробочку, раскрыл, и кольцо притянуло его белёсым отражением света. Мыслей будто не было — только отражение. И за пеленой лучей вдруг начал проступать какой-то звук. Это был её смех. Прикрывая ладонью то глаза, то рот, она припала к стене. Но вскоре перестала, повернулась боком. Точёный профиль был спокоен и синеват. Таинственный шрам на обритом виске напомнил про змею в траве.

- Ты чего? смутился он.
- Про служение двум господам подумала.
- Чего, он недоверчиво поднял глаза, у тебя кто-то есть?
- Ох, Слава-Слава, дело не в этом. Говорить долго, а ты ж у меня не философ. Ты самый замечательный и самый живой, кого я знаю. Живой, понимаешь?

И она так виновато улыбнулась, так изогнулась дуга бровей, что он где-то в глубине понял всё, хотя и не мог облечь это в слова. То, что он понял, билось о стену недоверия, но Рая взяла его за руки, как в кружащем танце, и легко улыбнулась. В улыбке не было никаких чувств, только прямая идея самой улыбки.

Следующим утром Слава получил от неё электронное письмо. Вот оно:

«Вчера ты был и так подавлен, и вываливать на тебя всё это я не имела права. Сейчас мною движет только сила правды, мне не жалко тебя или себя — в каком-то смысле, некого жалеть. Правда в том, что мы часто отворачиваемся от реальности, цепляемся за устаревшие модели её описания.

Я уже говорила – это свойственно тем, кто слишком привязан к деревьям. А я выбрала лес.

Ты любишь жизнь – человеческую жизнь. Поэтому хочешь семьи, детей, продолжения праздника. В этом много тепла, и ты сам – большое и тёплое сердце. Как много женщин, мечтающих о таком!

Шесть лет назад знаменитый врач, папин коллега, установил у меня высокую предрасположенность к ранней онкологии. Выхода было два — ждать или действовать. Папа решил действовать, он предложил мне пройти процедуру замещения. Может, что-то слышал? В то время это была экспериментальная разработка, но сегодня её уже используют. Просто под подпись о неразглашении. Тебе я доверяю.

Суть замещения в том, что под височную кость внедряют маленький сканнер. Он считывает нейронную информацию прямо из мозга и постепенно формирует устойчивые паттерны — вроде набора реакций, характерных для конкретного индивида. Короче говоря, создаёт адекватную модель характера. А пресловутое серое вещество постепенно выжигает, как бородавки.

Ты обратил внимание на мой шрам, и я тогда сказала тебе, что в своё время всё узнаешь. Не думала, правда, что наши отношения зайдут так далеко, и ты до конца будешь джентльменом – предложишь мне жениться. Но оказалось так, как оказалось, и я не хочу тебе врать.

Мы могли бы и дальше делать вид, что всё хорошо, даже жить семьей. Но когда ты будешь разговаривать со своей Раей, ты будешь знать, что её сознание раскинуто сетью над всем Земным шаром, а не локализовано в голове с милой розовой косичкой. Ты будешь знать, что её ответы и реакции – возбуждение пучков этой сети, а её «Я», она сама – это целый легион. Что перед тобой стоит форма, содержание которой гораздо богаче её самой. Эта форма отвалится, когда придёт час. Но разум останется, обогатится очередным опытом телесной смерти, испытает блаженство её познания. Представь, во мне живёт опыт многих смертей, которые уже вписаны в сетевые паттерны. А ты удивлялся, что я так много знаю, так много могу рассказать. Как будто это из книг. Да всё это пшик в сравнении с внеязыковым знанием предела!

В конце концов, если ты спросишь меня, живу ли я – что я отвечу? Где эта самая «Я»? Если человеку заменить все органы на искусственно выращенные, – будет ли это тот же самый человек? Кто-то скажет, да будет, пока его мозг при нём. Но если медленно и системно заменить ему весь мозг?

Итак, что живёт? Я не живу, но живёт сама жизнь. Правда, находится она не там, где ты, Слава, а там, где я. Там, где ты, — царство распада. И человеческие попытки остановить распад созданием всё новых и новых индивидов. А здесь, в виртуальности — леса бессмертия. Что же, когда ты будешь разговаривать со своей женой Раей, когда будешь умиляться с ней вашим детям, сможешь ли ты закрыть на всё это глаза? Я могу стать твоей женой, Слава. Ты подходишь мне в этой игре. Но теперь я бы хотела спросить тебя — будешь ли ты моим мужем?»

К письму был приложен завизированный протокол биоэтической комиссии по операции замещения.

Слава стоял на мосту и глядел вниз. Ладони мокро резал шершавый чугун. Невозможным казалось напиться зимним воздухом, но сладким был каждый надрез вдоха. Слава хотел испуга, боли, хоть какого-то ощущения огня. Он ускользал из мира. За ширмами света и звуков не было смыслов. Только сигналы и атомы, да и они, будто луковица, слоились в ледяные бесконечности. У луковицы нет сердца, у бытия нет ядра. Ноги его барахтались в небе, руки сквозили призрачным светом, туман был всюду — в душе. Приближалось что-то огромное, что-то потрясающее.

Так однажды он испытал потрясение от мысли: а что, если он органически не умеет любить? Что, если всю жизнь его будут вести зависть, инстинкт, похоть и чувство собственности, чем-то схожее с социальным престижем, — а не то, слабым отсветом чего всё это является. Не любовь. Он робел говорить об этом с друзьями. В его моральной установке мужчине запрещено было речевать в таком тоне. И он вжимал это в себя, а эрос русского леса с запахом грибов, пыльцы и охоты на уток баюкал ещё нераскрытое чувство половой любви.

Но в лазейку сантиментов проникли и другие сущности, разрослись в его душе тайными гроздьями и теперь жгли сердце. Это были вопросы о месте его «Я» в мироздании. Что, если весь мир, видимый им, — только проекция его сознания, и ничего, кроме его самого, нет и никогда не будет? Что, если в отношении к другому человеку он имеет дело только с самим собой? Никогда не оформлял он этих вопросов так заумно, но интуитивно ощущал их правомерность. И тут же отметал свои сомнения в каком-то титаническом упоении силой природы или собственной силой. В экстазе растворения действием, когда футбол, охота, драка, наслаждение едой или вином — стирали границу между ним и миром.

Наконец, любовь к самому чувству любви могла быть, да и всегда была, куда больше, чем к тому, на кого это чувство направлено. Рая как-то сказала ему, что куда интереснее сама природа мысли, чем её объект или даже субъект. Что есть сама мысль, что есть само чувство - без мыслящего и чувствующего. Слава бы никогда не задал такого вопроса... вернее, не признался бы себе, что вот именно такой вопрос, а не зубная боль, ревность или сострадание, мучает его на самом деле. Что настоящая любовь, настоящее счастье, единение и общение не имеют ничего общего с наслаждением. Что всё это, скорее, через страдание, страх и даже ужас даётся любящему. Отрекаясь от себя, он обретает всё, включая и себя самого. И что любящий достоин уважения и почёта именно по страдательной своей природе. А не по чувству любви, которое есть замкнутое на себе любимом наслаждение возможностями единственно существующего «Я».

Да и неужели чувство или его описание в словах – это и есть сама любовь? Он был не согласен, он хотел вернуться назад к вещам, к «деревьям». Что вообще такое язык? Это испускаемая сеть, в которую паук ловит живой мир с целью умертвить его на благо собственному животу. Хотя и сам мир этот не что иное, как измышление этого же паука. Живот, что питается своими же иллюзиями, мёртвые, хоронящие своих мертвецов.

И вот теперь нарисованный камин из всем известной сказки был пробит острым носом. Где был

человек, оказалась толща нитей, будто бесконечно плотный моток паутины. Паук поймал добычу, но это — пустота, и в коконе нет мотылька. Так со всех сторон. Вся когда-либо сплетенная паутина — кокон для самого паука. Чем больше человек ловит других людей, тем гуще он закапывается в себе самом. И когда одиночество свербит и душит, он пытается поймать всё больше и больше, но это как тушить огонь бензином.

Но ведь надо же тушить! Рано или поздно кокон разрастётся до таких размеров, что найдётся ктото, способный заметить его гигантское уродство, кто-то способный пожалеть и сокрушиться об этом пауке. И этот кто-то будет спасителем, священной фигурой. Ловцом и рыбаком. Он сам поймает, сам предложит общение, и это сожжет ворох паутины, растворит иллюзию конечного существования в кислоте вечности. И прощание будет сладким, как небывалые слёзы. В северной легенде говорится о медовых слезах, по истечении которых мать в колыбели определяла судьбу младенца. Святые молили о слёзном даре - субстанции, способной прожечь кокон одиночества. Когда человеческое, пусть даже и слишком человеческое, вдруг опознанное в другом биологическом объекте, будет гордым свидетельством истины. Когда за всеми рядами серых, сирых и ничтожных замерцает единый и вечный человек. За деревьями увидится лес, невозможный, однако, без этих самых деревьев. Когда узнается, что единое возможно только как многое, а всё множество определит себя через его пронзающее единство. И человеческое, слишком человеческое, как самый мизерный минимум бытия, как минимум абсолютный, осознается абсолютным максимумом. Не может быть абсолютный максимум меньше самого себя. А то, менее чего ничего быть не может, и есть - омывающий ноги своим ученикам и так смирившийся. И всё во всём.

Так падали на чугун моста сырые хлопья снега. И ртуть путей уносила огни поезда. Никого не было на том мосту. Никого никогда не было там — только этот бесконечный разум, эта вечная плоть и непрерывная связь между ними, ничем от них не отличная.

IV.

поэзия

МИШУЧКОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат философских наук, доцент, лауреат конкурса «Серафимовский учитель», *Краснодар.*

Молитва о России

О Господи, молю Тебя о тех, Которые в Твоей руке незримой, Ты молишься в молчаньи обо всех, За Русь Святую, о моей России!

О каждом, кто к Тебе в любви приник, Душою, обнаженной от страданья, Кто в землю пал от пуль в последний миг, С молитвою неся Тебе признанье.

О тех, кто нашу Родину сберег От поруганья и от злой измены, – Кто выстоял во лжи, с Тобою смог Остаться в вере, в истине нетленной.

О людях, позабывших про Тебя, Что снова Русь Святую распинают, Молись о чадах, Русская земля, Орлы над трупами живых летают.

О Господи, молю Тебя о тех, Которые в Твоей руке незримой, Ты молишься в молчаньи обо всех, За Русь Святую, о моей России!

ФРОЛОВ-КРЫМСКИЙ КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ

поэт, актер, крымский бард, *Симферополь.*

«Гимн Севастополя 1853-55 гг.» был написан мной в 2005 году, когда мировая общественность отмечала 150-летие окончания Восточной (Крымской) войны.

К этому времени вышло много научных работ наших крымских учёных, в которых были опубликованы новые факты и оценки событий тех дней. Несколько таких исследований оказалось в моих руках, что привело к написанию цикла стихов и песен, посвящённых Крымской войне. Мне же, как человеку, получившему специальное историческое образование, многие факты показались очень близкими современным событиям, происходящим в Крыму, на Украине и в мире в целом, что привело к написанию «Гимна Севастополя времён первой обороны». Как впоследствии выяснилось, 23 года «украинства» город-герой переживал свою третью оборону, самую длинную и не менее тяжёлую, чем предыдущие две.

Стихотворение «Мы — русские» было написано в 2012 году. Честно говоря, я не ожидал, что оно станет настоящим событием для всей России и даже для многих людей за рубежом, для которых судьба России очень близка и дорога. Например, недавно мне прислали ролик из Сербии, где сербы читают это стихотворение на русском языке, а на экране идут титры перевода на сербский язык. У меня множество видеороликов, на которых стихотворение «Мы — русские» читают представители самых разных возрастных групп, начиная от 4-летних детей и заканчивая умудрёнными жизнью пожилыми людьми. Это стихотворение во многих школах России стало обязательным для изучения на уроках русской литературы.

Стихотворение «За Дарью!» было написано почти сразу после подлого теракта, совершённого нацистской диверсанткой против нашего известного философа Александра Дугина, в результате которого погибла его дочь Дарья Дугина. К сожалению, это далеко не единственный подобный теракт, на который только и способны потомки бандеровских недобитков, захвативших власть на Украине. У нашей страны историческая миссия окончательно вычистить эту нечисть с исконно русских земель Малороссии и Новороссии. Как бы ни бесновались нацистские прислужники, их финал близок. Победа однозначно будет за нами.

Гимн Севастополя 1854-1855

Над бастионом реет наше знамя. Опять в набат звонят колокола. Орел двуглавый воспарил над нами, Расправив благородные крыла. Клинком английским и штыком французским Наш дух не одолеешь никогда! Покуда Севастополь будет русским, -Россия не изведает стыда! Чиновники, щадящие мундиры, Нам шлют указы из дворцов своих. Но наши боевые командиры Умрут за нас, а мы умрем за них! На площадях и в переулках узких Мы стерпим боль, жару и холода! Покуда Севастополь будет русским, -Россия не изведает стыда! Славяне, нам чужой не надо славы! Мы выстоим у крепостных ворот!

Нам не страшны ни турки, ни зуавы, Ни пресловутый Королевский флот! Пусть кони задыхаются в галопе, Пусть рвется в бой несметная орда! Покуда будет русским Севастополь, — Россия не изведает стыда! На бастионах с нами все святые! Им ведомо, что ныне на весах: Честь православной матушки России Полощется на белых парусах! И нам не нужно западных утопий! Пусть знает враг, нагрянувший сюда: Покуда русским будет Севастополь, — Россия не изведает стыда!

2005.

Мы русские

«Мы русские – какой восторг!» А. В. Суворов.

Один чудак с лицом фальшиво-грустным, «Ютясь» в салоне своего «порше», Сказал: «Мне стыдно называться русским. Мы – нация бездарных алкашей.»

Солидный вид, манера поведенья – Всё дьяволом продумано хитро. Но беспощадный вирус вырожденья Сточил бесславно всё его нутро.

Его душа не стоит и полушки, Как жёлтый лист с обломанных ветвей. А вот потомок эфиопов Пушкин Не тяготился русскостью своей.

Себя считали русскими по праву И поднимали Родину с колен Творцы российской мореходной славы И Беллинсгаузен, и Крузенштерн.

И не мирясь с мировоззреньем узким, Стараясь заглянуть за горизонт, За честь считали называться русским Шотландцы – Грейг, де Толли и Лермонт.

Любой из них достоин восхищенья, Ведь Родину воспеть – для них закон! Так жизнь свою отдал без сожаленья За Русь грузинский князь Багратион.

Язык наш — многогранный, точный, верный — То душу лечит, то разит, как сталь. Способны ль мы ценить его безмерно И знать его, как знал датчанин Даль?

Да что там Даль! А в наше время много ль Владеющих Великим языком Не хуже, чем хохол Мыкола Гоголь, Что был когда-то с Пушкиным знаком?

Не стоит головой стучать о стенку И в бешенстве слюною брызгать зря! «Мы – русские!» – так говорил Шевченко. Внимательней читайте кобзаря.

В душе любовь сыновнюю лелея, Всю жизнь трудились до семи потов Суворов, Ушаков и Менделеев, Кулибин, Ломоносов и Попов.

Их имена остались на скрижалях, Как подлинной истории азы. И среди них, как столп, – старик Державин, В чьих жилах кровь татарского мурзы.

Они идут – то слуги, то мессии, – Неся свой крест согбенно на плечах, Как нёс его во имя всей России Потомок турка адмирал Колчак.

Они любовь привили и взрастили От вековых истоков и корней. Тот – русский, чья душа живёт в России, Чьи помыслы – о матушке, о ней.

Патриотизм не продают в нагрузку К беретам, сапогам или пальто. И коль вам стыдно называться русским, Вы, батенька, не русский. Вы – никто. 18.11.2012

За нашу Дарью!

Кто вас рожал, убогие безумцы? Какое вам давали молоко? Кто в ваши души всаживал трезубцы Чтоб изувечить быстро и легко?

Кто вас взрастил, носители порока? Кто всыпал в души плевел и лузги? Кто зарядил трусливую жестокость В тупые примитивные мозги?

Вы не способны на святое дело. Ваш почерк – впятером на одного. Вы только на грабёж идёте смело. «Брак производства», только и всегс От вас за полквартала запах прели! С ним можно только дьяволу служить. Немногое, в чём вы поднаторели -Предать, подставить, бомбу подложить.

Но это знак позорного безволья, Бессмысленных хождений вдоль стены. Для вас чумных осиновые колья На складе уж давно припасены.

Вы все осточертели нам по гланды! От гнева замирает всё внутри! Лишь «колья» терпеливо ждут команды: «За нашу Дарью – Триста! Тридцать! Три!»

21.00 28.08.22

ГАБРИЕЛЯН ОЛЕГ АРШАВИРОВИЧ

доктор философских наук, профессор, *Симферополь.*

Я не знаю, что будет, Но я знаю, что есть. Пусть нам совесть разбудит, Задремавшую честь.

Пусть она встрепенется – И откроет глаза. Блеском жизни нальется – Впереди нас – Война.

Раз уж выпала ноша – Нам ее и нести. Скоро снег запорошит Все дороги-пути.

Если гложут сомненья, Нету веры в душе — Вспомни всех тех в Одессе, Сожженных в огне.

И аллею ту вспомни, Где покоятся в ряд – Нет, не дети, а ангелы Убиенно лежат.

Вспомни Красное знамя – Там в старушьих руках. И ту веру, что пламя – Горит на ветрах.

Нам обидно за знамя, Что втоптано в грязь. Над старушкой глумилась Безнаказная мразь.

Если можешь кому-то Такое простить, Как же дальше ты будешь На земле этой жить.

Если думаешь, горе От тебя далеко, То оно слишком близко – Не чужое – твое.

В этой жизни известно Двум смертям не бывать. Но одной все равно нам Не миновать.

Если выпадет жребий Нам стрелять, так стрелять. Знать, что дорого нам И за что умирать.

Но хотелось бы жить, И детей поднимать. Строить с миром свой дом, И деревья сажать.

Снова мир поле брани - И в былом, и сейчас Я уверен — Бог с нами, Тогда кто против нас!

Рядом с нами навечно, Исполняя свой долг, Русский мир с русской речью И Бессмертный наш полк.

Я не знаю, что будет, Но я знаю, что есть. Защищать будем жизнь, Защищать будем честь!

Ноябрь 2022.

ГУРЕВИЧ ИГОРЬ ДАВИДОВИЧ

член Союза писателей России, Архангельск.

К Европе

О, Европа моя! Сколько раз я тебя покрывал! Сколько раз я тебя прикрывал От чумы, что страшнее заразной чумы, Той, что строит людей, искушая умы, Той, что вправе решать, для кого этот свет, Этот мир.

Той чумы, у которой есть высший кумир На Земле - заменяющий Бога и рай. Той чумы, что кумиру орала священное «Хайль!»

Сколько раз, потаскуха, тебя я спасал от войны. За которую ты не признала великой вины, Ты стонала как баба, что мужем застукана в спальне: «Виновата не я! Сам приперся настырный охальник!» -И лупила по бедрам, как глупая квочка, себя.

Я прощал тебя, сволочь, истерзанным сердцем любя Твоих Дюреров, Бахов, Стендалей, Флоберов, Гюго, Мопассанов и Гейне, твоё Возрождение, моду. Я тобой восхищался, стесняясь себя самого За медвежью породу.

Только ты не умела ни слышать, ни знать, ни любить. Ты спала, с кем хотела. О! продажное тело,

Чем ещё ты могла за спокойную жизнь заплатить?

Бог с тобою, дурёха! Но, знаешь, мне жаль одного: Ты не стала рожать от соитья со мною. Что теперь? Впереди у тебя – ничего. Но зато доллар-штык за твоею протрузной спиною.

Неужели не чувствуешь: старость, маразм, пустота. Даже если захочешь родить - не твоя перспектива.

И зияет, как пропасть над миром, твоим высота. И мертвеет твоя мной когда-то взрыхлённая нива.

Тиха украинская ночь

«Тиха украинская ночь», – Когда-то я читал и верил, Свои распахивая двери, – И мрак ночной скрывался прочь:

Не от решительных ракет, Не от снарядов дальнобойных – Бежал от лампы он настольной, И этой школьной лампы свет

Сливался с лунною тропой, Ведущей к ближним абрикосам, Где чернобровой девы косы Мне обещали рай простой –

Обыденный, как эта ночь С её прохладным поцелуем...

«Тиха», – шепчу как аллилуйя, Но мрак бежать не хочет прочь.

Уже не хочет – он привык, Приник, прибился... присосался И в память чистую пробрался, Как чёрный колдовской язык.

Недостаёт уже свечи, настольной лампы — просто света, и в мраке корчится планета, не шепчет, в голос голосит:

«Тиха украинская ночь!» В чьи уши, Господи, в чьи души?! Глухие не умели слушать, Слепые не бежали прочь.

Конечно, день ещё придёт – Прольётся солнца свет на землю, Но до тех пор она не внемлет, Который год, который год,

Скрывая боль свою во мраке, Хоть далее терпеть невмочь Детей, что взращены для драки...

Тиха украинская ночь...

ОРЕХОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор философских наук, профессор, *Москва.*

Киевский вокзал

Здравствуй, Киевский вокзал! Я еще не всё сказал, Я еще не всё увидел, Я еще не всё связал. Даль премудра и светла, И, как ранняя пчела, Прогудит экспресс сердитый Вглубь Буджакского угла¹.

Украина и Молдова, Две ладьи во льдах суровых, Две любви во снах бедовых, Эх, вам горе — не беда! Не беда, что мачты сбиты, И борта волной разбиты, И в пробоины, как в сито, Хлещет черная вода.

Будет Днепр, а вслед за ним, Днестр, лиман и иже с ним, Режет гладь корабль античный, Я перекликаюсь с ним. С ним и янычаром сонным, Что на бреге однотонном, Взрытом ужасом кессонным С юга хлынувших лавин ...

Украина и Молдова, Длань протянута Петрова, Здесь и здесь мы ставим стан, В буре Измаил и Рымник, И Суворов, граф и схимник, Турку подбавляет жар.

Взбрыкнет пушкинский Пегас, Гения являя глас, И беспутный век двадцатый Перепутал шляхи там, Где кричит ночная птица, И таможня, и граница, Встали, как бойцы на танк.

Украина и Молдова, Из-под ужаса хмельного, Из-под мутных стиіных глаз, Налитых тоской и злобой, Верю — до креста, до гроба, В нить, связующую нас!

Три угла в угле Буджакском, Три народа в стане братском, Каждый – пахарь, дворянин, Воин, бард и чахлый странник, Вдаль бредущий вдоль окраин Войн, империй и равнин.

¹ Буджак — буквально «угол» — историческая область, примерно соответствует современному югу Молдавии и югу Одесской области Украины. У А.С.Пушкина в «Цыганах»: И правил Буджаком паша //С высоких башен Аккермана. Аккерман — современный Белгород-Днестровский.

Здравствуй, Киевский вокзал! Я еще не всё сказал. Я еще не всё увидел, Я еще не всё связал. Даль премудра и светла, И, как ранняя пчела, Прогудит экспресс сердитый Вглубь Буджакского угла ... 2010. Москва-Киев-Железноводск.

Девяносто первый год

Девяносто первый год, Я люблю его приход, Цепи рвет аспирантура, -Мой кощунственный заход. Молодым везде дорога:

От тюрьмы и до тюрьмы, От Кремля и до острога -Только русло Колымы. Спит Голландией подруга, Ну, а мне на всё плевать! Чашку чая в руке друга -Как подругу целовать! Вольный воздух Украины Тамбуринит мне с крыльца. Боже мой! Как мы едины За полгода до конца! Ни хазар, ни печенегов, Плещут волны: бум-бурум, Но в арбе - смрад Грибоедов По дороге на Арзрум. Девяносто первый год: Где приход и где расход? Цепи рвет аспирантура, -Мой кощунственный заход...

2019.

СИНИЦЫН ТИХОН БОРИСОВИЧ

член союза писателей России. Севастополь

Новороссия

От Дикого поля До Тихого Дона. От мраморной крошки руин Херсонеса До синего неба из русской иконы, Где в майскую вечность скользнула Одесса. Тебя евразийские ветры соткали Над черными шахтами Юго-Востока. То солнце на скифской горит пекторали, То парус белеет вдали одинокий...

2016.

МАЙКОВА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА

доктор философских наук, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, член Союза журналистов Подмосковья, России, автор сборников «Откровение», «Азбука в игрушках», «Азбука в животных» и других, *Москва*.

Время мое

Время мое Не простое – сложное: Перестройка во мне, Перестрелка в стране. Переделы земли. Хоть на миг, но замри, Время мое.

Ты иди, не беги,
Мы успеем еще либо в ад, либо в рай.
Мы по чести с тобой
Послужили стране.
Не походами в бой,
Не лежаньем на дне.
Мы трудились с тобой,
Выживая порой,
Время мое.

«Трудное счастье России...»

Трудное счастье России – Трудное счастье мое. Не у Бога мы счастье просили – В государство верялись свое.

Трудное счастье России – Трудное счастье мое.

1998.

КОРОБКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

поэт, эссеист, советник РАЕ, основатель новых научных направлений «Фаэзия», «Хоротопия», Севастополь.

Русские поэты

Падежами не названными согнали нас на окраины речи русской, склоняя по место-имени вместо имени, в ничейность судьбы среди жителей, удаленных от отчества, от отечества в пришлость без памяти, но сказали мы, склоняя по имени родину в падеже звательном: Русь!
Падежами не падая,

в сослагательность падали, встали мы, нет, восстали мы поэтической речью из междометий и криков окраин русских, из гнета вождей-малороссов, восстали из русскоязычных, из кличек, утверждаясь в имени этом: Мы — русские поэты!

ШЕХОВЦОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

аспирантка Института философии РАН, руководитель проектов Института Русского зарубежья, Барановичи – Москва.

Евразия-Россия

Глотай глазами степь заснеженно нагую Вдыхай жар печек русских поездов Повсюду пограничье миров И слов, оправдывающих жизнь земную

Там за окном сияет бесконечность В единстве белом небо и земля Не слышен звон московского кремля Где стук колёс подзвучивает вечность

И может показаться — замер мир Что весь погружен он в заснеженный туман Но за верстой пылает Казахстан И слышен бой среди степных седин Всё снова в сложной нашей круговерти И продан вновь ненайденный покой И бьёт поток под замерзшей рекой Наш жизни хоровод неотделим от смерти

Так будем же сгорать, пылать У разъярённой буйной печки Схватившись, если сможем, за уздечки Прохлады зимней, снега ожидать

А после мёрзнуть, восхищаясь Простором русским, падая в снега, Не отрицая счастья берега Смеясь, сухим морозом задыхаясь

Сплав льда, всё разрывающий покой Слеза с улыбкой, нежность, эйфория Моя, твоя Евразия-Россия Миры вмещающий наш кубок золотой

09.01.2022

POST SCRIPTUM

Что есть Россия? Кто такие русские? Что такое русская культура, политика, экономика? Ответы давно ищут философы, ученые, литераторы, художники и все, для кого эти вопросы жизненно важны. Они о предметных свойствах неуловимой — единой, соборной, интуитивно понимаемой и врагами, и друзьями, но не подверженной быть спрятанной в карман или коробку реальности — русскости. Точно так же, как красивость не сводима к набору рифм в поэзии Пушкина и Тютчева, а гармония не постижима алгеброй в партитурах русских композиторов. Как Православие не есть сухая догматика высокоученых теологов, так и русскость не может быть исчерпана этнографией, экономикой или государственным устройством.

Но кто скажет, что предметная неуловимость красоты свидетельствует об отсутствии красоты как реальности? И кто скажет, что красота не есть источник всего красивого во Вселенной? Наверное, только не русский. Это очень хорошо поняла и включала в свои тексты, лекции, интервью, социально-политические проекты инфанта русской философии — Даша Дугина.

Для нас очевидно, что она, как никто другой, понимала необходимость найти русскость, предощутить, интуитивно обнять. Для нее, как и для нас, именно это является задачей всех, кому небезразлична судьба России. Причем не столь уж и важна политическая окраска этого сообщества: левые радикалы или правые консерваторы, имперцы или умеренные анархисты. Русский соборный мир способен органично вобрать их всех. Каждое новое поколение, приняв эстафету из прошлого, должно раскрыть русскость в новых исторических условиях как ответ на новые вызовы России. Эта русскость не направлена против кого-то, она дает возможность объединиться всему Русскому миру вокруг традиционных ценностей и веры.

Конечно, дойти до последней точки в поиске русскости невозможно в рамках одного литературно-философского альманаха. Ведь на пути нового обретения русскости в условиях двадцать первого века любому пытливому уму и горячему сердцу придется шагнуть в мистический треугольник смыслов, вершинами которого являются: Русская философия (интуитивная метафизика в логически завершенных формах русского литературного языка) — Русская мысль (эмоциональный разум как специфика русского человека) — Русская эстетика (красота как мерило истинности, подлинности и божественности, взятая в своем органичном всеединстве божественного, человеческого и природного).

Борис Пастернак филигранно точно отметил, что «книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести – и

больше ничего». Книга закрывает лишь одну вершину или сторону заявленного выше русского треугольника смыслов. И для освоения — сердцем, душой и разумением — всей его полноты требуются иные формы бытия смыслов.

«Русская мысль – живет...» это не только, а может, и не столько книга философско-литературных произведений, сколько само пространство поиска русскости. В наших планах этот поиск продолжать.

Во-первых, в перспективе мы видим наш сборник периодическим изданием в журнальном формате и виде литературно-философского альманаха «Русская мысль живет...».

Во-вторых, считаем важным организовать периодический международный симпозиум, который бы включал в себя и конференцию, и круглые столы, где обсуждались бы вызовы времени и предлагались бы ответы на них.

В-третьих, мы уверены в успешности создания еженедельной передачи на радио и телевидении о русских открытиях в сфере философии, литературы, социологии, психологии... в рамках знаковых проблем современности. Все это сопровождалось бы творческими конкурсами.

Отмеченное, как нам представляется, стало бы площадкой совместной работы над новыми смыслами образа будущего России.

Будущее туманно и неясно, его тени порой пугают, порой прельщают, но не могут даровать уверенность в своем материальном воплощении. Однако это не означает, что мы можем опустить руки, иначе из таких безвольных ладоней уже ускользнет настоящее, а будущее рухнет в пропасть кромешной лжи и сменяющих друг друга обманов.

Та книга, которую вы держите в руках, в момент написания нашего POST SCRIPTUM — была еще неясным проблеском будущего. Когда вы читаете эти строки, оно уже ваше материальное настоящее. А вот когда вы поставите вопрос: что же дальше? Она станет прошлым, но с обозначенным вектором. Мы надеемся на это.

Мы набросали вероятия будущего, которое в спрессованном виде упаковано в кубический кусок горячей, дымящейся совести, и жаждем раскрытия ее смыслов в будущем, том, которое считаем лучшим, разумным, правильным. Какое оно будет на самом деле, покажет время. Оно всегда расставляет все на свои места.

С верой и надеждой на будущее, инициаторы появления сборника «Русская мысль живет...»

Шевченко Олег Константинович Габриелян Олег Аршавирович

для заметок

«РУССКАЯ МЫСЛЬ ЖИВЕТ ...»

Сборник философской прозы и поэзии памяти Дарьи Дугиной (Платоновой)

Формат 60 х 84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times New Roman». Печать цифровая. Условн. печ. л. . Тираж 100 экз. Заказ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ» 295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-a/2, тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ» 295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-a/2, тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru